

Международная
конференция

Ялта 1945:

ПРОШЛОЕ,
НАСТОЯЩЕЕ,
БУДУЩЕЕ

70

Международная
конференция

Ялта
1945:

ПРОШЛОЕ,
НАСТОЯЩЕЕ,
БУДУЩЕЕ

70

Международная
конференция

Ялта

1945:

**ПРОШЛОЕ,
НАСТОЯЩЕЕ,
БУДУЩЕЕ**

МОСКВА
АСТРЕЯ
2015

Издание осуществлено на средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации №11-рп от 17.01.2014 и на основании конкурса, проведенного Общероссийской общественной организацией Общество «Знание» России.

Составитель
Е.А. Бондарева

Художник
А.Ю. Никулин

Ялта 1945: прошлое, настоящее, будущее. Материалы международной конференции / Сост. Е.А. Бондарева. – М.: Астрейя, 2015. – 272 с.

В феврале 1945 года в Ливадийском дворце состоялось одно из важнейших событий мировой истории XX века – Ялтинская (Крымская) конференция союзных держав, решения которой определили геополитическое устройство мира и характер международных отношений на протяжении второй половины XX века.

70 лет спустя историки, политологи, эксперты, представители общественности и СМИ на научной конференции обсудили исторические решения 1945 года и их значение для современного мира. Их осмысление призвано содействовать преодолению кризиса международных отношений, утверждению принципов глобальной стабильности и равноправного сотрудничества.

Организаторами конференции выступили: Фонд развития гражданского общества, Фонд исторической перспективы, Международная ассоциация фондов мира.

ПРЕЗИДЕНТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

"03" февраля 2015 г.

№Пр-180

Москва, Кремль

Участникам и гостям Международной научной конференции "Ялта 1945: прошлое, настоящее, будущее"

Уважаемые друзья!

Приветствую вас на открытии конференции "Ялта 1945: прошлое, настоящее, будущее".

70 лет назад именно здесь, в Ливадийском дворце, состоялась историческая встреча лидеров государств – союзников по антигитлеровской коалиции, которая сыграла огромную роль в окончательном разгроме нацизма. А главное, Ялтинская конференция определила основы послевоенного устройства мира и характер международных отношений на многие годы вперёд.

Отмечу, что несмотря на политические расхождения и разные, порой диаметрально противоположные взгляды на происходящие события, руководители Советского Союза, США и Великобритании смогли правильно расставить приоритеты, подняться над личными амбициями – и по важнейшим, ключевым вопросам повестки – прийти к взаимному согласию, выработать общие, конструктивные подходы к сложным проблемам – в интересах скорейшего окончания Второй мировой войны и установления системы глобальной безопасности. Дальнейший ход истории – убедительно подтвердил верность этих взвешенных и выверенных решений.

После Ялтинской и Потсдамской конференций, Нюрнбергского процесса – казалось, что идеология и преступная практика нацизма полностью изобличены и отвержены. Однако недавние события говорят об обратном. На наших глазах разворачивается компания по пересмотру итогов Второй мировой войны, умаляется вклад Красной армии в Великую Победу. Эти обстоятельства – не могут оставить нас равнодушными и безучастными. Мы должны твёрдо противостоять любым попыткам фальсификации исторических фактов, защищать правду о минувшей войне. И в полной мере использовать тот позитивный опыт, который был накоплен странами-союзниками в годы Второй мировой войны, бесценное наследие Ялтинской конференции и её решений, в которых воплотился дух международного сотрудничества и истинного союзничества.

Желаю вам успешной, плодотворной работы.

В.Путин

★

**ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО
ОРГАНИЗАТОРАМ И УЧАСТНИКАМ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ЯЛТА 1945: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ»**

Уважаемые друзья!

Рад приветствовать вас в Крыму на открытии Международной научной конференции «Ялта 1945: прошлое, настоящее, будущее»!

Ровно 70 лет назад именно здесь, в стенах Ливадийского дворца, началась встреча, определившая послевоенное мироустройство. Лидеры стран антигитлеровской коалиции - СССР, США и Великобритании - в те февральские дни отлично понимали, что борьба против главного мирового зла - гитлеровского нацизма - уже совсем скоро увенчается Победой. А потому - принимали ключевые решения относительно того, какой будет столь долгожданная мирная жизнь.

Сегодня часто можно услышать, что в течение последней четверти века Ялтинское мироустройство потерпело крах. Да, отчасти это так. И тем не менее, благодаря заложенной именно в феврале 1945 года модели мировых взаимоотношений, и в том числе - созданию Организации Объединенных Наций и ее Совета Безопасности, человечество вот уже 70 лет избавлено от столь страшных международных конфликтов, какими были Первая и Вторая Мировые войны. А потому сегодня, в условиях нарастания международной напряженности, решения Ялтинской конференции и ее исторические уроки приобретают особую актуальность.

От всей души благодарю организаторов открывшегося мероприятия, желаю его участникам плодотворной работы, интересного общения, мира и согласия!

МИНИСТР КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ,
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РОССИЙСКОГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА

В.Р. МЕДИНСКИЙ

**УЧАСТНИКАМ И ОРГАНИЗАТОРАМ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ЯЛТА 1945: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ»!**

Приветствую участников и организаторов Международной научной конференции «Ялта 1945: прошлое, настоящее, будущее»!

Сформированные Ялтинской конференцией принципы послевоенного мироустройства на несколько десятилетий обеспечили стабильность в Европе и предотвратили ядерную войну между странами с разными политическими системами.

Сегодня мир сталкивается с новыми серьезными угрозами, такими как терроризм, неонацизм, экстремизм, ксенофобия, религиозная нетерпимость. Для успешного отражения этих угроз необходимо объединение усилий всего международного сообщества.

В этой связи уроки и значение Ялтинской конференции трудно переоценить.

Международный форум, который начинает свою работу сегодня, позволит не только еще раз напомнить о величайшем историческом событии, которое произошло в 1945 году в Ялте, но и обсудить проблемы современной геополитики, перспективы взаимодействия и сотрудничества государств в предотвращении военных конфликтов.

Желаю организаторам и участникам конференции интересных дискуссий, конструктивной и плодотворной работы!

С УВАЖЕНИЕМ
ГЛАВА РЕСПУБЛИКИ КРЫМ,
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА МИНИСТРОВ
РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

С. АКСЁНОВ

Уважаемые дамы и господа!

Мы находимся в Ливадии – живописном уголке Южного берега Крыма, берега Российской Федерации.

Наша конференция раскрывает свои объятия всем людям мира, всем почитателям истории государства Российского – нашей с вами истории.

Человеческая цивилизация насыщена различного рода конфликтами. Одни конфликты вовлекали большие и малые социальные группы, другие охватывали десятки стран и целые континенты. С древнейших времен люди пытаются решать возникающие противоречия.

Государства и народы, населяющие нашу планету, связаны нитями единой мировой политики и экономики.

В эти дни исполняется 70 лет важнейшему событию истории международных отношений XX века – Крымской (Ялтинской) конференции, которую можно рассматривать как стремление создать механизм предотвращения и разрешения конфликтов, создать двигатель согласия.

Сегодня хочется выразить слова благодарности Фонду развития гражданского общества (г. Москва), Фонду исторической перспективы (г. Москва), Международной ассоциации фондов мира (г. Москва), Ливадийскому дворцово-парковому музею-заповеднику и всем тем, без чьей поддержки и участия не состоялось бы столь важное событие.

Свое приветствие хочу закончить словами великого русского писателя Льва Николаевича Толстого ... Зло войны и благо мира до такой степени известны людям, что с тех пор, как мы знаем людей, самым лучшим пожеланием было приветствие «мир вам».

Мир Вам, дорогие друзья!

МИНИСТР КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

А.В. НОВОСЕЛЬСКАЯ

Н.А.НАРОЧНИЦКАЯ

ПРИВЕТСТВИЕ

Дамы и господа! Уважаемые представители Крыма, Ливадийского дворца, друзья и соратники!

Мы собрались здесь, на обильно политой русской кровью земле Крыма для того, чтобы отметить и осмыслить в новых критериях, на фоне полувекового развития международных отношений одно из эпохальных событий мировой истории, один из самых значимых международно-правовых актов XX столетия.

Анализируя процессы в жизни человечества XX-XXI веков, мы видим, что миром на протяжении истории движут преемственные геополитические интересы. Чтобы понять, насколько явления начала XXI века являются проявлением современных реалий, а насколько они, по сути, - продолжение извечных и постоянных устремлений, весьма полезно обратиться к изучению эпохальных решений Ялтинской конференции. И поэтому новое, с высоты сегодняшнего знания и опыта панорамное осмысление этого акта и решений, того геополитического контекста и рисунка, совместно выработанного победителями фашизма, актуально отнюдь не только и не столько для историков. В этих решениях, как в капле воды, отразилась и квинтэссенция геополитики до войны, и программа послевоенного обустройства мира и, более того, тех процессов, свидетелями которых стало уже наше поколение, когда был разрушен Советский Союз, а новая Россия в обстановке идейной смуты, казалось бы, на время утратила ощущение своей геополитической миссии, и мир был повергнут в борьбу за «российское наследство».

Ялта – наивысшая в истории точка взаимодействия СССР, США и Великобритании, стран антигитлеровской коалиции. Это было взаимодействие государств, которые стали объективно системообразующими элементами складывающихся международных отношений, при этом сохраняющими имманентно присущую им особенность, свой независимый импульс к исторической инициативе. Важность Ялты была в том, что стороны признали друг за другом не только геополитические интересы, без которых государства не могут существовать стабильно и спокойно в мировой истории, но и их особость, их инакость, их отличие друг от друга в представле-

ниях о мировой истории, о поиске смысла исторического бытия. И именно это нашло отражение в Уставе ООН.

В его первой постановляющей Главе I «Цели и принципы» утверждается «суверенное равенство» всех участников международного сообщества и нет ни слова о цели достижения всеми странами демократии западного образца. Иными словами, не может быть стран-изгоев, назначаемых самопровозглашенными менторами! По Уставу ООН государства с исламской, индуистской, православной культурами и секулярно-либеральные государства западного типа, монархии и республики абсолютно равны перед международным правом и между ними нет отношений высшего к низшему, прогрессивного к отсталому. Что же мы видим сегодня? Мы видим полное попрание этого принципа многоцветия человеческой цивилизации и троцкистскую доктрину униформации мира, перекодированную в либеральные клише. Это вызов отнюдь не только России с ее православной основой, но вызов всем национальным и религиозным системам человечества и прежде всего великой европейской культуре.

На атмосферу в Ялте повлияли не только фактор военного соотношения сил и те рубежи, на которые союзники вышли к февралю 1945 года, и прежде всего победоносное шествие Красной Армии. Это была в первую очередь ответственность, осознаваемая всеми тремя сторонами перед глобальными вызовами. Именно такой ответственности нашим бывшим союзникам очень не хватает сейчас, но мы все-таки не теряем надежды на то, что ощущение ответственности к ним вернется.

Вызовы сегодняшнего дня другие, но они не менее драматичны, они имеют долгосрочный характер, и их невозможно преодолеть одними военными действиями.

Это и мировой терроризм, который родился в том числе и как реакция, как ответ на попытку диктата и навязывания глобального управления.

Это и огромные демографические и цивилизационные изменения в мире, которые перестраивают мир, в результате чего западная цивилизация уже оказывается в меньшинстве, при том, что экономический динамизм давно переместился в Азию.

Мощнейшие миграционные потоки уже сотрясают западные общества, которые, будучи в плену либертаристских догм, отказываются от своей идентичности, теряют импульс к продолжению себя в мировой истории. В XXI веке обостряется борьба за ресурсы, за пресную воду. Вряд ли эти вызовы можно преодолеть, или найти на них ответы без международного сотрудничества, ответственного за будущее наших народов.

Среди участников конференции собрались представители разных профессий и слоев общества. В эти дни мы будем осмысливать не только и не столько исторические детали, сколько отражение эпохальных решений Ялты в общественном сознании, их эволюцию, использование их в учебниках и в СМИ, ибо обработка сознания сегодня в информационном обществе становится чуть ли ни главным инструментом политики.

Мир сегодня напоминает мир перед Второй мировой войной, когда отказ найти совокупное, совместное решение для того, чтобы остановить потенциально грядущую гитлеровскую агрессию, привел планету к катастрофе, выходом из которой и стали решения Ялты. Сегодня мы вновь становимся свидетелями отказа от сотрудничества, попытки использовать все сложности ситуации, конфликты, столкновения интересов в качестве инструмента давления на Россию.

Дорогие коллеги! Спасибо вам всем за то, что вы приехали, за то, что вы приложите сейчас свой интеллект, свои знания, своё горение, свою энергию к работе конференции и потом принесете результат наших трудов своим коллегам, друзьям, в свои профессиональные сообщества. Еще раз поздравляю с началом работы конференции «Ялта 1945: прошлое, настоящее, будущее»!

К.Н. КОСТИН

ПРИВЕТСТВИЕ

Дорогие друзья, уважаемые зарубежные гости!

От имени организаторов конференции рады вас приветствовать в Крыму, в Ялте. Именно здесь 70 лет назад произошло событие, которое может служить примером честного и плодотворного международного сотрудничества, когда три лидера – Советского Союза, США, Великобритании – сумели договориться о послевоенном мироустройстве, действительно преодолев огромное количество проблем, разногласий и противоречий. Это позволило не только заложить основы будущего послевоенного мироустройства, но и выработать принципы и механизмы, которые обеспечили сосуществование государств с совершенно разным общественным строем в течение долгих десятилетий. Конечно сегодня, когда мы оглядываемся на прошедшее и смотрим на то, что происходит сейчас, можно сказать, что постялтинская реальность сильно изменилась. Основы многополярного мира подвергаются серьезному испытанию. Мы становимся свидетелями беспричинного и часто, что особенно опасно, произвольного вмешательства в дела суверенных государств. При этом иногда проводятся гуманитарные или военные операции в обход решений Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, свергаются законные правительства и даже физически устраняются главы государств. То, что происходило и продолжает происходить в Ираке, Иране, Сирии, Ливии, Украине, наглядно свидетельствует о том, что наш мир хрупок, и что он находится на пороге новой глобальной нестабильности, а по мнению отдельных экспертов, многие из которых принимают участие в нашей конференции, этот порог уже перейден, и никто сегодня не может чувствовать себя в безопасности, нет никакой гарантии, что существующие институты сумеют помочь преодолеть эти кризисы. Необходимо выработать новые подходы, которые бы гарантировали коллективную безопасность и пример Ялты, и я бы даже сказал, дух ялтинских соглашений дает надежду, что эта задача может быть решена. И сегодня, как и 70 лет назад, политики смогут подняться над личными пристрастиями, преодолеть негативные стереотипы и выработать алгоритмы решения существующих глобальных проблем, о которых так много говорится.

Для этого необходимо найти точки соприкосновения исторического опыта, истории и реальной политики и сделать это как можно более объективно и беспристрастно, без переписывания и фальсификации истории, свидетелями чего мы станем последние несколько лет особенно явно в угоду тем или иным конъюнктурным политическим интересам. Наследие Ялтинской конференции и ее дух может помочь выработать концептуальную основу для формирования новой системы мироустройства в XXI веке. О том, на каких принципах может быть построена эта система, много говорил Владимир Путин во время дискуссии на Валдайском форуме, я позволю себе одну цитату: «Международные отношения должны строиться на международном праве, в основе которого должны быть и моральные принципы, такие, как справедливость, равноправие и правда. И главное – это уважение к партнеру и его интересам». Такое уважение, добавлю от себя, которое проявили друг к другу в ходе Ялтинской конференции Сталин, Рузвельт и Черчилль, когда в этих стенах определяли принципы, по которым будет жить мир после Второй мировой войны.

Всё это делает изучение наследия Ялтинской конференции 1945 года актуальной задачей, имеющей как чисто научное, так и большое общественно-политическое, прикладное значение. Поэтому сегодня среди участников и гостей нашей конференции не только ученые, историки, но и политики, социологи, публицисты, представители общественных организаций и средств массовой информации. При этом крайне важно, что обсуждать значение и уроки Ялтинской конференции приехали представители самых разных государств. Как и 70 лет назад построение безопасного, справедливого, многополярного мира невозможно без конструктивного широкого диалога о будущем человечества, без ответов на новые глобальные вызовы.

От имени организаторов хотел бы искренне поблагодарить всех, кто принял наше приглашение к участию в конференции и пожелать всем интересных дискуссий и плодотворного общения. Спасибо большое за внимание!

А.Е. КАРПОВ

ПРИВЕТСТВИЕ

Уважаемые участники конференции, уважаемые гости!
Дамы и господа!

Приветствую Вас на конференции, посвященной 70-летию Крымской (Ялтинской) конференции руководителей трех союзных держав – премьер-министра Великобритании господина У. Черчилля, президента Соединенных Штатов Америки господина Ф.Д. Рузвельта и председателя Совета народных комиссаров СССР И.В. Сталина при участии министров иностранных дел, проходившей здесь в Ялте в 1945 году.

Особую благодарность выражаю иностранным учёным, специалистам, общественным деятелям, проявившим свою волю, решимость и согласившимся принять участие в нашем мероприятии.

Нынешняя конференция – важная часть юбилейных мероприятий, планируемых в нашей стране в год празднования 70-летия Победы в Великой Отечественной войне, года окончания войны, охватившей практически весь мир. Мы, работники Ассоциации фондов мира, как и все люди Земли, восхищаемся подвигом воинов, победивших злейшего врага. Как и все народы России, мы горды, что наша страна выстояла против германского фашизма, одержала победу.

И всё же основные наши мысли, основная боль: сохранение мира. Само слово ПОБЕДА в русском языке означает состояние ПОСЛЕ БЕДЫ. Не знаю, как в большинстве языков, а в славянских почти во всех так. На сербском и болгарском победа и есть победа, по-украински – перемога, по-белорусски – перамога, от слова перемочь, выдержать. Война – это беда, страшная беда, и потому люди всегда рады её преодолению, переходу к состоянию мира.

Есть русская пословица: «Худой мир лучше доброй ссоры». Хочу её дополнить от себя: «ХОРОШИЙ мир лучше худого мира».

Семьдесят лет назад здесь, в этом зале, руководители трёх Великих держав решали, какой миропорядок надо установить, чтобы избежать новых войн. И, в общем, достигли состояния «худого мира», который всё же продержался несколько десятилетий. Но сегодня уже стреляют в Европе, Азии и Африке.

Несмотря на мирные инициативы России и некоторых других

стран, идёт эскалация вооруженного конфликта на Украине. Армии стран блока НАТО своими несанкционированными действиями в проблемных регионах мира начали разрушение международной системы права.

Перспективы мирного урегулирования политических противостоятий снижаются. Утрачено главное в отношениях между ведущими политиками мировых держав – доверие. Великие державы в своих взаимоотношениях пока ограничиваются экономическими оплеухами, однако угроза масштабного военного конфликта нарастает.

Семьдесят лет назад на конференции в Ялте руководители трёх держав говорили о том, как устроить мир после войны. Сегодня мы вынуждены говорить о том, как удержаться от новой войны. В условиях межгосударственного недоверия, подозрительности, обоюдных бездоказательных и запелляционных обвинений народы мира, как единственный и признанный источник власти, вправе взять миротворческую инициативу в свои руки, объединить усилия с целью предотвращения масштабного военного конфликта, устранения экономических противоречий.

Кто-то скажет, что наши планы в достижении устойчивого мира, установлении справедливости на Земле – наивны. Или решит, что, раз мы говорим о военных угрозах – мы паникёры. Нет, мы ответственные люди. Надо действовать, и действовать немедленно. Проведение настоящей научной конференции, большие знания и высокая подготовка участников позволяют надеяться, что мы сумеем приблизиться к пониманию происходящих процессов, найдём ответы и определим направления наших действий для их разрешения.

Желаю участникам и гостям конференции успехов в работе.
Благодарю за внимание.

* Приветствие Президента Российской Федерации В.В. Путина участникам конференции огласил полномочный представитель Президента РФ в Крымском федеральном округе Олег Евгеньевич Белавенцев.

A black and white photograph showing a group of men in military uniforms. In the foreground, Winston Churchill is the central figure, wearing a dark, double-breasted military coat and a peaked cap with a crest. He is smoking a cigar. To his left, another man in a similar uniform is partially visible. In the background, several other men in various military uniforms are looking towards the camera. The overall scene suggests a formal military or political gathering during the war.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ В ГОДЫ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ЯЛТИНСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ
КАК ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ
ИТОГ СОЮЗНИЧЕСТВА

Н.А. Нарочницкая

Геополитические итоги Ялтинской конференции и их роль в истории XX века

Дорогие коллеги! Мы с вами присутствуем при знаменательном событии. Наша конференция, посвященная 70-летию Крымской встречи союзников, проходит в историческом зале на российской земле.

История всегда подвергалась сложной и противоречивой интерпретации, однако еще никогда ее не превращали в инструмент политики столь цинично, как сейчас. Извращение, а порой и прямая фальсификация истории продиктованы политической задачей — подменить значение и смысл Второй мировой войны. Новым поколениям внушается, что это была не война за геополитические пространства, имевшая аналоги в прошлом и отражения в будущем, будто бы жертвенная борьба шла не за историческое существование народов, а исключительно за торжество «американской демократии». Не случайно в общественное сознание и Запада, и России внедряются представления о тождестве гитлеровского рейха и сталинского СССР, о войне как схватке двух тоталитаризмов, соперничавших за достижение мирового господства.

В русле такой концепции Ялтинско-Потсдамскую систему следовало сначала объявить устаревшим реликтом доктрины баланса сил, а затем — промежуточным итогом борьбы двух равно отвратительных тоталитарных режимов: Запад вынужден был временно смириться с одним из них, чтобы сначала разгромить другого, а потом в течение полувека ослаблять и разрушать прежнего союзника.

Собственно говоря, именно такие слова сорвались с уст президента США Джорджа Буша на праздновании приглашения Литвы в НАТО: «Мы знали, что произвольные границы, начертанные диктаторами, будут стерты, и эти границы исчезли. Больше не будет ни Мюнхена, ни Ялты». Симптоматично, что не только в России, но и на Западе это высказывание предпочли не заметить, не комментировать и даже, похоже, опустить в изложениях «эпохальной» речи. Однако в этом высказывании — квинтэссенция атлантической геополитики в Старом Свете на протяжении всего XX столетия. В устах американского президента формула

«ни Мюнхена, ни Ялты» буквально означает: «Восточная Европа не будет отныне сферой влияния Германии или России — она будет сферой влияния США».

Не будем следовать политической моде и сравнивать цели других членов антигитлеровской коалиции с устремлениями Гитлера. Однако трудно удержаться от комментария: слова Буша — прекрасное подтверждение очевидного: все, что не удалось немцам за две мировые войны, успешно осуществили англосаксы к концу XX века. Не говоря уже о том, что карта расширения НАТО как две капли воды похожа на карту пангерманистов 1911 года, по которой кайзеровская Германия устремлялась на восток, мечтая об Украине, Кавказе, Прибалтике, контроле над Черным морем...

Важнейшим, хотя никогда вслух не произносимым итогом Ялты и Потсдама было восстановление фактического преемства СССР по отношению к геополитическому ареалу Российской империи в сочетании с новообретенной военной мощью и международным влиянием. Это, в свою очередь, определило неизбежность «холодного» противодействия результатам победы, установившим на месте Великой России силу, способную сдерживать устремления Запада. Сегодня все усиливающееся геополитическое давление испытывает на себе уже некоммунистическая Россия.

Симптоматично, что через 70 лет переоцениваются и перечеркиваются именно те итоги Ялты, которые были благоприятны для СССР — те, что были оплачены жертвенной борьбой советского народа с гитлеровской агрессией. О какой демократии в Европе, о каком Европейском союзе говорили бы сегодня, если многие восточноевропейские народы превратились бы в сырье для чужого проекта без собственного языка и культуры?

Подвергается сомнению статус Калининградской области и Курильских островов, но только не измененная в пользу Франции итало-французская граница или передача Додеканесских островов Греции (не состоявшиеся бы без согласия СССР, хотя в Греции Британией были приведены к власти воинствующе антикоммунистические силы). Возвращение территорий, утраченных нашей страной в ходе революции и иностранной интервенции, объявляется агрессией и оккупацией, а приращения к некоторым государствам территорий, вообще никогда не бывших в их составе, никаких сомнений не вызывают.

Важность осмысления и изучения всей подготовки к Ялтинской конференции не сводится к уточнению деталей переговоров и позиций о послевоенном устройстве. Ялта является наивысшей точкой взаимодействия СССР, США и Великобритании. Это было взаимодействие государств, которые объективно сделались системообразующими элементами архитектуры международных отношений, сохраняя свои имманентные

особенности и импульс к исторической инициативе. После краха «kozyревских» химер о «вступлении в мировое цивилизованное сообщество» эта неизменность ролей стала очевидной и в мире, провозглашенным «единым».

После холодной войны С. Хантингтон, первым из маститых политологов Запада указал, что противоборство между либеральным Западом и его коммунистическим оппонентом – было дискуссией в рамках одной философии, тогда как возрождение исторического лица России делает ее уже представителем иного конкурентоспособного мирового проекта. Бжезинский еще в начале 70-х годов был убежден, что «демократический и развивающийся Советский Союз с его размерами и мощью стал бы куда более серьезным соперником для Соединенных Штатов, чем сегодняшняя советская система в ее состоянии бюрократического застоя и идеологической косности» [15, р. 283].

Влиятельные умы на Западе никогда не сводили холодную войну к борьбе тоталитаризма и демократии. Тем более эта парадигма не подходит для объяснения «атлантической» стратегии в Восточной Европе в 1990-х годах или развернувшегося в первый год нового тысячелетия грандиозного евразийского проекта США с попыткой отождествить свои интересы со вселенскими моральными канонами и установить «глобальное управление» миром.

Общество и на Западе, и на Востоке весьма наслышано о «всемирных» претензиях коммунистического проекта, но предпочитает не замечать амбиции либерального проекта, который с троцкистским пафосом возвещает мировую либеральную революцию и приведение мира к единому образцу. Размышляя о всемирных претензиях Запада, А. Тойнби еще несколько десятилетий назад заметил: «Западная цивилизация имеет своей целью не больше и не меньше, как включение всего человечества в единое общество и контроль над всем, что есть на земле, в воздухе и на воде. То, что Запад совершает сейчас с исламом, он одновременно делает и со всеми существующими ныне цивилизациями — православно-христианским миром, индуистским и дальневосточным... Таким образом, современное столкновение... глубже и интенсивнее, нежели любое из прежних» [13, с. 116]. Противодействие подвергнутых насильственному преобразованию на западный манер, протест против бездуховного экспансионизма западной либеральной и рационалистической цивилизации и американского глобализма проявляется в нарочито архаичной форме. В первый же год нового тысячелетия попытки окончательно разгромить региональные конструкции биполярного равновесия породили невиданное по форме соперничество и конфликт между западным «сверхгосударством», пытающимся управлять миром, и трансграничным отпором подавляемых цивилизаций. Бросая технологический, военный вызов другим цивилизациям, не утратившим духовные цели за

пределами человеческого земного бытия, Запад сам духовно разоружен в отличие от времен крестовых походов. Америку, претендующую на руководство миром, невозможно победить технологическими и военными средствами. Поэтому духовным антиподом меркантильной цивилизации выступают диаметрально противоположные аскетические учения. А. Тойнби предсказал этот протест, который он назвал «зелотизмом», проведя параллель с восстанием иудеев против Римской империи. Тойнби даже предположил, что это будет нарочитый «архаизм, вызванный к жизни давлением извне со стороны потребительской цивилизации». Он отметил, что в современном исламском мире это будет протест «пуританской направленности», и даже назвал «североафриканских сенусситов и ваххабитов Центральной Аравии» [там же, с. 117].

Это уже привело к опаснейшему противопоставлению христианского и нехристианских миров.

Осмысление ялтинской эпопеи возможно лишь на широком панорамном фоне. Ялтинские решения есть тонкое равновесие компромиссов, где будущая борьба прежних союзников уже витала в воздухе, вбирая в себя все, что пришлось отложить ради скорейшего достижения Победы.

Документы и обстоятельство самих ялтинских переговоров и бесед, дипломатические намеки важны до последней детали, но не менее важен исторический контекст этого саммита. Ибо и дух Ялты, и дух «контр-Ялты» родились одновременно. Начавшаяся сразу после Потсдама холодная война может быть понята лишь с учетом закулисных разработок задолго до 1945 года.

Самого пристального внимания заслуживает скрытая до сих пор от общественности борьба по Уставу будущей ООН в 1944 году, где США и Британия стремились отойти от принципов классического суверенитета и создать нечто вроде мирового правительства [9]. Примечательна и полная смена вех у Британии. В конце 1944 года она напрочь отказалась от линии, очевидной еще 1943 году: навсегда сдержать Германию с помощью СССР или даже фрагментировать ее. На смену прежней стратегии теперь пришел «фултонский» синдром. Борьба против новообретенных позиций СССР началась еще до того, как они были признаны де-факто и де-юре, а равновесие в регионе Проливов Черчилль упорно не желал даже обсуждать с СССР ни в Тегеране, ни в Ялте, ни в Потсдаме. Не без торга согласовывались послевоенные границы в Восточной Европе.

Основными узлами геополитической конфигурации послевоенного мира, окончательно закрепленными в Ялте и на Потсдамской конференции, были те самые геополитические точки, которые и за столетия до Второй мировой войны и в настоящее время немедленно реагируют на любое изменение в соотношении сил. Именно по этим направлениям шло наступление кайзеровской и гитлеровской Германии в двух ми-

ровых войнах. Именно эти регионы стали объектом давления, а затем и контроля США и НАТО после крушения СССР. Это Прибалтика, Балканы, Дунайский регион и стратегический контроль над Средиземноморьем и Проливами; Восточная Европа, где всегда первым возникает «польский вопрос». Польская тема звучит на секретных переговорах и в Москве и в Ялте. Кстати, нынешней Варшаве полезно понять истинную цену «польской карты» в глазах Запада и избавиться от роли служебного инструмента в чужих руках, направленного против России.

Разрабатываемые в недрах внешнеполитических ведомств США и Британии проекты послевоенной конфигурации мира существенно менялись в 1942—1944 годах, поскольку менялась оценка потенциальной сферы влияния СССР. В британских проектах, судя по документам разведки, к 1945 году уже вырастает план холодной войны вне зависимости от потенциального поведения СССР в отношении Западной Европы.

Достаточно сравнить несколько документов: меморандум министра иностранных дел Великобритании А. Идена от 28 января 1942 года, переписку с Иденом английского представителя при Временном правительстве Франции Д. Купера от 25 июля 1944 года и, наконец, доклад (меморандум) штаба военного планирования при Комитете начальников штабов Великобритании «Безопасность Британской империи» от 29 июня 1945 года [5].

В меморандуме 1942 года Иден оценивает идею создания западно-европейского блока как контрпродуктивную. Примечательно, что тогда закрепление западных границ СССР на 1941 год в Форин-офисе считали совершенно естественным итогом войны. Более того, Иден расценивает такие условия как весьма умеренные, полагая правомерным со стороны СССР претендовать на большее — «контроль над Дарданеллами... доступ к Персидскому заливу и Атлантическому океану с предоставлением русским норвежской и финской территории». В откровенной записке нет и тени сомнения в легитимности территории СССР: «Он требует только того, что уже являлось русской территорией», «Прибалтийские государства сами голосовали за присоединение к СССР», а «финская и румынская территория были предоставлены Советскому Союзу по договорам, законно заключенным с Финляндией и Румынией».

Спонсоры потенциально «могучей» Польши и не пытались особенно отстаивать идеи польской антирусской эмиграции на Ялтинской конференции, откровенно предлагая лишь позволить им «соблюсти лицо». В сегодняшней Польше публично утверждают, что Черчилль сдался лишь под «невиданным» нажимом диктатора Сталина. Однако вполне циничное отношение Черчилля к «польской карте», которую он сбрасывал весьма легко, демонстрировалось не впервые. Беседа И. Сталина с У. Черчиллем от 14 октября 1944 года в ходе визита У. Черчилля и А. Идена в Москву начинается с оправданий Черчилля перед Сталиным: «Он упор-

но работал с поляками все утро, но не добился больших результатов. Трудность состоит в том, что поляки хотят оставить за собой формальное право защищать свое дело на мирной конференции. Он, Черчилль, изложил на бумаге то, что он зачитывал полякам. Поляки были весьма недовольны, но, как он, Черчилль, думает, они не особенно далеки от того, чтобы принять это» [7, с. 145].

Черчилль добивался от поляков согласия с тем, что союзники не дадут им голос на мирной конференции, ибо польский вопрос планировали обсудить вовсе без поляков не только «плохой» Сталин, но и «добрый» Черчилль. И в доялтинских документах, и на переговорах по Польше в Ялте очевидна задача союзников не омрачать такой «безделицей» как Польша переговоры по куда более важным для англичан вопросам. А в совокупности документы по всем переговорам, касающимся послевоенного равновесия в мире, позволяют сделать вывод, что наиболее важным для Британии была не Восточная Европа, в которой уже в силу конфигурации фронта вошла советская армия, а положение в средиземноморско-черноморском регионе – извечном стратегическом нерве для владычицы морей.

При этом надо было еще скрыть свой цинизм от общественности, ибо, «если сведения об этом проникнут в прессу, то поляки могут поднять большой шум и это принесет большой вред Президенту на выборах». «Поэтому, он, Черчилль, думает, что лучше было бы держать все это дело в строгом секрете, включая и тот документ, который он показал сейчас маршалу Сталину, в течение трех недель, пока не состоятся выборы в США». Сталин предлагал в качестве основы польской границы «линию Керзона», что Черчилля вполне устраивало. Он лишь докладывал Сталину, что «поляки были бы готовы принять документ, если бы было оговорено, что они согласны с линией Керзона как границей, но все же протестовали против нее». «Это не подходит» – невозмутимо отверг Сталин, и беседа закончилась заверением Черчилля в том, что «британское правительство полностью сочувствует желанию Маршала Сталина обеспечить существование дружественной Советскому Союзу Польши» [там же]. Так что в Ялте Черчилль заботился лишь о сохранении лица перед лондонской польской эмиграцией, которой Британия дала слишком много авансов.

Что касается США, то Рузвельт и вовсе был более всего увлечен своей идеей создания всемирной организации – будущей ООН, и ради этого признавал статус-кво в Европе без всяких возражений.

Поворот Черчилля от союзнических отношений с СССР был предрешен, но он вытекал вовсе не из идеологии, а из принципиально изменившейся геополитической архитектуры Европы. Нерушимая традиция Британии — препятствовать превращению любой континентальной державы в доминирующий центр влияния.

Было бы наивно полагать, что до получения документальных свидетельств о грядущем повороте англосаксонской политики или до начавшейся дипломатической войны за плоды победы, советское руководство не отдавало себе отчет, с кем в качестве соперника придется иметь дело в послевоенном мире. К Ялте все союзники пришли с четким пониманием, что они рисуют послевоенный мир, вокруг которого тут же сами воздвигнут стены.

Уже 26 декабря 1941 года С. Лозовский пишет записку Сталину о создании комиссии «по послевоенным проектам государственного устройства стран Европы», подчеркивая необходимость начать подготовку мирной конференции, «задачи которой будут гораздо сложнее Парижской мирной конференции, собравшейся после разгрома Германии в войне 1914 — 1918 годов», ибо «мы будем иметь против себя... не только блок Соединенных Штатов и Великобритании, но и другие капиталистические страны, которые вместе будут, прежде всего, заботиться об удержании Советского Союза, во что бы то ни стало в старых границах до 1939 года» [6, с. 119 – 123].

Поскольку «Рузвельт и Черчилль уже объявили программу будущего устройства Европы и всего мира» (Атлантическая хартия), Лозовский считает необходимым «тоже заняться, хотя бы в предварительном порядке, подготовкой будущего мира». Судя по архивам, в Кремле на том этапе не придавали слишком большого значения предварительным разработкам, полагая, что многое будет зависеть от положения союзных войск к концу войны.

Заметно, что все записки исходят вовсе не из идеи безудержной экспансии в Западную Европу, в чем часто сегодня обвиняют советскую внешнюю политику, а, наоборот, из задачи установить с партнерами по антигитлеровской коалиции прочный модус вивенди. Так и Майский ориентируется на «компромисс» с Англией в балканских делах, предлагая не вмешиваться в дела Греции, в которой СССР «заинтересован гораздо меньше», чем Англия.

Планы послевоенного устройства, изложенные в документе «Безопасность Британской империи», открывают новый период истории XX века, известный как «холодная война». Будучи директивой министерству иностранных дел и военным министерствам Великобритании, доклад официально называл СССР главным противником и намечал ряд военно-политических мероприятий, которые позднее с удивительной точностью были реализованы, а именно: «установление особых отношений» с США, прочно обосновавшимися в Западной Европе, создание блоков НАТО, СЕНТО и СЕАТО и сети военных баз по всему миру.

В кабинетах Вашингтона весьма прагматически и без демагогии о «нации-искупительнице» и «знаменосце свободы» анализировали новое соотношение сил и новые геополитические реальности. Секретная

разработка Госдепартамента США от 16 февраля 1944 года посвящена сравнительному анализу геополитических устремлений Германии, Японии и СССР, их конфликту с интересами США, которые по-прежнему экстраполировали на Восточное полушарие доктрину Монро.

Разработка интерпретирует доктрину Монро как вариант геополитического мышления, превращающего «большие пространства» в зоны своего решающего политического влияния. Откровенная германская экспансия, не говоря уже об азиатских и дальневосточных аппетитах Японии, всегда вызывали тревогу в Вашингтоне. После краха завоевательных походов стран Оси главным препятствием к реализации доктрины оказывалась советская концепция «дружественной» Восточной Европы, то есть вовлечение Восточной Европы в орбиту СССР. Хотя авторы указанной разработки декларативно признают за другими государствами право на зоны влияния, стремление России-СССР к «зоне безопасности» вдоль своих границ выглядело для США некоей узурпацией. Их неприятие чужих претензий на зоны преимущественного контроля совершенно очевидно. Это дозволялось единственной державе, призванной управлять миром, — США.

Сегодня Америка преподает Вторую мировую войну и свое в ней участие как святую борьбу за демократические ценности. На деле вступление США в войну было продиктовано стремлением не допустить неограниченного или преимущественного господства какой-либо силы, независимо от ее характера.

Любопытно, что разработка откровенно признает идентичность доктрины Монро и немецкой доктрины «Grossraum». Мы не встретим здесь осуждения ни нацизма, ни тезиса о природной неравномерности людей и наций. Даже гитлеровский план подчинения Европы, от Гибралтара до Урала, от Норвегии до Северной Африки, именуется просто и откровенно «нацистской доктриной Монро» (!) и разбирается как родственный тип геополитической концепции. Каковы бы ни были идеологические и философские обоснования и средства реализации доктрин «Grossraum» и Монро, объединяет их одно: стремление к господству над миром или значительной его частью.

Сравнивая американскую и гитлеровскую концепции «Америка для американцев» и «Европа для европейцев» (сейчас мало кто знает, что идея единой Европы принадлежала Гитлеру и Муссолини и прямо нацелена на лишение наций суверенитета, что и становится очевидным через полвека после первого оформления «европейской интеграции» [18]), автор указывает, что «нацистская доктрина Монро» предполагает огромный район, управляемый господствующим народом, обосновывающим это «естественным правом»... Возражение вызывает только тот факт, что для Гитлера «международное право теряет свое значение и означает узаконивание прав рейха править по усмотрению. Такой Гроссра-

ум экспансивно динамичен и отвергает границы» [1].

Аналитики Государственного департамента ставят единственный вопрос: можно ли считать регион Восточной Европы пределом советского Гроссраум и не будет ли целью СССР постоянное его расширение, что можно подозревать в силу «его военной мощи, экономического потенциала и тоталитарной философии». Подобное сомнение, поскольку «нет никаких ясных показателей на пределы этого района, внутри которого советская политика должна быть решающей», со стороны американцев вполне закономерно и оправданно. Но это всего лишь сомнение, не подкрепленное никакими доводами и фактами.

Весьма примечательно, что разработка, не содержащая никаких секретных данных, но грозившая своим прагматическим подходом подорвать доверие к пафосу Атлантической хартии, циркулировала под грифом «Совершенно секретно. Из Государственного департамента не выносить».

Поняв, что СССР — это геополитический гигант со всеми присущими такому феномену свойствами, США уже при Трумэне, то есть через считанные месяцы после Ялты, приняли стратегию всемерного сдерживания. Западная Европа превращалась в их главный форпост и опору. Геополитические очертания «зоны безопасности» на Тихом океане сформировались еще в начале XX века. Как только ощущалась угроза интересам США, немедленно принимались меры — интервенция на Дальнем Востоке и бдительная забота о судьбе Транссибирской магистрали. Теперь же, чтобы создать надежный плацдарм в Азии, США постарались не допустить перехода Корейского полуострова под стратегический контроль коммунистического Китая.

Любопытную оценку двадцатипятилетней холодной войне дал З. Бжезинский в одной из своих веховых статей 1972 года. Именно тогда этот политолог, извлеченный на свет Д. Рокфеллером, одним из главных идейных и финансовых спонсоров Совета по внешним сношениям, обрел авторитет и стал регулярно выступать с программными разработками. Автор разделил исследуемые годы на периоды, оценивая в каждом устремления и сравнительные возможности соперников. Ни в один из периодов Бжезинский не приписывает Москве завоевательных целей. Наоборот, он фанатично утверждает, что СССР в течение всего времени едва справлялся со своим наследием.

В результате войны американские обретения значительно превышали советские, а контроль США над целыми регионами мира и возможность их структурного подчинения имели несравненные глобальные параметры. Именно об этом и говорит Бжезинский, сетуя, что США сразу после Ялты и Потсдама не попытались отбросить СССР и решительно опрокинуть Ялтинскую систему.

Бжезинский предполагает, что конфронтация между США и СССР вы-

кристаллизовалась в течение следующей фазы — 1947—1952 гг., чему немало способствовало формирование консенсуса в пользу конфронтационного курса как в американских правящих кругах, так и советском руководстве, которое после введения сталинского террора нуждалось в атмосфере «осажденного лагеря».

Однако, по оценке Бжезинского, Советам опять было не до экспансии, ибо сам «осажденный лагерь» испытал ряд сотрясений — Чехословакия, Берлин, отход Югославии. В этот период отмечается быстрое наращивание советских вооруженных сил, способных компенсировать наличие атомной бомбы у США. Впрочем, в 1951 году у СССР уже появился небольшой собственный арсенал, равный приблизительно одной десятой американского. Хотя в этот период СССР демонстрирует решительность и жесткость в ответе на вызовы, «эффективность его вооруженных сил ограничивалась лишь охраной советского политического доминирования в Восточной Европе — зоне, которая даже и не оспаривалась Западом активно» [16, р. 182-183] (выделено мной. — Н.Н.)

В целом, по мнению Бжезинского, этот период выиграли США. Началась реализация давно лелеемых целей: организация зависимого экономического развития Западной Европы, оформление новой политической коалиции — НАТО, начало ускоренного вооружения США. Противодействие Советскому Союзу оказывалось на трех направлениях — Берлин, Корея и Югославия. Последняя, благодаря амбициям Тито, принесла выигрыш англосаксам в их стратегии не пустить СССР на Балканы.

Этим во многом объясняется наступательная стратегия СССР тех лет, однако она не затрагивала принципов Ялтинско-Потсдамского мира. В их пересмотре были заинтересованы США, которые и начали холодную войну. Была ли она неизбежна в силу закономерностей мировой политики, когда весь мир стал единой ареной геополитической борьбы? Следует признать, что это так. Неизбежно было и превращение разгромленной и несамостоятельной Германии из объекта расчленения в инструмент разделения Европы.

Эфемерным оказался достигнутый в Ялте модус вивенди относительно Средиземного и Черного морей. Вопрос в Ливадийском дворце поднимался, но натолкнулся на упорное, хотя внешне благожелательное настояние Черчилля отложить его решение на будущее. Именно из-за Проливов в течение веков шли войны и разворачивались главные европейские интриги, и всегда за ними стояла Британия. Именно Черчилль играл главную скрипку в этих вопросах и в Тегеране, и в Ялте [10].

Едва отгремели пушки, настал черед дипломатических ристалищ, выявивших истинные причины предшествующих политических маневров. Британские планы «правофлангового наступления на Балканы» и привлечения Турции в антигитлеровскую коалицию, переворот в Гре-

ции — все это требовалось для того, чтобы не позволить решить старый Восточный вопрос в пользу России. Тем более неприемлемым было для США и Британии возвращение России отторгнутых Турцией в 1918 году Карса и Ардагана, о чем был поставлен вопрос в беседах на Ялтинской и Потсдамской конференциях [12, с. 159].

Пока еще латентная холодная война уже разгоралась на дипломатических форумах по послевоенному урегулированию. Всего через полгода после Ялты на первой же сессии Совета министров иностранных дел осенью 1945 года начались позиционные дипломатические бои с участием В. Молотова, Государственного секретаря США Дж. Бирнса и министра иностранных дел Великобритании Э. Бевина. Англосаксонская линия была очевидна и неизменна: ни в коем случае не пустить СССР на Балканы и в Средиземное море. Граница «зоны безопасности» СССР ни в коем случае не должна была доходить до Средиземного моря. Ее надо было сдвинуть на Восток, полностью отделив Черное море от Южной Европы и оставив Средиземноморье под контролем англосаксов.

Однако, по мере возрастания роли СССР в разгроме Германии, Сталин начал более настойчиво ставить вопросы, чувствительные для интересов партнеров. В конце переговоров «Большой тройки» в Тегеране он заговорил о Дарданеллах и пересмотре Севрского договора с Турцией: о возвращении Карса и Ардагана, полученных Россией по Берлинскому трактату 1878 года и оккупированных Турцией в 1918 году. Эту оккупацию большевики признали в Карском договоре 1921 года взамен на невмешательство Турции в «советизацию» меньшевистской Грузии и дашнакской Армении. Черчилль счел этот вопрос «несвоевременным», сославшись на свой план втянуть Турцию в войну, и отреагировал необязывающей фразой, что «русский военный и торговый флот будет бороздить океаны, и мы будем приветствовать появление русских кораблей» [14, с. 375]. Подобное он изрек и в Потсдаме на слова Сталина: «Если Вы считаете невозможным дать нам укрепленную позицию в Мраморном море, не могли бы мы иметь базу в Дедегаче?» (греческий порт Александруполис в Эгейском море неподалеку от турецкой границы) [17, р. 93].

Это важнейшее противоборство было отложено в Ялте, но проявилось через несколько месяцев после капитуляции Германии. На конференции в рамках сессии Совета министров иностранных дел в беседе Молотова и Бевина 23 сентября 1945 года вопрос был сторонами поставлен с предельной ясностью. Беседа началась с выяснения причин нежелания союзников признавать новые «дружественные» правительства Болгарии и Румынии, и уклонения Советской делегации дать согласие на передачу Додеканесских островов Греции. Стороны фактически признались, что используют свои «нет» лишь в качестве торга. За «маленьким вопросом», как Молотов, охарактеризовал передачу Додеканесских островов Греции (которая, «конечно же, получит их!») стояли стратегические па-

раметры.

«Почему Великобритания интересуется черноморскими проливами? Черное море — внутреннее море, и вместе с тем небезопасное для Советского Союза, как показала эта война... — говорил Молотов, предлагавший сделать бывшие итальянские колонии подмандатными территориями победителей, — В Черноморских проливах нас хотят держать за горло руками турок. А когда мы поставили вопрос о том, чтобы нам дали хотя бы одну мандатную территорию в Средиземном море — Триполитанию, то сочли, что мы покушаемся на права Великобритании... Между тем Великобритания не может иметь монополии в Средиземном море... Неужели Советский Союз не может иметь уголок в Средиземном море для своего торгового флота?» (выделено мной. — Н.Н.).

В ответ Бевин прямо сослался на, якобы, данное Сталиным обещание не искать присутствия в Средиземном море: «Черчилль в свое время говорил, что в одной из бесед с ним Генералиссимус Сталин сказал, что у Советского Союза нет намерения двигаться в Средиземном море.» Далее он поставил ребром вопрос о международных внутренних водных путях в Европе, четко указав, что «при установлении международного режима на водных путях Британскому правительству должно быть возвращено то, что было потеряно Великобританией во время войны». Перекидывая тут же мостик к Балканам, Бевин прямо намекает, что «Британия могла бы изменить свое негативное отношение к признанию румынского и болгарского правительств и посмотреть, не является ли политика Британского правительства по отношению к этим странам неправильной».

Продолжая этот дипломатический торг, наконец, Бевин изрекает классическую двухсотлетнюю позицию Великобритании: «В вопросах присутствия в Средиземном море Британское правительство сильно опасается того, как бы чего не случилось в Средиземном море, что разделило бы Британскую империю на две части (выделено мной. — Н.Н.) [4].

Когда прозвучала Фултонская речь Черчилля, для Сталина, уже знакомого с докладом «О безопасности Британской империи» и дипломатическими баталиями в СМВД, эта речь, потрясая мир, была лишь завершающим пропагандистским хлопком. В Мраморное море «на неопределенный срок» уже собирался американский морской отряд особого назначения, состоящий из самого мощного в мировом флоте линкора «Миссури», двух новейших и мощнейших авианосцев, нескольких крейсеров и дюжины эсминцев. Предлогом было сопровождение тела внезапно скончавшегося турецкого посла в Вашингтоне.

И в Ялте, и в Потсдаме Черчилль уклонился от ответа на вопрос Сталина о советской базе в Дарданеллах. Однако он сам пообещал пересмотреть в пользу СССР и черноморских стран Конвенцию о Черноморских проливах Монте от 1936 года. Как показали последующие события, со-

юзники и не думали исполнять обещанное. Даже продвижение сферы влияния СССР до Берлина не выглядело для англосаксов такой угрозой, как попытка возврата к временам Берлинского конгресса 1878 года или к кульминации успехов России в Восточном вопросе – Ункияр-Искелесийском договоре с Турцией 1833 года! Тогда Англия и еще могущественная Франция повели дело к Крымской войне!

Контроль над Восточной Европой добавлял к могуществу СССР меньше, чем принято думать. Важнее было восстановление собственных российских территорий – Прибалтики, утраченных революцией. Но вот это Конгресс США так и не признал. Над СССР нависла постоянная необходимость сдерживать нелояльных поляков и венгров, которые куда более чем немцы, мечтали о реванше над Россией. Настоящим призом для нее было бы восстановление положений Берлинского трактата: Карс, Ардаган, беспрепятственный проход по Черноморским проливам, Прибалтика. Но именно этому воспротивились англосаксонские союзники СССР. Смысл антигитлеровской коалиции, как и Антанты, был не только в разгроме Германии, но и в предупреждении серьезных обретений России.

Таким образом Ялта всего лишь зафиксировала согласие и модус вивенди по главным геополитическим разломам европейской и азиатской истории практически по тем же линиям, которые сложились как приемлемые к рубежу XIX-XX века и потом на протяжении всего XX века были необычайно чувствительны к любому изменению соотношения сил.

Это прежде всего линия от Балтики до Средиземного моря. И задача англосаксов, в первую очередь Черчилля, выступавшего активнее, чем США в этом направлении, была – предотвратить продолжение на юг по берлинскому меридиану до Средиземного моря «зоны безопасности Советского Союза», покрывавшей Восточную Европу. Задача не допустить СССР в регион проливов и Восточный вопрос вовсе не остались в XIX веке.

Что такое Средиземное море во время войн Ганнибала и Рима, в наполеоновский период, во второй половине XIX века и в двух мировых войнах, сегодня? Это все та же геополитически и военно-стратегически важнейшая зона, огромная, особенно глубоко вдавшаяся в сушу бухта мирового океана. Контроль над ней создает особые условия безопасности или угрозы ей для государств региона и особые возможности для сильных мира, имеющих цель диктовать свою волю. Тот, кто контролирует оба побережья, становится господином мира [11], как писал выдающийся политический географ В.П. Семенов-Тянь-Шанский. В Пунических войнах Карфаген и Рим оспаривали управление обоими побережьями, и лишь после того, как Риму это удалось, он стал той самой великой Римской империей античности. Попытку повторяли арабы и турки, затем Наполеон, Гитлер и Муссолини со своей концепцией *mare nostrum*.

Неслучайно и Черчилль на всех переговорах со Сталиным во время войны упорно предлагал ему правофланговое наступление на Балканы через Вену, чтобы предотвратить раздел сфер влияния именно на этом южном - очень важном военно-стратегическом фланге. И Советский Союз понял, что для Англии это слишком важный жизненный нерв. Сталин не стал пытаться вторгаться в эту сферу. Советский Союз смирился с тем, что в Греции Британия устроила переворот и были свергнуты коммунистические силы, в Греции традиционно очень прорусские.

Но сразу после войны Трумэн немедленно окружил южное подбрюшье Советского Союза военными базами, а Турция, как и «блистательная Порта» в XIX-м веке стала служить инструментом западной и прежде всего англосаксонской политики. Даже в разгар союзничества в самом первом официальном предложении создать «всемирную организацию безопасности» в письме И. Сталину У. Черчилль дал понять, что в послевоенной конструкции Европы будет участвовать Турция: «составными частями органа управления Европой будут «великие нации Европы и Малой Азии» [3] (выделено мной. – Н.Н.).

Вопрос о геополитической конфигурации Дальнего Востока был также намного важнее для США, чем Восточная Европа. Амбиции Японии всегда воспринимались Вашингтоном как посягательство на тихоокеанские позиции США, которые во время Гражданской войны в России высадились на дальневосточных побережьях России не для того, чтобы свергнуть большевиков, а для того, чтобы предотвратить занятие региона Японией. И Советский Союз дал в Ялте обязательство немедленно после капитуляции Германии вступить в войну с Японией по просьбе своих союзников. Через 70 лет после этого США уже открыто подвергают сомнению свое обязательство, данное взамен – возвратит Курильские острова Советскому Союзу.

Каковы же итоги XX столетия в свете решений и эпохального взаимодействия в Ялте?

На рубеже третьего тысячелетия Запад пытается совершить невиданную геополитическую трансформацию и не менее радикальную смену всех основ международного права. Это давний план, лелеемый до удобного момента, когда Россия временно ослабеет и утратит ощущение своей геополитической миссии. Об этой программе заявил З. Бжезинский в одной из статей: «В 2000 году признают, что Робеспьер и Ленин были мягкими реформаторами» [8].

Превращение Восточной Европы в Западную, а западных территорий исторического государства Российского в Восточную Европу стало звеном в системной геополитической стратегии США. Это становится очевидным после серии спонсированных цветных революций по периметру границ нынешней Российской Федерации, затем последовательных захватов Ирака, Афганистана, разрушения хрупкого равновесия на

Ближнем Востоке, где была взорвана Ливия и где еще сопротивляется разрушенная, но несломленная Сирия.

Именно эти цели ставил перед правительством США в качестве приза во Второй мировой войне Совет по международным отношениям в сентябре 1941 года сразу после нападения Гитлера на СССР и начала «нацистско-большевистской войны». Цинизму этого документа о целях США в войне мог подивиться сам Талейран, ведь в нем даже обсуждался вопрос, не целесообразно ли пытаться восстановить большевизм, если он рухнет. — «Военный результат этой войны может обусловить огромный процесс перегруппировки сил от Богемии до Гималаев и Персидского залива... Ключ к этому лежит в реорганизации Восточной Европы, в создании буферной зоны между тевтонами и славянами... В интересах Америки направить свои усилия на конструктивное решение этой проблемы» [2].

Вот цели, которые определили холодную войну сразу после Ялты, вот устремления, которые были временно укрощены ялтинским духом, а во все не мифическое желание СССР войти с танками в Западную Европу. Одни лишь географические итоги войны, закрепляемые в Ялте, опрокидывали полностью цель, сформулированную в секретной записке Государственному департаменту от Совета по международным отношениям.

То, что началось в 90-е годы после распада Советского Союза и самоустранения России, весьма похоже на реализацию цели Совета по международным отношениям: создание буферной зоны между Германией и Россией из мелких несамостоятельных, но подконтрольных англосаксам, государств от Балтики до Черного моря. Это не только рычаг давления на Россию, но и предотвращение формирования «Mitteleuropa», превращающей потенциально Германию с сателлитами в самостоятельный центр политики. Борьба за Восточную Европу была целью и перед Первой мировой войной и перед Второй. Всё, что не удалось немцам за два масштабных Дранг нах Остен XX века, удалось англосаксам.

Ялта обеспечила мир, а передел мира в 90-е годы обрушил бомбы на суверенные государства, породил «терроризм» как структурный элемент мировой политики, как средство изменения границ. Сегодняшняя угроза самому Западу и прежде всего Европе от ИГИЛ – порождена безответственным отношением самонадеянной силы к миру и собственной ответственности перед человечеством.

Кольцо вокруг России, которое попытались сформировать в 90-е годы, не замкнуто лишь благодаря восстановлению национально-государственной воли и геополитической миссии России. Этот аспект возрождения России как самостоятельного субъекта политики располагает наибольшим консенсусом в российском обществе и имеет огромный морально-политический резерв.

Но очевидно, что сохраниются планы и надежды замкнуть дугу вокруг

России. Этому служит попытка сомкнуть ряды не только традиционных оппонентов и геополитических соперников России, но и вовлечь в них новообразованные государства из бывших частей исторического государства Российского. На этой дуге уже развернулись главные военно-стратегические и геоэкономические сценарии начала XXI века. Все ее элементы — Восточная Европа, Кавказ и Центральная Азия — поочередно становились с начала 90-х годов объектом внутреннего и международного соперничества за втягивание их в евро-атлантическую «целостность», которая все еще мнит себя носителем «всемирной цивилизации», хотя динамику мировому развитию задает уже Азия. Настала очередь и Киева — «матери городов русских». Судьба многострадальной Украины тому последний и тревожный пример. Угроза мира и стабильности, а также великой исторической роли Европы очевидны.

Все это побуждает еще раз оценить общемировое величие духа компромисса и ответственности, проявленных в ходе Ялтинской конференции, когда мир и Европа лежали в руинах и нужна была их организация в стабильную и жизнеспособную систему. Россия в лице СССР тогда продолжила свою преемственную двухсотлетнюю работу на своих рубежах. США в лице президента Ф.Д. Рузвельта осознанно приняли новое соотношение сил и проявили редкую готовность и стремление к равновесию ради мира. Его речь в Конгрессе США вскоре после Ялты полностью опровергает утверждение, что США были обмануты Советским Союзом. Такое суждение не имеет обоснований и продиктовано задачей полностью изменить интерпретацию смысла и итогов Второй мировой войны и Ялтинской конференции.

Рузвельт, как писал блестящий знаток американской истории и внешнеполитической стратегии А.И. Уткин, считал Советский Союз прежде всего не идеологическим, а геополитическим фактором и уважал его законные интересы. Рузвельт мудро убеждал своих соратников и конгрессменов: «Мир такой, какой он есть. Россия определяет свою безопасность по своим границам. Спорить с ней по некоторым вопросам не только безнадежно, но и опасно пытаться подчинить русских американской воле».

В глазах Рузвельта совершенно обоснованно политика победоносной Москвы в 1945 году была скорее похожа на политику осторожной царской России, чем на троцкистский коммунистический авангард с универсалистскими задачами. Поэтому Рузвельт исходил из так называемой «ялтинской аксиомы» — дух союзничества и взаимного признания мог продолжать действовать и после окончания Второй мировой войны, подчиняясь обоюдодоприемлемым нормам поведения. Рузвельт полагал, что все, СССР в том числе, будут стоять перед задачами восстановления, для которых нужны стабильность, порядок, мир. Самый выдающийся президент США в XX веке считал предотвращение взаимного недоверия одной из главных своих задач.

Именно к такой ответственности и признанию реальностей Россия призывает своих союзников по Второй мировой войне для того, чтобы достойно встретить вызовы XXI века.

Источники и литература

1. АВП РФ. Фонд 0512, оп. № 4, док. № 212, папка № 25, листы 4, 7, 17, 26, 27 – 29.
2. АВП РФ. Фонд 0512, оп. № 4, док. №213, папка № 25, лист 3.
3. АВП РФ. Фонд 0512, оп. № 4, док. № 304, папка № 31, лист 1.
4. АВП РФ. Фонд 0512, оп. № 4, док. № 304, папка № 31, листы 47 – 48, 49 – 50, 51-53.
5. Архив СВР РФ. Дело № 43106 «Спецсообщения из Англии». См. также: Царев О. И. СССР – Англия: от сотрудничества к конфронтации (1941 – 1945гг.) // Новая и новейшая история. 1998, №1.
6. Вестник Архива Президента Российской Федерации. Источник. Документы русской истории. 1995, № 4 (17).
7. Запись беседы тов. И.В. Сталина с Черчиллем. 14 октября 1944 г. // Вестник Архива Президента Российской Федерации. Источник. Документы русской истории. 1995, № 4 (17).
8. Максименко В.И. Происходит ли «глобализация»? // Pro et Contra. 1999. Т. 4, № 4.
9. Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. – М.: Международные отношения, 2005.
10. Нарочницкая Н.А. Великие войны XX столетия. За что и с кем мы воевали». – М.: АЙРИС-пресс, 2007.
11. Семенов-Тянь-Шаньский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк по политической географии. – СПб., 1915.
12. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т.VI. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17июля – 2 августа 1945 г.). Сборник документов. – М., 1945.
13. Тойнби А. Дж. Византийское наследие России // А. Дж. Тойнби. Цивилизация перед судом истории. М.: Прогресс, 1996.
14. Черчилль У. Вторая мировая война. Том V: Кольцо смыкается. – М.: Терра-Книжный клуб, 1998.
15. Brzezinski Z. Between two Ages: America's Role in the Technotronic Era. - N.Y.: The Viking Press, Inc, 1970.
16. Brzezinski Z. How the Cold War Was Played // Foreign Affairs. October, 1972. Pp. 181-209.
17. Gilbert M. Never Despair: Winston S. Churchill, 1945-1965. – London: Heinemann, 1988.
18. Laughland J. The Tainted Source. The Undemocratic Origins of the European Idea. – London: Little, Brown, 1997.

Ричард Саква

От Ялты до Мальты и обратно

Ялтинская конференция 4-11 февраля 1945 года сплошь мифологизирована. Однако, как это часто бывает, миф является вымыслом, который выдает нам факты. Факты в данном случае крайне противоречивы. Что уж говорить о мифах?

Значение Ялты

Для целого поколения жителей Восточной Европы Ялта стала символом того, как великие державы решили судьбу маленьких стран без их участия. В Ялте Черчилль, Рузвельт и Сталин определили границы, сферы влияния и общий вид послевоенной системы международных отношений, не советуясь с представителями стран, чья идентичность как раз определялась.

Наиболее красноречиво эту позицию представил Жак Рупник в своей книге «Другая Европа». Он объясняет, почему для народов «другой Европы» Ялта – нечто вроде «первородного греха», мифа о разделении Европы. Слово «Ялта» стало синонимом советизации и исчезновения самой идеи Центральной Европы. Оно стало символом «промежуточного», «пограничного» положения малых европейских стран, постоянно повторяющихся сценариев и утраты контроля над своей судьбой. Для таких стран, как Польша, Ялта стала отражением «реальной политики» в худшем ее значении, когда геополитика одерживает триумфальную победу над малыми странами с их собственным путем развития.

Разумеется, Ялтинская конференция не родилась из ничего. Уже «соглашение о процентах», заключенное в октябре 1944 года, когда Черчилль летал в Москву и пытался что-то выторговать для западных держав, показало, что переговорная сила Советского Союза растет. Открытие второго фронта в Нормандии в июне 1944 года означало, что у союзников нет возможности для стратегического вмешательства в Восточной Европе. Понимая это, Черчилль ранее рассматривал возможность открыть второй фронт на Балканах. Однако из-за очевидных трудностей с логистикой это могла бы быть лишь вспомогательная операция. Помимо этого, войска союзников увязли в Италии, когда Германия завладела инициативой на этом театре военных действий.

Признание того факта, что баланс сил в Европе меняется, привело к проведению Тегеранской конференции лидеров «Большой тройки» с 28 ноября по 1 декабря 1943 года. Пусть главным образом в Тегеране обсуждалось открытие второго фронта (Нормандская операция), а также региональные вопросы, такие как поддержка югославских партизан или война с Японией, шаблон, формат такого рода конференций был установлен.

Открытие союзниками второго фронта на Западе произошло в июне 1944 года. Таким образом, Восток был открыт для советских войск. 22 июня 1944 года Красная армия начала операцию «Багратион». Белоруссия и Восточная Польша были освобождены от немцев. Формально операция завершилась 19 августа, когда советские войска развернулись на восточном берегу Вислы, в районе Варшавы. Немцы претерпели тяжелейший разгром во всей Второй мировой войне. Благодаря использованию советскими войсками тактики глубокой операции и маскировки была уничтожена целая немецкая армейская группа.

В Восточной Европе Ялтинскую конференцию считают предательством, вторым Мюнхеном. Однако это упрощенное понимание процесса, для которого слово «Ялта» можно считать символичным. Точно так же лишь частью правды является распространенное восприятие Ялты как отчаянной попытки Запада выторговать что-то для себя в тот момент, когда стратегическое положение резко изменилось в пользу СССР. Подавляющее военное преимущество Советского Союза стало фактом, однако это открыло двери для нового политического стиля в Европе.

Фундаментальное значение Ялты заключается в том, что конференция повлекла за собой признание геополитического плюрализма как на континенте, так и в международной политике в целом. Холодная война, в свою очередь, путем проб и ошибок (преимущественно ошибок) продемонстрировала, как можно научиться справляться с этим плюрализмом.

В то же время Ялта означала признание и идеологического плюрализма. Страны с различными социально-политическими системами и формами идейной репрезентации природы своей социальной и политической жизни были принуждены к сосуществованию. Появление ядерного оружия как фактора во взаимоотношениях между сверхдержавами, о чем с апломбом объявил Гарри Труман на Потсдамской конференции в июле 1945 года, конечно, внесло новое измерение в политические расчеты крупных государств. Однако ключевое значение имело то обстоятельство, что Ялта открыла эпоху геополитического и идеологического плюрализма.

Ход дискуссий в Ялте был подчинен этому обстоятельству. И договоренности, которых удалось достичь, куда более сложны и «демократичны», чем они представлены в повествовании о «предательстве», даже если оставить в стороне трения между Черчиллем и Рузвельтом отно-

сительно судьбы Британской империи. Не будем сейчас вдаваться в детали, но соглашения касались и формата Объединенных наций, и планов проведения демократических выборов в Польше и других странах. Польша превратилась в страну на колесах, ее границы переместились на запад. Впервые эти границы были компактными, что позволяло Польше развиваться в качестве целостной и гармоничной нации и государства. Другими словами, у Ялты немало «детей», многие из которых живут и процветают по сей день, хотя некоторые и стали жертвами политики времен холодной войны (в частности, свободные выборы в Польше).

Хельсинки: подтверждение и преодоление Ялты

Для союзников краеугольным камнем послевоенного мироустройства стали атлантизм и его идеология. Для СССР основой его политики до самого конца оставалась специфическая смесь политической великодержавности и идеологического радикализма.

2015 год – не только год семидесятилетия Ялты. 40 лет назад состоялась Хельсинкская конференция. Она проходила в июле-августе 1975 года. Представители 35 стран (33 европейских, а также США и Канады) съехались как равные, основной акцент был сделан на укреплении взаимного доверия и соблюдении прав. СССР и его коммунистические союзники добились формальной ратификации своих послевоенных границ. Два первых раздела Хельсинкского заключительного акта, подписанного 1 августа 1975 года, также давали этим странам определенные преимущества в сферах безопасности и экономики. В то же время страны коммунистического лагеря подписались и под третьим разделом, содержащим целый пакет вопросов, связанных с правами человека. Это стало одним из важнейших катализаторов распада коммунистической системы. Граждане этих стран получили правовой документ, на который они могли ссылаться, который подписали все коммунистические государства и который гарантировал защиту свобод слова, передвижения и многого другого.

На фоне экономического упадка и озабоченности правами человека к 1989 году народная поддержка коммунистических режимов в Восточной Европе по большей части испарилась. Даже большая часть бюрократии коммунистических стран осознала, что старые режимы исчерпали себя, и подготовилась к переходу к чему-то иному.

Состоящая из 56 стран-членов Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) – один из основополагающих панъевропейских блоков. По сей день ОБСЕ – одна из крупнейших региональных организаций, занимающихся вопросами безопасности. Созданная в целях претворения в жизнь положений Хельсинкского заключительного акта, Конференция по безопасности и сотрудничеству в Европе (так организация называлась до декабря 1994 года) была форумом для об-

суждения и принятия политических решений по вопросам раннего обнаружения, предотвращения конфликтов, кризисного управления и послеконфликтного восстановления. ОБСЕ сыграла важнейшую роль в падении коммунизма, особенно это касается встречи в Вене в ноябре 1986 года. К 1989 году Михаил Горбачев согласился со всеми положениями, касающимися прав человека и гражданского общества и содержащимися в итоговом документе Венской конференции. Он допустил прививку этического индивидуализма коммунистической системе с тем, чтобы создать более гуманную форму социализма.

Возможно, в других условиях это могло бы быть возможно. Однако к концу 80-х коммунистическое наследие, систематическая дискредитация властями коммунистических стран представительной демократии и независимой общественной активности привели к тому, что у нового экспериментатора не нашлось бы множества сторонников. В начале 90-х ОБСЕ выработала четкую институциональную идентичность, однако война на Балканах выявила ее неадекватность, даже в новом виде. Прежде всего, по сей день не преодолено противоречие между базовым для ОБСЕ принципом самоопределения наций и принципом нерушимости государственных границ. Россия добивалась превращения ОБСЕ в главную европейскую организацию безопасности – вместо НАТО. Но российским надеждам не суждено было сбыться. Напротив, доминирующей организацией безопасности стала НАТО, а в Европейском Союзе начался длительный процесс его расширения.

Вкратце, Хельсинкская конференция подтвердила границы и прочие соглашения Ялты, однако затем запустила программу преодоления этих договоренностей. Именно противоречия Хельсинки, равно как и противоречия Ялты, объясняют провал планов создания инклюзивной и справедливой системы европейской безопасности после холодной войны. ОБСЕ, дитя Хельсинки, не смогла стать подлинной панъевропейской организацией безопасности. Корни этой неудачи следует искать на Мальте.

Мальта: преодоление Ялты

Мальтийская встреча 2-3 декабря 1989 года на двух носимых штормом лайнерах между президентом Джорджем Бушем-старшим и Михаилом Горбачевым также в значительной степени мифологизирована. Она произошла спустя несколько недель после падения Берлинской стены, которое произошло 9 ноября. На Мальтийском саммите была определена основная модель политики в мире после холодной войны. Эту встречу считают моментом отречения от Ялты. Однако это лишь отчасти отражает ее суть.

На Мальте, как и в Ялте, сверхдержавы решали судьбу Европы. Важное различие заключалось в том, что дипломатический и стратегический баланс сил изменился.

Смысл Ялты заключался в осознании и принятии того факта, что СССР является сверхдержавой и его интересы впредь должны приниматься во внимание. Именно поэтому Ялтинскую конференцию так высоко ценили в Советском Союзе, а сейчас в России. Особенно ценится то, что в Ялте западные государства признали «державность» России. Это случается не так часто.

Еще одной особенностью мифа является замораживание времени. В этом смысле российский миф о Ялте – способ заморозить великодержавный статус России на все времена.

И напротив, Мальта – это тот момент, когда американский президент понял, что мощь СССР истощается. Горбачев дал понять, что Советский Союз не намерен вмешиваться в ход различных революций, происходивших тогда в Восточной Европе, страны которой одна за другой избавлялись от советского влияния и демонтировали коммунистические системы.

Именно поэтому Буш смог принять план из 10 пунктов относительно объединения Германии, с которым незадолго до встречи на Мальте выступил канцлер ФРГ Гельмут Коль. Центральным пунктом плана стало положение о том, что объединение пройдет в рамках Североатлантического альянса, а единая Германия станет членом НАТО. Впоследствии в феврале 1990 года шли бесконечные дискуссии о том, как это реализовать на практике. 9 декабря 1990 года на встрече в Москве госсекретарь США Джеймс Бейкер пообещал Горбачеву, что если Германия присоединится к НАТО, а Россия выведет свои 24 дивизии с немецкой территории, то «НАТО ни на дюйм не расширит свою юрисдикцию на восточном направлении». Однако речь тогда шла исключительно о бывшей ГДР. Вопросом о расширении НАТО за счет других стран советского блока попросту никто не задавался, его не обсуждали. Так или иначе, Альянс брал на себя моральное обязательство не заполнять «вакуум», образованный в результате вывода советских войск и распада Организации Варшавского договора.

Другими словами, Мальта обозначила переход власти. Инициатива перешла к западным союзникам. Это был триумф атлантических сил, а для России начался длительный период потери статуса, который начал восстанавливаться лишь в нулевые. Не менее серьезным стоит считать и то, что Мальтийская встреча также стала моментом системного перехода. Место системного и геополитического плюрализма, символом которого являлась Ялта, занял однополярный режим безопасности в Европе, сопровождаемый делегитимизацией системных альтернатив.

Мальта: утраченная возможность

Здесь следует поговорить еще об одном мифе – о некомпетентности, если не предательстве советских и российских интересов, в которых ви-

нят Горбачева. Выдвигать такие обвинения означает не понимать динамику процесса, определявшую действия Горбачева, а также недооценивать оригинальность и радикализм его идей.

Если бы Запад оказался действительно готов принять горбачевское видение европейской трансформации, нынешнего катастрофического распада системы безопасности на континенте можно было бы избежать. В сердце нашего континента вновь разгорается огонь войны. Мы бы не столкнулись с этим, если бы следовали альтернативной модели развития, преодолевающей и Ялту, и Мальту.

6 июля 1989 года Горбачев в Страсбурге обратился к Совету Европы. Он очертил свою идею создания Общего европейского дома. Он считал, что панъевропейский процесс «является реальностью и продолжает развиваться». Вопреки преобладающей ныне концепции «расширения Европы» через экспансию атлантической системы и ЕС, Горбачев предложил альтернативное видение Европы после холодной войны. Сейчас эту концепцию чаще всего называют идеей «большой Европы».

Таким образом, на Мальту Горбачев прибыл с двумя большими идеями. Первая заключалась в «реформировании коммунизма», попытке вернуться к истокам русской революции и радикально обновить социализм. Горбачев выступал за эволюцию советского коммунизма в сторону «гуманного, демократического социализма». Подавление «Пражской весны» в августе 1968 года, сторонники которой как раз выступали за новый тип социалистической демократии, а также долгие годы советской стагнации размывали социальный базис, необходимый для реализации такой программы в СССР. Однако нас интересует то обстоятельство, что Горбачев продвигал программу идеологического и системного плюрализма в Европе. Горбачев энергично и красноречиво отстаивал точку зрения, согласно которой различные системы могут мирно сосуществовать в Европе.

Вторая идея Горбачева относилась к концепции «большой Европы». Предполагалось преодоление как Ялты, так и Мальты для того, чтобы придать международным отношениям в Европе новую динамику, которая отвечала бы интересам как малых стран, так и крупных держав. Это была бы многополярная Европа, в которой нашлось бы пространство для экспериментов и разнообразия.

Трагедия заключалась в том, что своими идеями Горбачев делился не с европейскими лидерами, а с президентом США! В отличие от Ялты, на Мальте у российского лидера не оказалось европейского собеседника. Неудивительно, что в последнюю очередь американский лидер собирался обсуждать идею «большой Европы». Реализация этого замысла означала бы разлад между двумя «крыльями» Североатлантического альянса – европейским и американским, и США давно этого опасались.

Последствия

Таким образом, Мальта привела к политическому бедствию, от которого мы до сих пор страдаем. Горбачев выдвинул радикальные идеи преодоления логики идеологического конфликта времен холодной войны и разделения Европы. Произошло все с точностью до наоборот. Эта логика была сохранена и укреплена, поменялись лишь полюса. Североатлантический альянс утвердился в качестве главенствующей силы на континенте, а идеи геополитического и системного плюрализма были отвергнуты. Озабоченность и интересы СССР, а затем и его правопреемницы России последовательно маргинализировались. Пусть бывшие коммунистические страны присоединились к НАТО по пригласению, которого они с большим энтузиазмом добивались, сделано это было для того, чтобы сохранить логику конфронтации и разделения.

Горбачев понял, к чему все это ведет. Со времени своей вынужденной отставки в декабре 1991 года он постоянно сожалел о том, что случилось. Именно поэтому он поддержал политику президента Путина в 2014 году. Как выясняется сейчас, Хельсинкская конференция была всего лишь этапом на пути к размыванию идейного плюрализма, хотя она и подтвердила ялтинские границы и договоренности.

Углубившись в проблему, можно увидеть, что новая Европа не смогла избежать логики Ялты, включая все ее болезненные последствия. Малым странам Восточной Европы предоставили право голоса. Но используют его они в основном для того, чтобы посчитаться с мифологическими представлениями о Ялте, а не для того, чтобы преодолеть неравенство в нынешней системе власти на континенте и поддержать настоящий процесс панъевропейской интеграции, в центре которого оказалась бы Россия.

Мы на протяжении 45 лет жили в мире, сформированном в Ялте. Затем еще 25 лет – в мире, сформированном на Мальте. Второй период получил название «холодного мира», поскольку ни один из фундаментальных вопросов европейской безопасности так и не был решен. Для России Ялта – это миф о застывшем величии. Запад же мифологизировал Мальту, заморозив момент перехода власти. В глазах Запада Мальта служит олицетворением триумфа атлантизма над горбачевским видением европейского континентализма.

Единственный путь вперед сейчас – это, как часто бывает, путь назад, к горбачевским идеям Общего европейского дома, разновидности процесса создания «большой Европы». России нужно преодолеть Ялту, равно как и Западу нужно преодолеть Мальту, чтобы создать новый тип европейскости.

Мальта обозначила сохранение логики геополитического противоборства в Европе. Однако в этом противоборстве уже не было того баланса, как в мире, созданном в Ялте, когда сапог был не только на ноге Северо-

атлантического альянса. Напротив, сам принцип геополитического плюрализма и равенства крупных держав был оклеветан и низвергнут. Это означало, что Альянс неизбежно начнет давить на Россию, несмотря на изначальные попытки справиться с новой реальностью в распределении сил, смягчить ее.

Когда Россия оказалась готова дать ответ, мы получили обновленную версию холодной войны, которая в действительности, двигаясь от Ялты к Мальте и назад, никогда не заканчивалась.

А.Г. Оганесян

Ялтинская конференция в шаге от глобального партнерства

В названии темы можно было бы поставить не точку, а знак вопроса. В самом деле, были ли в шаге от глобального сотрудничества СССР, США и Великобритании, когда столько «мин» было заложено под их союзничество и партнерство? Как образно заметила Н.А. Нарочницкая, «вместе с Ялтой родилась и контр-Ялта».

Это действительно так. Весной 1945 года, сразу после конференции, в тиши кабинетов уже вырабатывались вполне конкретные планы по сдерживанию СССР, и не только сдерживанию. Пробивались первые ростки доктрины «отбрасывания» Советского Союза, хотя сами создатели на тот момент считали эти схемы и планы «немыслимыми». «Немыслимое» (Operation Unthinkable) – так и назывался доклад Объединенного штаба планирования военного кабинета Великобритании, согласно которому России надо было вытеснить из Восточной Европы и Германии. Называлась и условная дата начала боевых действий – 1 июля 1945 года. Доклад готовился по личному распоряжению Черчилля.

Гитлер, отвечая на вопросы тех из его окружения, кто призывал после открытия Второго фронта срочно начать сепаратные переговоры на Западе, призывал к терпению, напоминая о том, что: «В мировой истории коалиции всегда гибли». Он исходил из опыта прошлого. Распадаясь, коалиции перечеркивали и все то, что они намечали совместно делать в будущем; разрушались и договоренности, которые они достигли, будучи связанными союзными отношениями.

И в этом смысле Ялта – определенный исторический парадокс. Военная коалиция трех держав распалась весьма скоро, а вот ялтинские решения заложили фундамент послевоенного мироустройства на десятилетия вперед, и продолжают оказывать свое влияние и по сей день.

Военные доклады о ходе боевых действий занимали немалое место во время Крымской встречи, но каждого из участников беспокоил вопрос: а что после? Ослабленная войной и оккупацией Франция и близкий разгром Германии создавали геополитический вакуум в Европе, и это возлагало особую ответственность на три великие державы. Истерзанная

войной Европа, весь мир ожидали от победителей качественно новых подходов. Все понимали: мир должен стать иным.

Тяжелая болезнь торопила Рузвельта и делала его беспокойнее других в Ялте. Сталин и Рузвельт, а также значительная часть их окружения переживали весну в советско-американских отношениях. Советник Рузвельта Гарри Гопкинс писал: «Русские доказали, что они могут быть разумными и дальновидными. И ни у президента, ни у кого-либо из нас не было ни малейшего сомнения в том, что мы можем жить с ними в мире и сотрудничать так долго, как только можно себе представить». Самнер Уэллес, заместитель госсекретаря США, писал, что в те дни Рузвельт считал необходимым, чтобы оба правительства – США и СССР – осознали, что в «области международных отношений взятые ими курсы могут быть всегда параллельными, а не антагонистическими». Рузвельт требовал от своих сотрудников понимания того, что без советско-американского сотрудничества сохранить глобальный мир будет невозможно.

Произносится тост на обеде в Юсуповском дворце, Черчилль, похоже, не отставал от Рузвельта в своих надеждах. «В прошлом народы, - говорил он, - товарищи по оружию, лет через пять-десять после войны расходились в разные стороны. Теперь мы имеем возможность избежать ошибок прежних поколений и обеспечить прочный мир. И люди жаждут мира и радости. Я возлагаю на это надежды, и от имени Англии заявляю, что мы не отстанем в наших усилиях». Сталин отвечал в характерной для него манере: «Я провозглашаю тост за прочность союза наших трех держав, да будет он сильным и устойчивым, да будем мы как можно более откровенны».

Надо сказать, что Рузвельт был последователен в своем курсе на глобальное сотрудничество с Москвой. В марте 1945 года на совместном заседании Палаты представителей, он заявил: «Мир, который мы строим, не может быть американским или британским миром, русским, французским или китайским. Он не может быть миром больших или малых стран. Он должен быть миром, базирующимся на совместном усилении всех стран». И дальше: «Здесь у американцев не может быть среднего решения, мы должны взять на себя ответственность за международное сотрудничество. Или мы будем нести ответственность за новый мировой конфликт».

Это выступление Рузвельта не было услышано Конгрессом, который буквально через несколько дней принял решение не выделять кредиты Советскому Союзу для восстановления его промышленности. Несмотря на очевидные колебания и сомнения, Рузвельт все же до конца остался верен необходимости союза победителей для обеспечения мира.

Но с Черчиллем все обстояло намного сложнее. Накануне Ялты, 6 января 1945 года, Сталин получил от Черчилля послание. Он писал: «На западе идут очень тяжелые бои, я буду благодарен, если Вы сможете со-

общить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте, где-нибудь на Висле или в другом месте?» И меньше чем через неделю началась Висло-Одерская операция против немецкой группировки армий «А». Советские части продвинулись на 500 километров в глубину! Как для немцев, так и для союзников это был шок. Накануне мощный удар немецких танковых дивизий на глубину в 90 км создал критическую ситуацию в Арденнах. Союзные генералы умоляли Черчилля, а Черчилль Сталина предпринять что-нибудь. Но на такой ошеломляющий результат Красной Армии они не рассчитывали. Этот «военный фактор», несомненно, определял атмосферу на Ялтинской конференции.

Впрочем, дело не только в этой отдельной операции. Черчилль прекрасно отдавал себе отчет о том, как распределялось бремя войны между союзниками. Хотел бы привести высказывание Макса Хастингса, английского историка, автора недавно изданной монографии, которая так и называется «Война Уинстона: Черчилль 1940-45 гг.» Он пишет: «После того как Гитлер вторгся в Советский Союз в июне 1941 года, британские военные и политические лидеры пытались избежать признания объективного факта, который заключался в том, что решающим театром военных действий был именно Восточный фронт. В их глазах каждый погибший русский был английским или американским солдатом». Здесь же интересная цитата из записок английского дипломата Оливера Харви: «Русская армия, выполнившая предназначенную ей роль - физического уничтожения немцев, позволила нашим начальникам штабов расчистить путь для осуществления генерального наступления на обескровленного противника».

«В июле 1943 года, – продолжает М. Хастингс, – после четырех лет войны Великобритании с Гитлером и 20 месяцев со времени вступления в войну США, только восемь дивизий западных союзников воевали с нацистами в Сицилии, где их общие потери насчитывали не более 6 тыс. человек». В то же время Красная армия напрягала титанические силы в битве под Курском, в которой приняли участие 4 млн. человек с обеих сторон и общее число жертв составило 500 тысяч. «Русские, – пишет М. Хастингс, – понесли самые многочисленные жертвы, уничтожая нацизм, и только потом получили поддержку со стороны британских и американских вооруженных сил».

Надо сказать, что Черчилль относился к России сложно. Вот мы с вами сейчас в здании Ливадийского дворца, которое принадлежало Царской семье, и Черчилль в свое время произносил очень проникновенные слова о роли русской армии и руководстве армией Николаем II. Когда же Черчилль приезжал в августе 1942 года в Москву, он писал: «Я размышлял о своей миссии в этом... большевистском государстве, которое я очень настойчиво пытался задушить при его рождении». Однако Черчилль категорически отказывается ставить на одну доску нацизм и

Советский Союз. Для Черчилля была особенно омерзительна теория нацизма, расизма, чем советская идеология никогда не страдала.

Черчилль продекларировал свой антикоммунизм, когда выступал в радиообращении в первый же день нападения на СССР: «Я не возьму обратно ни одного своего слова против коммунизма, но все бледнеет перед развертывающимся сейчас зрелищем. Я вижу русских солдат, стоящих на пороге своей родной земли, охраняющих свои поля... я вижу их, охраняющими свои дома, где их матери и жены молятся. Да, ибо бывают времена, когда молятся все о безопасности своих близких, о возвращении своего кормильца, своего защитника, своей опоры. Я вижу десятки тысяч русских деревень, где средства к существованию с таким трудом вырываются у земли, но где существуют истонченные человеческие радости, где смеются девушки и играют дети».

Черчилль, как видим, знал о критическом характере земледелия в России и о неубитой молитвенности народа, в отношении которого осуществлялась государственная политика воинствующего безбожия.

Черчилль был мастером слова и следом за описанием напряженного ожидания вторжения говорит: «Я вижу, как на все это надвигается гнусная нацистская военная машина с ее щеголеватыми, бряцающими шпорами прусскими офицерами, с их искусными агентами, только что связавшими по рукам и ногам десяток стран».

И вот 1945 год. Гром орудий, казалось, доносился из Европы не в такую уж далекую Ялту. Черчилль и Рузвельт, конечно, преследовали разные цели. Рузвельту во что бы то ни стало нужно было добиться вступления Советского Союза в войну против Японии. Причем в максимально сжатые сроки. А Черчилль хотел развязать себе руки для действий в Греции и в целом в Средиземноморье.

Кстати, господин Р. Саква здесь напомнил очень интересный эпизод о том, как британский премьер действительно удивил Москву, когда во время своего визита 9 октября 1944 года предложил Сталину раздел ряда государств Центральной и Юго-Восточной Европы. Могу привести цифры. России предлагалось 90% территории Румынии, 75% – Болгарии, по 50% - Югославии и Венгрии. Никто из собеседников Черчилля, вспоминал позже Молотов, так и не понял, по каким критериям, собственно, могли быть реализованы подобные предложения. Советская сторона отклонила эти инициативы, назвав их «грязными».

Стало уже публицистическим клише (которое прозвучало и на этой конференции) будто Ялтинская конференция стала символом такого типа глобального управления, когда великие державы диктовали свою волю малым народам. Это абсолютно ложная посылка, так как не было в истории такого периода, когда бы великие державы не брали на себя ответственность за судьбы малых государств и целых регионов. Вспомним хотя бы, многочисленные разделы Польши, и совсем недавние приме-

ры – раздел Югославии или то, что сегодня называется «атлантической» или «брюссельской дисциплиной», называйте как хотите... Так что делать «Ялту-45» чем-то выдающимся в этом смысле было бы антиисторично.

Весной 1945 года, когда речь заходила о глобальном партнерстве, Черчилль отличался наибольшим прагматизмом, исходя из положения Британской империи, существенно ослабленной войной. Интенсивные переговоры с Москвой, которые велись накануне и сразу после Ялты по инициативе Лондона, свидетельствуют о желании тесного взаимодействия в вопросах будущего Европы. Примечательно, что во многом идеалистические надежды на глобальное партнерство помогли совместно выработать и региональные решения, и частные компромиссы. Идеализм поставленной цели, «мечта» о глобальном партнерстве, которой не суждено было осуществиться в полной мере, определяли атмосферу Ялты и первых весенних дней 1945 года. Больше того, именно установка на глобальное партнерство сыграла решающую роль в создании ООН и ее Устава.

В заключение приведу высказывание бывшего американского посла в Москве Джона Байерли (2008 – 2011 гг.): «Я убежден, что особенно в такие периоды напряженности и недопонимания, как сейчас, важно еще раз вернуться к нашему альянсу во время Второй мировой войны, когда наши различия были гораздо сильнее, чем сейчас, но тем не менее нам удалось выработать прагматичный и продуктивный подход к сотрудничеству, который послужил не только нашим личным интересам, но и помог изменить ход истории».

С.В. Юрченко

Ялтинская конференция 1945 г.: принципы формирования международной системы в переговорах «Большой тройки»

На протяжении восьми дней февраля 1945 г. Сталин, Рузвельт и Черчилль на Крымской (Ялтинской) конференции решали в условиях своей эпохи задачу, сходную с той, которая стояла в предшествующие времена и стоит сегодня перед руководителями государств – определение принципов и конфигурации новой международной системы, в условиях изменившегося соотношения мировых сил. При этом конференция «Большой тройки» в Ялте в 1945 г. обладала тем своеобразием, что это была не итоговая мирная конференция, а конференция войны и победы в войне, что, несомненно, наложило отпечаток на принимавшиеся решения и конфигурацию Ялтинской или Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений.

Подтверждая действие вечного принципа, гласящего, что любая международная система формируется доминирующими в международной иерархии державами в целях реализации, в первую очередь, их интересов, сосредоточения организации и контроля над процессами взаимодействия всех участников системы, Сталин, Рузвельт и Черчилль представляли наиболее могущественные государства своего времени, продемонстрировавшие свое превосходство в основных параметрах силы в условиях мировой войны. Они были членами «привилегированного клуба» и понимали свое положение, его истоки и ответственность. Британский премьер-министр так и заметил в ходе одного из заседаний: «...Совещание трех держав представляет собой очень привилегированный клуб. Вступительный взнос в этот клуб равен 5 миллионам солдат или соответствующему эквиваленту». Сталин несколько снизил планку: «...Хотя бы 3 миллиона солдат» [4, т. 4, с. 110].

Для стабильности послевоенной международной системы ключевое значение имела степень удовлетворенности претензий членов «привилегированного клуба» в отношении результатов войны и победы. Эти мысли рельефно отразились еще в диалоге Черчилля и Сталина за завтраком «Большой тройки» в Тегеране 30 ноября 1943 г. Тогда британ-

ский премьер заявил: «...Управление миром должно быть сосредоточено в руках наций, которые полностью удовлетворены и не имеют никаких претензий.

Сталин замечает, что управление миром должно быть сосредоточено в руках наций, которые способны на это.

Черчилль говорит, что это совершенно правильно, и продолжает, что если какая-либо страна не удовлетворена чем-либо, то это всегда будет источником беспокойства. Поэтому нужно, чтобы судьбы мира были сосредоточены в руках сильных стран, которые полностью удовлетворены, и не имеют ни какого желания взять себе что-либо еще. Черчилль говорит, что три наших страны являются именно такими странами. После того как мы договоримся между собой, мы сможем считать, что мы полностью удовлетворены, а это самое главное» [4, т. 2, с. 127-128].

При этом стабильность создаваемой системы зависела от единства действий формировавших ее государств. Во время обсуждения в Ялте вопросов создания международной организации безопасности Сталин особо акцентировал необходимость сохранения единства действий «великих держав»: «Самое же важное условие для сохранения длительного мира - это единство трех держав. Если такое единство сохранится, германская опасность не страшна. Поэтому надо подумать о том, как лучше обеспечить единый фронт между тремя державами, к которым следует прибавить Францию и Китай. Вот почему вопрос о будущем уставе международной организации безопасности приобретает такую важность. Надо создать возможно больше преград для расхождения между тремя главными державами в будущем. Надо выработать такой устав, который максимально затруднял бы возникновение конфликтов между ними. Это – главная задача» [4, т. 4, с. 87].

Таким образом, согласно Черчиллю, формулировались еще два принципа в формировании нового мирового порядка. Первый – единство действий «удовлетворенных» держав для консервирования достигнутых результатов мирного урегулирования и недопущения в этот «привилегированный клуб» новых членов, и второй – включение в этот «привилегированный клуб» держав, способных обеспечить региональный контроль в рамках существовавшей геополитической карты мира – преимущественно мира колониальных империй.

Еще одним поучительным выводом из опыта дискуссий «большой тройки» является стремление к вовлечению в процесс создания нового мирового порядка всех «великих» или потенциально, в обозримой исторической перспективе, «великих» держав, даже если они испытывали серьезные трудности. Последний принцип, ратуя за участие Франции в контрольном механизме над Германией на Ялтинской конференции, афористичный Черчилль выразил так: «Она сейчас может быть слаба, но нельзя судить о великой державе по ее временной слабости» [4, т. 4, с. 67].

Формировавшаяся в ходе войны международная система, подразумевала и принципы взаимодействия «великих держав» с малыми странами, отношения с которыми приводили к многочисленным проблемам. Комплекс этих вопросов нашел свое концентрированное выражение при обсуждении проблем создания международной организации безопасности.

Рассуждая о проблеме статуса России в международной организации и ее перспективах, Черчилль в послании Рузвельту откровенно и четко обозначил свою позицию: «В тех случаях, когда дело касается мощи и безопасности, было бы весьма неразумно выдвигать теоретические проблемы суверенного равенства, а потому Соединенному Королевству и Соединенным Штатам Америки следует использовать свое влияние в интересах скорее здравого смысла и «безопасности прежде всего», чем статуса малых стран» [3, с. 649]. На Ялтинской конференции при обсуждении тех же вопросов британский министр иностранных дел Иден конкретизировал: «...Страны могут говорить, спорить, но решение не может быть принято без согласия трех главных держав» [4, т. 4, с. 88]. Такое же понимание проблемы подтвердил и президент Рузвельт.

Осуществление «сдерживания» поверженных в войне противников затрагивало фундаментальный вопрос о методах и формировании сфер влияния. Оценка действий Сталина, Рузвельта и Черчилля в системе координат «универсализм vs сферы влияния» дает достаточно определенный ответ: сторонник сфер влияния Сталин взаимодействовал с мастером баланса сил и создания таких сфер Черчиллем, который, впрочем, имел надежды на более совершенный способ организации мира, и Рузвельтом – «универсалистом с эпизодическими отклонениями в сторону политики сфер влияния» [7, с. 251].

Американский президент свой универсалистский проект структурировал в международную организацию безопасности и в беседах со Сталиным, начиная со встречи в Тегеране говорил, что хотел бы «создать такую организацию, которая действительно обеспечила бы длительный мир после войны».

Однако эти попытки заранее оговорить условия послевоенного мира встретили весьма скептическое отношение Сталина. «После Сталинградской битвы, - справедливо отметил один из исследователей, - Сталин не сомневался уже, что, когда окончится война Советский Союз будет обладать подавляющим большинством спорных территорий. Все менее и менее полагаясь на переговоры, Сталин передоверил формирование облика послевоенного мира авангардам собственных армий» [1, с. 358].

Предложение Рузвельта о создании мировой организации безопасности, сделанное ещё в Тегеране, заинтересовало Сталина лишь в одном отношении. «Для того чтобы предотвратить агрессию, - отметил он, - тех

органов, которые намечается создать, будет недостаточно. Необходимо иметь возможность занять наиболее важные стратегические пункты с тем, чтобы Германия не могла их захватить. Такие пункты нужно занять не только в Европе, но и на Дальнем Востоке для того, чтобы Япония не смогла начать новой агрессии». Рузвельт согласился «на сто процентов», а Сталин отметил: «В таком случае все обеспечено» [4, т. 2, с. 105]

Этот сюжет в более ясном виде прозвучал на встрече В.М. Молотова, А. Идена и Г. Гопкинса 30 ноября 1943 г., когда советник американского президента отметил, что отдельные районы на Тихом океане контролировались бы не войсками Объединенных наций, а американскими войсками; и что он «хотел бы чтобы три наши державы получили укрепленные пункты, которые ими бы контролировались, и чтобы их воздушные силы заняли стратегические базы, необходимые для поддержания мира» [4, т. 2, с. 130].

Эти мысли вызвали безусловное одобрение В.М. Молотова, который отметил спустя десятилетия: «Не надо огрублять, но между социалистическими и капиталистическими царствами, если они хотят договориться, существует разделение: это ваша сфера влияния, а это наша» [5, с. 23]. Так что линия, направленная на определение сфер влияния, пусть и сопрягаемая с планами создания универсальной организации по поддержанию мира, проявилась уже тогда, когда обозначились два центра, формирующие эти сферы - в 1943 г.

В Ялте руководители трех держав особенно рельефно продемонстрировали ощущение времени в том смысле, что исключительно точно определили сроки существования своего детища – новой системы международных отношений – 50 лет. Президент Рузвельт полагал: «...Нашей задачей является обеспечение мира по крайней мере на 50 лет», и стремился «построить новый мир, который не будет знать несправедливости и насилия». Сталин тоже говорил о пятидесятилетнем сроке мирного развития, но его ощущение времени было более острым. «...Пока все мы живы, бояться нечего, - сказал он партнерам-соперникам. - Мы не допустим опасных расхождений между нами. Мы не позволим, чтобы имела место новая агрессия против какой-либо из наших стран. Но пройдет 10 лет или, может быть, меньше и мы исчезнем. Придет новое поколение, которое не прошло через все то, что мы пережили, которое на многие вопросы, вероятно, будет смотреть иначе, чем мы. Что будет тогда?» [4, т. 4, с. 87]. Они связывали это время, в сущности, со сроками жизни политического поколения. И опыт Ялтинской системы показывает, что время существования той или иной модели мирового порядка ограничено двумя поколениями государственных деятелей: пока живы творцы системы и их последователи она существует. С их уходом усиливается тенденция к пересмотру основ международной системы.

Что оставляет после себя Ялтинская или Ялтинско-Потсдамская си-

стема, в чем заключаются итоги дискуссий «великих старцев» в Ливадийском дворце, и что нового было внесено тогда в формирование послевоенной международной системы, и что должно учитывать сейчас при новой трансформации мирового порядка?

«Большая тройка» предложила миру проект глобального будущего: скорейшее завершение войны; учет интересов основных держав коалиции в виде формирования (или сохранения) сфер влияния за счет побежденных противников – Германии и Японии; прочный мир на два поколения; регулирование возникших противоречий через международную организацию безопасности – Организацию Объединенных Наций. В целом этот проект удался.

Ялта стала успешным примером кооптирования великой державы – СССР, – уклад жизни которой был построен на непохожей системе ценностей и доказавшей свое право на пребывание в «привилегированном клубе» силой оружия и потрясающими военными успехами, в число грандов мировой политики, определявших систему международных отношений, в том числе и через Организацию Объединенных Наций, которая объединила, в первую очередь, державы-победительницы, стремившиеся наряду с решением проблем всеобщей безопасности к стабилизации устраивавшей их международной системы.

Ялтинские решения дали пример успешного сочетания особых прав великих держав и принципа демократического устройства мира, нашедшее свое выражение в структуре Организации Объединенных Наций с ее постоянными членами Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи, в деятельности этой организации, обеспечивавшей, по крайней мере, механизм обсуждения возникавших проблем и привлечение к ним внимания широких кругов общественности разных стран. Пройденный с тех пор путь показывает, что проблема сочетания интересов «великих держав» и малых государств остается актуальной.

Справедливо отмечается и то, что «принцип суверенитета, который в предшествующие столетия определял отношения между весьма ограниченным числом европейских государств, распространился на весь мир, и основанная на нем система международных отношений стала универсальной. Принцип суверенного равенства государств был закреплен в Уставе Организации Объединенных Наций и стал основополагающим элементом системы международного права. Создание ООН ознаменовало переход от старой системы, в которой ограничение суверенитета оставалось практикой, основанной на праве сильного, к новой, которая ограничила возможности использования силы против суверенного государства.

Признание суверенитета бывших европейских колоний значительно расширило круг суверенных государств» [2, с. 150].

Таким образом, в дискуссиях «Большой тройки» в Ялте проявилась ма-

трица организации международной системы, ячейки которой обозначались ответами на вечные вопросы: кто формирует новый мировой порядок и какая сила стоит за его творцами? За чей счет утверждается новая международная система? Какова степень удовлетворенности претензий этих субъектов? Как обеспечивается их единство действий для консервирования достигнутых результатов урегулирования? Кто еще может быть включен в число творцов нового мирового порядка для повышения его стабильности и устойчивости? Как будет обеспечиваться взаимодействие великих держав - создателей системы с малыми странами? На какой срок создается новая система международных отношений?

И, конечно, Ялта 1945 года оставляет память о людях, о которых биограф Рузвельта Р. Шервуд, характеризуя американского президента и британского премьер-министра, писал так: «Это были два человека, занимавшиеся одним и тем же делом – военно-политическим руководством в масштабах всего мира. Людей этой профессии очень мало, и те немногие, кто овладевает ею, редко имеют возможность встречаться с собратьями по профессии, чтобы сравнивать свои впечатления и говорить на профессиональные темы. Они оценивали друг друга наметанным глазом профессионалов, испытывая известное восхищение друг перед другом, проникаясь сочувственным пониманием специальных проблем, стоявших перед каждым из них, что недоступно для профессионалов меньшего масштаба» [6, т. 1, с. 574]. К людям этой профессии, безусловно, относился и Сталин.

Источники и литература

1. Киссинджер Г. Дипломатия / Г. Киссинджер. - М.: Ладомир, 1997. - 848 с.
2. Кузнецова Е. Суверенитет. Незыблемый и неделимый? Суверенитет государства может быть ограничен, если оно им злоупотребляет / Е. Кузнецова // Международная жизнь. - 2004. - № 7-8. – С. 150-167.
3. Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны: пер. с англ. - М.: ТЕРРА, 1995. - 800 с.
4. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: Сборник документов. В 6 т. / М-во иностранных дел СССР. - М.: Политиздат, 1984.
5. Чуев Ф. Сто сторон бесед с Молотовым : Из дневника Ф. Чуева / Ф. Чуев. - М.: Терра, 1991. - 623 с.
6. Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца / Р. Шервуд: в 2-х т. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. - Т.1. - 680 с., Т.2. - 680 с.
7. Шлезингер-мл. А. Циклы американской истории / А. Шлезингер-мл. : пер. с англ. - М. : Издательская группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992. - 1992. - 688 с.

А.Ю. Рудницкий

Дипломатическая подготовка Ялтинской конференции. Деятельность Федора Гусева, посла СССР в Великобритании*

Среди советских дипломатов, которые готовили и сделали возможным проведение Крымской (Ялтинской) конференции, выделяется фигура советского посла в Лондоне Федора Тарасовича Гусева (1905-1987). Он занимал этот пост в 1943-1946 гг. и входил в состав советской делегации на конференции.

Для обеспечения успеха такого крупного международного мероприятия требовалось согласование многих принципиальных вопросов с Великобританией, которая наряду с Соединенными Штатами была ключевым партнером СССР по антигитлеровской коалиции. Речь шла, в частности, об отношении союзников к побежденной Германии, о ее послевоенном устройстве, будущем Польши, ее восточных границах.

Ф.Т. Гусев приходит в Народный комиссариат по иностранным делам (НКВД) в 1935 г. и к началу войны занимает должность заведующего 2-м Западным отделом. В 1942-1943 гг. возглавляет первую советскую дипломатическую миссию в Канаде. Летом 1943 г. его назначают послом в Великобритании. Это была одна из ключевых дипломатических должностей. Человек, ее занимавший, мог реально оказывать ощутимое влияние на характер отношений внутри антигитлеровской коалиции.

Задачи, стоявшие перед Гусевым, требовали плотного взаимодействия с британским руководством, прежде всего, с Черчиллем. Здесь все обстояло очень непросто. У Черчилля были хорошие отношения с предшественником Гусева, И.М. Майским, и он был раздосадован назначением молодого (38 лет) и малоизвестного дипломата. Свое раздражение он продемонстрировал в первую же встречу, когда принялся выговаривать новому послу за не понравившееся ему личное послание Сталина.

* При подготовке доклада были использованы документы из Архива внешней политики Российской Федерации МИД РФ, материалы личного архива семьи Гусевых, статья В.В. Соколова «Посол СССР Ф.Т. Гусев в Лондоне в 1943-1946 годах» (Новая и Новейшая история, 2005, № 4) и другие работы.

Гусев был назначен советским представителем в Европейской консультативной комиссии (ЕКК), сформированной в декабре 1943 г. Ее деятельность сыграла значительную роль в подготовке Ялты, но ни в отечественной, ни в зарубежной историографии она долгое время не получала достаточного освещения. На это указывал сам Гусев, всерьез переживавший из-за этого. Лишь не так давно появилась диссертационная работа А.Н. Серегина «Европейская консультативная комиссия 1943-1945 гг. Проблемы согласования позиций государств-участников антигитлеровской коалиции».

Вначале Комиссия была трехсторонней – с Гусевым работали крупный британский дипломат лорд Уильям Стрэнг и посол США в Англии Джон Вайнант. С ноября 1944 года, в ее работе принимал участие представитель Франции.

ЕКК была призвана выработать модальности обращения союзников с побежденной Германией, Австрией, Италией и другими странами, воевавшими на стороне нацистов, решить вопросы послевоенного устройства Европы. Она стала одним из важных связующих звеньев в деятельности руководителей ведущих держав антигитлеровской коалиции по определению стратегии международного развития.

ЕКК провела около 300 заседаний (последнее – в начале сентября 1945 г.), на которых были выработаны 12 соглашений. Наиболее важные из них: Документ о безоговорочной капитуляции Германии; Декларация о поражении Германии и взятии на себя верховной власти в отношении Германии; Протокол о зонах оккупации Германии и об управлении «Большим Берлином»; Соглашение о контрольном механизме в Германии; проекты межсоюзнических соглашений по вопросу об обращении с Австрией и Болгарией.

Предусматривались раздел Германии на три оккупационные зоны, каждая из которых должна была контролироваться государством-победителем, создание Союзного Контрольного совета, принимавшим решения на основе консенсуса, раздел Берлина на три сектора, раздел Австрии и Вены на оккупационные зоны, создание Союзной контрольной комиссии по Австрии и многое другое.

Все проекты документов и отчет ЕКК были утверждены правительствами союзников без изменений.

Значение ЕКК трудно переоценить. По сути это был качественно новый этап развития коалиции, который характеризовался следующим:

Постепенный перенос центра тяжести с усилий по разгрому Германии и уничтожению ее военной машины, на формирование новой системы мироустройства;

Разрешение противоречий между союзниками, консолидация коалиции.

В целом ЕКК – конкретный пример того, насколько плодотворным мог-

ло быть дальнейшее сотрудничество союзников. Ликвидация Комиссии в сентябре 1945 г. лишила их важного канала согласования своих позиций. Заслуживает внимания утверждение А.Н. Серегина о том, что согласительный механизм ЕКК вполне мог стать инструментом создания достаточно сбалансированной системы международных отношений, в значительной степени «нивелируя» военно-стратегические преимущества СССР и США и позволил бы избежать последующего биполярного противостояния, стать одним из главных инструментов послевоенных отношений между союзниками.

Немаловажное место в контактах Гусева с англичанами занимал польский вопрос. Послу приходилось отстаивать советскую точку зрения в условиях, когда польское эмигрантское правительство занимало враждебную позицию в отношении Москвы, а англичане, и Черчилль, в первую очередь, активно лоббировали его интересы. В отдельных случаях британский премьер делал вид, что идет навстречу советскому послу (например, 22 февраля 1944 г., выступая в парламенте, он вроде бы не возражал против советских предложений по восточной границе Польши), однако большей частью это были тактические ходы.

Напористость Гусева в проведении линии Москвы едва не стоила ему должности, дипломатической карьеры, а, возможно, и жизни. Черчилль решил поквитаться с послом, который в его представлении был слишком несговорчивым оппонентом и «подставил» его перед Сталиным. Когда советский руководитель выразил неудовольствие в связи с тем, что тексты его секретных посланий просачиваются в британскую прессу, Черчилль заявил, что во всем виноват Гусев. Однако Сталин, к тому времени хорошо изучивший премьер-министра, не дал в обиду своего дипломата и в своем очередном послании указал, что в разглашении документов виноваты сами англичане.

Во время официального приема в октябре 1944 г., который давался в честь британской делегации во главе с Черчиллем, советский вождь поднял тост: «За моего лучшего друга, посла СССР в Великобритании товарища Гусева!». 3 ноября 1944 года посол бы награжден своим первым орденом Ленина*.

Причина была не только в том, что Сталин благоволил к Гусеву. Скорее всего, он, таким образом, придавал советскому послу дополнительный вес в глазах Черчилля, что позволяло дипломату более эффективно выполнять свои обязанности.

Существенным было и то, что жена Гусева, Эра Калмановна, сумела наладить нормальный контакт с супругой Черчилля, Клементиной. Это позитивно сказалось на отношениях премьера и посла.

Остановимся еще на одном остром и спорном вопросе, который рас-

* Ф.Т. Гусев был кавалером двух орденов Ленина, орденов Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, «Знак почета».

смаатривался в Крыму и к которому Гусев имел непосредственное отношение – к вопросу о так называемом расчленении Германии. Прежде его поднимали англичане и американцы, но и советское руководство все-раз рассмаатривало такую возможность. Отношение к данному вопросу эволюционировало и менялось в зависимости и от перемен в военной обстановке и специфики межсоюзнических отношений.

В Ялте Сталин говорил, что «расчленение» это «не дополнительное, а очень существеенное требование». Однако это не означало, что глава Советского правительства был убежден в обоснованности подобного подхода, скорее он присмаатривался к тому, как реагировали на это Рузвельт и Черчилль, оставляя за собой пространство для маневра. Показателен такой эпизод: когда Черчилль обратил внимание Сталина на то, что в разработанном ЕКК документе о безоговорочной капитуляции Германии ничего не сказано о «расчленении», Сталин сказал, что «это правильно». Иными словами, советский лидер не хотел раньше времени «ангажироваться».

Собственно, и другие участники «Большой тройки» занимались взаимным зондажем и не исключали возможности изменения своих позиций. Это диктовалось как геополитическими интересами, так и степенью доверия союзников друг к другу.

Формально «по вопросу о Германии в принципе было признано необходимым ее расчленение». Для выработки соответствующей процедуры в Лондоне была учреждена специальная комиссия под председательством Антони Идена в составе «коренников» ЕКК лорда Стрэнга, Гусева и Вайнанта.

Но ясного видения перспективы у членов этой комиссии не было. Уже в конце марта 1945 г. Гусев получил инструктивную телеграмму В.М. Молотова, из которой следовало, что для Москвы идея расчленения не является самоцелью. Молотов писал, что решение Крымской конференции нужно воспринимать «не как обязательный план расчленения Германии, а как важную перспективу для нажима на Германию». Нарком разъяснял, что Вашингтон и Лондон хотят приписать авторство этой идеи Москве, чтобы «очернить наше государство в глазах мирового общественного мнения» и нужно «отнять у них такую возможность».

В итоге деятельность комиссии завершилась, практически не начавшись, хотя формально она просуществовала до августа 1945 г.

Важно подчеркнуть, что на исходе войны существовала реальная возможность сохранения Германии как единого демократического государства и союзники могли договориться по этому поводу. Не лишним будет привести известное высказывание Сталина, сделанное им 9 мая 1945 г. о том, что советский народ не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию.

В заключение несколько высказываний Гусева о Крымской встрече.

Вот что он говорил об участии в ней Рузвельта, опровергая известные попытки объяснить советский дипломатический успех тем, что американский лидер был болен и потому, мол, «слишком податлив»:

«Она (встреча – авт.) стала большим событием в отношениях между союзниками, которые вели борьбу против гитлеровской Германии. Тот факт, что она проходила на советской земле, и американский президент предпринял столь далекое путешествие – еще одно признание той роли, которую играл Советский Союз в войне.... Помню, как мы встречали Рузвельта в аэропорту Саки... Американский президент был необычайно обаятельным человеком... Говорить, что мы добились успеха в Ялте из-за болезни Рузвельта, значит подходить к вопросу упрощенно, я бы сказал, примитивно. Рузвельт был больной, но не слабый человек. И никаких уступок в Ялте со стороны союзников не было».

А вот Трумэну, с которым Гусев познакомился несколько позже, он давал совсем другую оценку:

«При знакомстве он мне показался жестким человеком, даже в личном общении. Это был человек другого типа, нежели Рузвельт, лишенный дипломатического такта и умения. А в международных отношениях, в том числе на международных конференциях, люди которые привыкли командовать, не могут снискать себе уважения».

После окончания войны Гусев продолжил свою дипломатическую деятельность, занимал посты заместителя министра иностранных дел и посла в Швеции. Однако его работа в условиях военного времени оставила самый глубокий след в его памяти. Он вспоминал, что она была исключительно трудной, сопряженной с громадными лишениями, но полностью захватывала, увлекала, и ее результаты были полезны родине.

Е.П. Абрамов

Военно-стратегическая обстановка созыва и проведения Ялтинской конференции в феврале 1945 г.

Основным видом противоборства во Второй мировой войне 1939-1945 гг. являлась вооружённая борьба, которая наряду с другими подчиненными ей видами противоборства: экономическим, научно-техническим, дипломатическим, идеологическим и др., составила основное содержание противостояния фашистско-милитаристского блока (Германия, Италия, Япония) и стран антигитлеровской коалиции. При этом следует отметить, что вооружённая борьба на советско-германском фронте, её ход и исход фактически предопределили поражение блока агрессоров с одной стороны и победу антигитлеровской коалиции с другой.

Годом решающих побед Красной Армии стал 1944 г., когда советские войска, нанося последовательные удары на различных участках советско-германского фронта, разгромили крупные группировки противника и отбросили их на сотни километров.

Общая военно-политическая и стратегическая обстановка к началу 1944 г. коренным образом изменилась в пользу СССР. Советские Вооружённые Силы в действующей армии и на флоте имели 6 млн 354 тыс. человек, 95000 орудий и миномётов (без 50-мм миномётов и реактивных установок), 5254 танка и САУ, 10200 самолётов и свыше 300 кораблей основных классов, 874 самолёта морской авиации.

К этому времени Германия, используя отсутствие второго фронта в Европе, сосредоточила вместе с союзниками на советско-германском фронте 4 млн 906 тыс. человек, 54570 орудий и миномётов, 5400 танков и штурмовых орудий, 3073 самолёта и около 300 боевых кораблей. [4, с. 42-43]

В четвертом периоде Второй мировой войны (1 января 1944 – 9 мая 1945 гг.) основными целями СССР и антигитлеровской коалиции являлись: полное изгнание врага с советской земли, открытие второго фронта, освобождение порабождённых народов Европы, а также безоговорочная капитуляция Германии.

В 1944 г. военно-политические цели, стоящие перед советскими Воо-

ружёнными Силами, были достигнуты в результате двух последовательно проведённых – зимне-весенней (январь-май) и летне-осенней (июнь - декабрь) кампаний.

В зимне-весенней кампании 1944 г. наступление Красной Армии развернулось на огромном фронте от Балтийского до Черного морей. При этом главный удар наносился на юго-западном направлении.

Во время указанной кампании были проведены три стратегических наступательных операции: на Правобережной Украине, Ленинградско-Новгородская и Крымская. [5, с. 6]

В ходе наступательной операции по освобождению Правобережной Украины (Днепровско-Карпатской стратегической операции), проведённой войсками 1, 2, 3, 4-го Украинских и 2-го Белорусского фронтов 24 декабря 1943 г. – 6 мая 1944 г. было рассечено южное крыло стратегического фронта противника, разгромлены немецкие группы армий «Юг» и «А», осуществлен выход к предгорьям Карпат и на границу с Румынией.

Почти одновременно развернулось наступление войск Ленинградского и Волховского фронтов, которые во взаимодействии со 2-м Прибалтийским фронтом и Балтийским флотом с 14 января по 1 марта осуществили Ленинградско-Новгородскую стратегическую наступательную операцию. В ходе указанной операции было нанесено поражение группе армий «Север», а Ленинград полностью освобождён от блокады.

Тяжелейшие условия, голод и холод, авиационные удары и артиллерийские налёты не сломили героических защитников великого города. Он выстоял и победил.

Разгром немецко-фашистских группировок на Правобережной Украине и под Ленинградом соответствовал политическим и стратегическим целям. Его осуществление привело к освобождению значительной и важной в экономическом отношении территории страны.

Успешное продвижение советских войск на Правобережной Украине дало возможность, не дожидаясь его завершения, приступить к освобождению Крыма.

С 8 апреля по 12 мая 1944 г. войсками 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской армии во взаимодействии с Черноморским флотом и Азовской военной флотилией была проведена Крымская стратегическая наступательная операция. [1, с. 17] Замыслом операции предусматривалось путем нанесения согласованных ударов войск 4-го Украинского фронта из районов Перекопа и Сиваша и Отдельной Приморской армии, с керченского плацдарма в общем направлении на Симферополь, расчлнить и разгромить группировку противника на Крымском полуострове, не допустив её эвакуации из Крыма.

8 апреля войска 4-го Украинского фронта перешли в наступление, прорвали оборону противника и начали успешно развивать наступление на Симферополь.

При освобождении Крыма, как и в других операциях, отличилась морская пехота, ставшая символом безудержной отваги, исключительной стойкости, особой удали, презрения к смерти, высокого боевого мастерства, любви к Родине и непоколебимой верности воинскому долгу.

В 22.00 10 апреля на Керченском полуострове перешли в наступление войска Отдельной Приморской армии. Действовавшие в составе 11-го гвардейского стрелкового корпуса (ск) 83-я Новороссийская и в составе 16-го стрелкового корпуса – 255-я Таманская отдельные стрелковые Краснознаменные бригады морской пехоты прорвали оборону противника и к 6.00 11 апреля совместно с 369-м отдельным батальоном морской пехоты (обмп), а также соединениями Отдельной Приморской армии овладели г. Керчь. [6, Ф. 1890. Оп. 1. Д. 3. Л. 6; Ф. 2055. Оп. 1. Д. 1. Л. 3]

12 апреля две бригады морской пехоты прорвали Ак-Монайский оборонительный рубеж, а затем, преследуя отходящего противника, совместно с передовыми частями 4-го Украинского фронта вступили в г. Симферополь. В этих боях во взаимодействии с 65-й гвардейской танковой бригадой успешно действовала посаженная на автомобили подвижная группа 83-й отдельной стрелковой бригады морской пехоты (осбрмп), 16 апреля 1944 г. морская пехота Черноморского флота освободила Ялту. [6, Ф. 1890. О. 1. Д. 3. Л. 6; Ф. 2055. Оп. 1. Д. 1. Л. 3] В этот же день за участие в освобождении города 83-й отдельной стрелковой Новороссийской Краснознаменной бригаде морской пехоты в приказе Верховного Главнокомандующего была объявлена благодарность.

За прорыв обороны противника северо-восточнее Керчи и Ак-Монайской позиции и проявленные при этом мужество и отвагу Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 апреля 1944 г. 83-я Новороссийская и 255-я Таманская отдельные стрелковые Краснознаменные бригады морской пехоты были награждены орденом Суворова II степени.

Во время штурма Севастополя 83-я и 255-я отдельные стрелковые бригады морской пехоты, наступая южнее Сапун-Горы в первом эшелоне 16-го ск, к исходу 7 мая прорвали оборону противника, на следующий день овладели селом Карань, горой Кая-Баш и начали развивать наступление в направлении бухты Казачья.

За успешные боевые действия по освобождению Крыма и Севастополя Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 мая 1944 г. 84-я Новороссийская и 255-я Таманская отдельные стрелковые Краснознаменные ордена Суворова бригады морской пехоты были награждены вторым орденом Красного Знамени. [6, Ф. 1890. Оп. 1. Д. 3. Л. 7; Ф. 2055. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.]

Не менее успешно действовали в ходе операции и наступавшие в составе 4-го Украинского фронта гвардейские стрелковые и стрелковые соединения, в составе которых сражалось немало моряков.

В составе 10-го стрелкового корпуса 5-й армии успешно действовала 257-я стрелковая дивизия, сформированная на базе 62-й морской стрелковой бригады. [6, Ф. 1867. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.]

К 18.00 7 мая через боевые порядки 77-й стрелковой дивизии (сд) были введены в бой состоявшие из моряков штурмовые группы 257-й стрелковой дивизии, которые во взаимодействии с полками 77-й стрелковой дивизии овладели гребнем Сапун-горы. Однако западные скаты и северо-восточная часть хребта удерживались противником. [6, Ф. 1545. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.]

В сложившейся обстановке 257-я сд к 2.00 8 мая через боевые порядки 77-й сд вышла в первый эшелон и вместе с 417-й сд овладела всем хребтом Сапун-горы. [6, Ф. 1545. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.]

11 мая 257-я стрелковая дивизия, действуя в составе 1-го гвардейского корпуса в первом эшелоне 51-й армии, совместно с соединениями морской пехоты Черноморского флота завершила уничтожение противника на мысе Херсонес.

В результате успешного завершения Крымской стратегической наступательной операции была разгромлена 17-я немецкая армия, упрочилось стратегическое положение Красной Армии на южном фланге советско-германского фронта. Произошло коренное изменение военно-политической обстановки на Черноморском театре военных действий и на всём юго-востоке Европы.

К лету 1944 г. во Второй мировой войне участвовало 45 государств. Достижение небывалого размаха военные действия велись на всех важнейших театрах войны. При этом численность вооруженных сил воюющих государств приблизилась к наивысшей за время войны точке.

Из общего количества сил и средств основных государств воюющих коалиций, на фронтах Второй мировой войны находилось 48 процентов личного состава, 64 процента орудий и минометов, 61 процент танков и САУ, 42 процента боевых самолётов и свыше 90 процентов боевых кораблей основных классов. [3, с. 18]

Особенно большое количество сил и средств находилось на советско-германском фронте. Немецкое командование сосредоточило здесь более 60 процентов всех сил и средств действующих войск вермахта, что убедительно свидетельствовало о решающем значении советско-германского фронта для всей Второй мировой войны. Именно здесь велись военные действия, имевшие решающее значение для всей Второй мировой войны.

Летне-осеннюю кампанию 1944 г. составили девять стратегических наступательных операций. На огромном фронте от Баренцева до Чёрного морей протяжённостью 4500 км с советской стороны действовали 11 фронтов, 3 флота, две флотилии.

Им противостояли четыре группы армий, несколько оперативных

групп, часть сил 20-й немецкой горной армии и группировки ВМС на Севере, Балтийском и Чёрном морях.

Важнейшей особенностью кампании явилось то, что она проводилась в условиях операции по вторжению вооружённых сил США, Великобритании и их союзников в Северо-Западную Францию (кодовое наименование «Оверлорд»). В результате успешно проведённой операции был открыт второй фронт в Европе.

С целью расширения количества коммуникаций для действующих во Франции союзных войск и воспреещения переброски немецких соединений на север американскими, британскими и французскими вооружёнными силами с 15 августа по 3 сентября 1944 г. была проведена Южно-Французская десантная операция (кодовое наименование «Драгун»).

К концу осени 1944 г. восемь армий союзников освободили всю территорию Франции, Бельгию, Люксембург и значительную часть Голландии, вышли к устью реки Маас, к франко-швейцарской границе, а на некоторых участках вклинились в так называемую линию Зигфрида.

Попытка германского командования развернуть контрнаступление на Западном фронте с целью нанесения поражения американским и английским войскам ударом через Арденны на Антверпен ожидаемых результатов не принесли. [3, Ф. 235, 240, 256.]

К началу 1945 г. стратегическая обстановка в Европе сложилась удачно для армий СССР, США, Англии и Франции. Вооружённые силы антигитлеровской коалиции, превосходя противника во всех отношениях, прочно удерживали стратегическую инициативу, приблизились к границам Германии, которая оказалась в тисках между двумя фронтами: с востока и запада.

К началу летне-осенней кампании 1944 г. советские войска занимали выгодное стратегическое положение. Сложившаяся к этому времени линия фронта и наличие двух выступов в Белоруссии и Молдавии позволяло им наносить удары по флангам группировок противника. Улучшилась оперативно-стратегическая обстановка на Балтийском и особенно Черноморском театрах военных действий. [3, с. 19]

Первой стратегической операцией Красной Армии, проведённой в летне-осенней кампании явилась Выборгско-Петрозаводская операция, осуществлённая с 10 июня по 9 августа частью сил Ленинградского и Карельского фронтов при участии сил Балтийского флота, Ладужской и Онежской военных флотилий. Войска вышеуказанных фронтов нанесли тяжелое поражение финской армии, разгромив ее оперативные группы («Массельская», «Карельский перешеек» и «Олонецкая») и продвинулись на 110-250 км. 19 сентября 1944 г. Финляндия вышла из войны на стороне Германии, что явилось важнейшим политическим итогом операции.

С 23 июня по 29 августа 1944 г. войсками 1-го Прибалтийского, 3, 2 и

1-го Белорусского фронтов, во взаимодействии с Днепровской военной флотилией и 1-й армией Войска Польского, была проведена Белорусская стратегическая наступательная операция (кодовое наименование «Багратион»). В результате операции было нанесено поражение немецкой группе армий «Центр», освобождена Белоруссия, часть Литвы, созданы благоприятные условия для нанесения ударов по группировкам противника в Прибалтике, Восточной Пруссии и Польше.

С 13 июля по 29 августа войска 1-го Украинского фронта провели Львовско-Сандомирскую наступательную операцию, в результате которой было нанесено поражение группе армий «Северная Украина», освобождены от оккупации западные области Украины и юго-восточные районы Польши. Форсировав Вислу, войска фронта овладели важным в стратегическом отношении Сандомирским плацдармом.

2-й и 3-й Украинские фронты во взаимодействии с силами Черноморского флота и Дунайской военной флотилии 20-29 августа осуществили Яско-Кишенёвскую операцию, в результате которой была полностью разгромлена группа армий «Южная Украина», освобождена Молдавия, выведена из фашистского блока Румыния, объявившая войну Германии.

Осенью 1944 г. Красная Армия осуществила ещё четыре стратегические наступательные операции.

В ходе Восточно-Карпатской операции 8 сентября – 28 октября войска левого крыла 1-го Украинского и 4-го Украинского фронтов нанесли поражение армейской группе «Хейнрици», освободили Закарпатскую Украину, преодолели Главный Карпатский хребет и вступили на территорию Чехословакии.

В результате Прибалтийской операции 14 сентября – 24 ноября войска 1, 2 и 3-го Прибалтийского фронтов, Ленинградского, а также части сил 3-го Белорусского фронта и Балтийского флота завершили освобождение Прибалтики (кроме Курляндии).

Войска 3-го и частично 2-го Украинских фронтов совместно с соединениями Народно-освободительной армии Югославии и Отечественного фронта Болгарии с 28 сентября по 20 октября провели Белградскую операцию, в ходе которой были разгромлены армейская группа «Сербия», группа армий «Ф», нанесено поражение группе армий «Е», освобождены восточные районы Югославии и её столица Белград.

В Петсамо-Киркенесской операции, проведённой с 7 по 29 октября, войска Карельского фронта и силы Северного флота нанесли поражение 20-й немецкой горной армии, завершили освобождение Советского Заполярья и вступили на территорию Норвегии.

Следует отметить, что итоги летне-осеннего наступления Красной Армии превысили результаты всех предыдущих кампаний войны. В ходе летне-осенней кампании 1944 г. её войска, осуществив стратегическое наступление на фронте до 4500 км и на глубину 600-1 100 км, завершили

освобождение территории СССР (за исключением Курляндии), полностью восстановили государственную границу, вступили в Юго-Восточную и Центральную Европу, начав освобождение народов порабощённых стран. За семь месяцев только немецкие войска потеряли более 1,6 млн. человек, из числа которых в плену оказалось небывалое количество - свыше 680 тыс. чел. [4, с. 43-44]

Особое место в ходе Второй мировой войны занимает кампания 1945 г. в Европе. В ходе нее Красная Армия осуществила семь стратегических наступательных операций, завершила разгром окруженной в Будапеште группировки противника и отразила контрнаступление немецких войск в Венгрии. Для решения задач этого грандиозного наступления привлеклись семь фронтов – три Белорусских и четыре Украинских.

Непосредственно перед началом Ялтинской конференции 12 – 13 января 1945 года были одновременно начаты три стратегических наступательных операции: Висло-Одерская, Западно-Карпатская и Восточно-Прусская.

Основное внимание на первом этапе кампании Ставка ВГК уделила подготовке и проведению Висло-Одерской операции (12 января – 3 февраля 1945 г.), в результате которой было нанесено полное поражение группе армий «А» (с 26 января – «Центр»). Советские войска освободили большую часть Польши, вступили на территорию Германии и вышли к Одеру, захватив ряд плацдармов на её западном берегу.

Висло-Одерская операция фактически предопределила успех всей кампании. Уже в начале февраля советские войска оказались в 60 км от Берлина.

С 13 января по 18 февраля войска 4-го и основные силы 8-го Украинских фронтов осуществили Западно-Карпатскую операцию, в ходе которой освободили южные районы Польши и значительную часть Чехословакии.

Важный успех был достигнут в Восточной Пруссии, где в результате Восточно-Прусской операции, проведённой 13 января – 25 апреля 1945 г., войска 2-го Белорусского фронта Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского к 26 января вышли на побережье Балтики и отсекали курляндскую группировку противника. [2, с. 313]

Оценка стратегической обстановки в четвертом периоде войны позволяет сделать вывод, что благодаря усилиям вооружённых сил и народов антигитлеровской коалиции и прежде всего Советского Союза к началу Крымской (Ялтинской) конференции были созданы необходимые военно-политические условия для завершения разгрома в ближайший период агрессивного фашистско-милитаристского блока и полного освобождения оккупированных стран Европы и Азии.

Источники и литература

1. Бирюзов С. Наступление войск 4-го украинского фронта в Крыму // Военно-исторический журнал. 1959. № 5.
2. Жилин П.А., Тюшкевич С.А. Вторая мировая война 1939-1945 // Военная энциклопедия. В 8 т. М.: Воениздат, 1994. Т. 2.
3. История Второй мировой войны 1939 – 1945. В 12 т. М.: Воениздат, 1978. Т. 9.
4. Микора В.И., Савушкин Р.А. Великая Отечественная война Советского Союза 1941-1945 гг. // Военная энциклопедия. В 8 т. М.: Воениздат, 1994. Т. 2.
5. Советское военное искусство в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. В 3 т. / Отв. ред. С.П. Платонов. М.: Воениздат, 1962. Т. 3.
6. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ).

О.В. Романько

Статус Крымского полуострова в планах нацистского военно-политического руководства

Изменение политического статуса советских республик являлось основной целью Германии в войне против СССР. В том, что этот статус будет изменен, не сомневался ни один из лидеров Третьего рейха. Однако на практике будущее послевоенное устройство на оккупированных территориях вызывало наибольшее количество споров среди нацистской военно-политической элиты. Если военный режим мог носить только временный характер, то гражданская администрация, напротив, должна была стать переходной формой на пути к будущему политическому устройству всего «восточного пространства». Каким оно будет после победы Германии? На этот вопрос следовало ответить как можно быстрее, и – с как можно большей политической ясностью. Проекты по «организации» имелись для всех республик Советского Союза. Что же касается Крыма, то нацисты, при всей важности этого полуострова, так окончательно и не решили его судьбу. Но административные планы были только одной из сторон будущего статуса Крыма. Не секрет, что это – многонациональный регион. И поэтому, какие бы планы нацисты не строили, в своих выкладках они не могли пройти мимо межнациональных отношений на полуострове. Что следовало делать с населявшими Крым народами? Приходится признать, что в целом, при всем радикализме нацистской национальной политики, решение этого вопроса также осталось на уровне теорий. Правда, весьма и весьма оригинальных.

Задачи Германии в войне против СССР были окончательно сформулированы 30 марта 1941 г. на совещании высшего нацистского военно-политического руководства. С военной точки зрения планировалось разгромить Красную Армию и достигнуть линии «Архангельск – Астрахань», а в политической плоскости необходимо было сделать так, чтобы, как сказал Гитлер, «никакая организованная сила не могла противостоять немцам по эту сторону Урала». Завершая свое выступление, он выразился более конкретно: «Наши задачи в отношении России – разгромить

ее вооруженные силы, уничтожить государство». А для управления захваченными советскими территориями фюрер предложил создать «протектораты»: в Прибалтике, на Украине и в Белоруссии. Слово «протекторат» здесь взято в кавычки намеренно. Конечно, это не должны были быть протектораты как в Чехии и Моравии. Скорее, речь шла только о политической ширме и не более [2, т. 1, с. 520, 522; 5, с. 286–289].

Это мартовское совещание знаменательно еще и тем, что на нем все вопросы будущего административно-политического планирования на «восточных территориях» были переданы в ведение Альфреда Розенберга – главного нацистского теоретика, а по совместительству – знатока межнациональных отношений. Уже 2 апреля 1941 г. Розенберг представил первый меморандум, в котором отразил свои взгляды на политическое будущее Советского Союза после его разгрома. В целом, он предлагал разделить его на семь регионов: «Великороссия» с центром в Москве; Белоруссия с Минском или Смоленском в качестве столицы; «Балтенланд» (Эстония, Латвия и Литва); Украина и Крым с центром в Киеве; Донская область с Ростовом-на-Дону в качестве столицы; Кавказский регион; и Туркестан (советская Центральная Азия) [11, vol. 4, p. 488].

Согласно концепции, изложенной в этом документе, Россия (или, вернее, то, что от нее оставалось), должна была быть отрезана от остального мира кольцом нерусских государств. Однако на этом «реформы» не заканчивались: по замыслу Розенберга она теряла целый ряд территорий с русским населением в пользу государственно-территориальных образований, которые создавались по соседству. Так, Смоленск отходил к Белоруссии, Курск, Воронеж и Крым – к Украине, а Ростов-на-Дону и нижняя Волга – к Донской области. В будущей «Великороссии» необходимо было «полностью уничтожить еврейско-большевистскую администрацию», а сама она – «подвергнуться интенсивной экономической эксплуатации» со стороны Германии. Кроме того, это территориальное образование получало статус даже гораздо ниже, чем у окружающих его соседей, и превращалось, по сути, в «приемник для всех нежелательных элементов с их территорий» [11, vol. 4, p. 488].

Этот план вызвал существенные замечания Гитлера, который считал, что будущие административные единицы на «восточных землях» не следует делать такими дробными и искусственными. Например, создание отдельной Донской области не было, на его взгляд, обусловлено ни политически, ни экономически, ни, даже, с точки зрения, национальной политики. Это же касалось и Белоруссии. Фюрер считал, что ее можно объединить с Прибалтикой – так будет более удобно с административной точки зрения. И подобные замечания были высказаны практически по всем пунктам меморандума Розенберга. Однако следует признать, что генеральной линии документа они почти не затронули [9, p. 52–53].

20 июня 1941 г. в Берлине состоялось очередное совещание высшего военно-политического руководства Третьего рейха, на котором Розенберг представил Гитлеру очередной меморандум о будущем устройстве того, что должно было остаться от СССР. Согласно новому плану предполагалось создать пять административных единиц – рейхскомиссариатов: «Московия» (центральные области России), «Остланд» (Прибалтика и Белоруссия), «Украина» (большая часть Украины и Крым), «Кавказ» (Северный Кавказ, Закавказье и Калмыкия) и «Туркестан» (Средняя Азия, Казахстан, Поволжье и Башкирия). Эти административные единицы должны были возникать по мере продвижения Вермахта на Восток. А после умиротворения указанных регионов военная администрация в них могла быть заменена на гражданскую – как первый шаг по определению будущего политического статуса «восточных земель» [4, л. 330–332].

Гитлер принял второй план Розенберга практически без замечаний, и уже 17 июля 1941 г. подписал указ о введении гражданского управления на захваченных советских территориях. Согласно этому документу создавалось Министерство оккупированных восточных областей (Reichsministerium für die besetzten Ostgebiete) – главный руководящий орган для вышеуказанных административных образований. Как можно догадаться, во главе министерства был поставлен Альфред Розенберг – автор всех этих планов. Однако, из-за провала «молниеносной войны» удалось создать только два рейхскомиссариата – «Остланд» и «Украина». Они начали функционировать 1 сентября 1941 г. В своем же окончательном виде их территории оформились только через три месяца [3, л. 45–46; 8, с. 4–5].

По выкладкам Розенберга, Крым вместе с Херсонской и Запорожской областями включался в генеральный округ «Таврия» (Generalbezirk Taurien), с общей площадью 22 900 км² и населением 662 тыс. человек (по состоянию на 1 сентября 1941 г.). Центром округа был выбран Мелитополь. В свою очередь, генеральный округ «Таврия» являлся составной частью рейхскомиссариата «Украина» (Reichskommissariat Ukraine) [10, Bd. 5, S. 45].

Высшим органом гражданской оккупационной администрации в «Таврии» должен был стать генеральный комиссариат во главе с ветераном нацистской партии Альфредом Фрауэнфельдом. Однако в силу разных обстоятельств, прежде всего, военного характера, к своим обязанностям Фрауэнфельд смог приступить только 1 сентября 1942 г. К этой дате относится окончательное оформление границ генерального округа «Таврия», каким его видели в министерстве Розенберга. Тем не менее, оставался один нюанс. Территория Крыма так и не перешла под юрисдикцию Фрауэнфельда. До июля 1942 г. здесь шли боевые действия. По-

этому, полуостров посчитали разумным оставить под двойным управлением: гражданским (номинально) и военным (фактически). То есть, из состава генерального округа Крым не изымал никто, однако гражданские чиновники не имели здесь никаких прав. Реальная же власть на полуострове принадлежала местному командующему частями Вермахта [12, S. 129–130].

Во главе аппарата военной администрации находился Командующий войсками Вермахта в Крыму (Befehlshaber Krim), который по вертикали подчинялся командующему группой армий «А» (с апреля 1944 г. – группа армий «Южная Украина»). Обычно такая должность вводилась на тех оккупированных территориях, где высший начальник Вермахта должен был не только осуществлять охранную службу, но еще и заниматься их административным обеспечением. На протяжении всего периода оккупации Крыма эту должность занимало пять человек, наиболее известным из которых стал командующий 17-й немецкой армией генерал-полковник Эрвин Йенеке – при нем началось освобождение полуострова войсками Красной Армии [15, S. 150–151; 16, Bd. 1, S. 23–25].

Такая административная система просуществовала в Крыму, фактически, до мая 1944 г. И просуществовала без изменений. Чего не скажешь, например, о немецких планах по решению национального вопроса. В данном случае, полемика вокруг них разворачивалась следующим образом. Выше уже шла речь о том, как Розенберг планировал разделить СССР. Один из пунктов этого плана назывался «Украина с Крымом». Его последующий меморандум также подразумевал, что Крым станет частью будущей «Великой Украины». Однако многочисленные рукописные пометки на этом документе свидетельствуют о том, что формулировка именно этого пункта далось Розенбергу с трудом. Он, при всей своей любви к украинским националистам, явно понимал, что Крым только с большой натяжкой можно отнести к Украине, так как число проживавших там украинцев было ничтожно мало (чтобы хоть как-то решить эту проблему Розенберг предлагал выселить с полуострова всех русских, евреев и татар). Но это – не единственный парадокс плана. Одновременно с указанным моментом, Розенберг настаивал, чтобы Крым находился под прямым контролем правительства Третьего рейха. Чтобы объяснить этот казус, он всячески подчеркивал «германское влияние» на полуострове. Так, главный нацистский идеолог утверждал, что до Первой мировой войны немецким колонистам принадлежали здесь значительные территории. Таким образом, получалось, что «Таврия» только «технически» присоединялась к Украине. Управлять же ею должны были из Берлина. Планы Розенберга могут показаться полностью противоречивыми. Тем не менее, они были всего лишь отражением аргументов Гитлера, кото-

рыми тот обосновывал причины будущей германизации полуострова. Во-первых, как считал фюрер, Крым должен был стать «немецким Гибралтаром». Располагаясь здесь, немецкая армия и флот могли полностью контролировать акваторию Черного моря. Во-вторых, привлекательным для немцев полуостров мог стать потому, что шеф Германского трудового фронта Роберт Лей мечтал превратить его в «один огромный немецкий курорт» [9, р. 254].

Более конкретно о судьбе Крыма Гитлер высказался на совещании 16 июля 1941 г. В своей речи он специально выделил его из ряда других оккупированных советских территорий и сказал, что полуостров «необходимо очистить от всех чужаков и заселить германцами». В частности, русских предполагалось выселить в Россию. По воспоминаниям одного из присутствующих фюрер выразился следующим образом: «Она для этого достаточно велика» [6, с. 25].

Как свидетельствуют документы, «крымский вопрос» и судьба населения полуострова занимали Гитлера и в последующие месяцы. Когда Розенберг посетил его в декабре 1941 г., фюрер еще раз повторил ему, что «Крым должен быть полностью очищен от негерманского населения». Эта встреча интересна еще и тем, что на ней была затронута проблема так называемого «готского наследия». Как известно, в середине III века на территорию Северного Причерноморья вторглись германские племена готов. Они создали в этом регионе свою «державу», которая просуществовала относительно недолго – в конце IV в. ее разгромили гунны. Крым также входил в это государственное образование. Основные массы готов ушли на Запад вместе с новыми завоевателями. Однако часть из них остались на полуострове и жили здесь еще довольно длительное время – некоторые историки утверждают, что до XVI в. По большому счету, вклад готов в историю Крыма был не самым значительным. Тем более, нельзя говорить, что они оставили здесь какое-то наследие. Однако Гитлер думал иначе. Завершая беседу с Розенбергом, фюрер выразил желание, чтобы после окончания войны и решения вопроса с населением, Крым получил бы название «Готенланд». Розенберг сказал, что он уже думает над этим, и предложил переименовать Симферополь в Готенбург, а Севастополь – в Теодорихсхафен. Продолжением «готских планов» Гитлера и Розенберга явилась археологическая экспедиция, организованная генеральным комиссаром Фрауэнфельдом в июле 1942 г. Непосредственным руководителем этого мероприятия был назначен глава полиции генерального округа «Таврии» Людольф фон Альвенслебен. В ходе экспедиции нацистские археологи обследовали городище Мангуп – бывшую столицу Княжества Феодоро, которое в 1475 г. разгромили турки-османы. В результате, они пришли к выводу, что данная крепость – это типичный образец древнегерманской фортификации. Также готскими по происхождению были признаны Алушта, Гурзуф и Ин-

керман. Впоследствии эти и другие «открытия» появились в книге «Готы в Крыму», которую написал один из участников экспедиции полковник Вернер Баумельбург [14, p. 224].

Фантазии относительно «Готенланда» так и остались фантазиями, а вот планы по переселению немцев в Крым разные инстанции Третьего рейха неоднократно подавали Гитлеру для рассмотрения. Всего было три таких попытки.

Во-первых, руководство СС предлагало переселить сюда 140 тыс. этнических немцев из так называемой «Транснистрии» – территории СССР между реками Днестр и Южным Бугом, которая находилась под румынской оккупацией. Этот план стоял на повестке дня до самого освобождения Крыма советскими войсками, но немцы к нему так и не подступились [9, p. 255].

Во-вторых, летом 1942 г. генеральный комиссар Фрауэнфельд подготовил специальный меморандум, копии которого он затем разослал в разные немецкие инстанции. В нем этот чиновник предлагал переселить в Крым жителей Южного Тироля, чтобы раз и навсегда решить старый итало-германский спор. Известно, что Гитлер отнесся к этому плану с большим энтузиазмом. Так, на одном из совещаний он сказал, буквально, следующее: «Я думаю, что это великолепная идея. Кроме того, я также считаю, что Крым и климатически, и географически подходит тиролецам, а по сравнению с их родиной, он действительно земля, где текут реки с молоком и медом. Их переселение в Крым не вызвало бы ни физических, ни психологических трудностей» [13, S. 314].

Интересно, что рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, в чьем ведении находились все вопросы по «укреплению германской расы», не возражал против постороннего вторжения в сферу своей компетенции. Германизация Крыма признавалась настолько важной, что он собирался уступить тирольцев Фрауэнфельду, даже, несмотря на то, что ранее планировал поселить их в «Бургундии» – государстве, где после окончания войны должна была «концентрироваться германская кровь». Но, по мнению Гиммлера, переселять их следовало только после окончания войны. В конце концов, Гитлер согласился именно с рейхсфюрером, хотя и подписал в начале июля 1942 г. директиву, согласно которой выселение русских из Крыма должно было начаться практически сразу, а украинцев и татар – немного позже [1, с. 385–386].

В-третьих, во второй половине 1942 г. Фрауэнфельд разработал еще один план. На этот раз он предлагал переселить в Крым 2 тыс. немцев из Палестины. Правда, Фрауэнфельд оставил за скобками, как такое можно было сделать в условиях британской оккупации региона. Более того, этот план уже явно граничил с прожектерством. Поэтому, даже офици-

альный главный германизатор Гиммлер приказал отложить его до лучших времен [10, Bd. 6, S. 840–841].

Наконец, предел всем фантазиям и усилиям по переселению положили протесты тех органов Вермахта, которые отвечали за военную экономику. В середине августа 1943 г. начальник Верховного командования Вермахта генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель решительно выступил против каких-либо перемещений населения в условиях войны. Не без основания он заметил, что «эвакуация» русских и украинцев – 4/5 всего населения Крыма – полностью парализует экономическую жизнь полуострова. Три недели позднее Гитлер принял сторону военных и высказался в том смысле, что любые перемещения возможны только после окончания войны. С этой точкой зрения согласился и Гиммлер. Он, конечно, считал, что переселение немцев необходимо и планировать, и осуществлять, но делать это в условиях военной ситуации, крайне преждевременно. Кстати следует сказать, что Гиммлер самым решительным образом воспротивился плану по выселению из Крыма татар. Правда, этот запрет распространялся только на военный период. По его словам, это бы было катастрофической ошибкой. «Мы должны сохранить в Крыму хотя бы часть населения, которое смотрит в нашу сторону и верит в нас», – подчеркивал рейхсфюрер [9, p. 257].

В январе 1944 г. немецкие оккупанты предприняли попытку свести воедино все свои планы по статусу полуострова. Командующий немецкими войсками в Крыму генерал-полковник Эрвин Йенеке приказал начать подготовку по созданию на полуострове так называемого «земельного правительства». Оно должно было состоять из представителей трех основных национальных групп, которые населяли Крым: русских, украинцев и крымских татар. Основой правительства предполагалось сделать органы самоуправления и некоторые национальные комитеты. В компетенцию земельного правительства, при общем немецком контроле, планировалось передать: управление органами гражданской администрации, командование частями вспомогательной полиции, благотворительность, судопроизводство и вопросы, касающиеся религии и народного образования. К марту вся местная администрация была, в целом, реформирована согласно этому плану. Однако, «земельное правительство» так и не приступило к работе – в апреле 1944 г. началось освобождение полуострова частями Красной Армии [7, bl. 108–110rs].

Изучая планы нацистского военно-политического руководства относительно будущей политической организации и национального переустройства «восточных территорий» вообще и Крыма – в частности, нельзя не прийти к следующему заключению. Несомненно, модель такой организации имелась. И как явствует из источников, основными ее носи-

телями являлись Розенберг и некоторые круги военного командования. Другое дело, что военные почти сразу же были отстранены от анализа этой проблемы Гитлером, который предпочел работать с Розенбергом. Но и точка зрения последнего не стала окончательной. Начиная с лета 1941 г., он был вынужден согласовывать ее со взглядами Гитлера, как мы видели, довольно хаотичными и неустойчивыми. В результате, единая концепция переустройства «восточных территорий» фактически так и не была разработана. Но было бы ошибкой считать, что и точка зрения Гитлера осталась единственной, и была воспринята всеми. Формально все национально-политическое устройство оккупированных советских территорий было организовано согласно его взглядам. Однако, поскольку они носили крайне общий характер, немецкие инстанции, отвечавшие за проведение «восточной политики», вступили в войну с совершенно разными установками. Как известно, этот плюрализм сильно отразился на немецкой оккупационной политике. И ситуация на территории Крымского полуострова – наиболее яркое подтверждение этого тезиса.

Источники и литература

1. Бройнингер В. Противники Гитлера в НСДАП, 1921-1945. – М., 2006.
2. Гальдер Ф. Военный дневник. 1939-1945: В 3 т. – М., 2002-2003.
3. Государственный архив Российской Федерации, Москва, РФ (далее – ГАРФ). – Ф. 7021. – Оп. 148. – Д. 183.
- 4 ГАРФ. – Ф. 7445. – Оп. 2. – Д. 144.
5. Кейтель В. Размышления перед казнью. – Смоленск, 2000.
6. Романько О.В. Крым в период немецкой оккупации. Национальные отношения, коллаборационизм и партизанское движение. 1941-1944. – М., 2014.
7. Bundesarchiv-Militärarchiv, Freiburg, Deutschland. – RH 20. Armeeoberkommandos. – Bd. 7: AOK 16 bis AOK 17. – RH 20-17/257.
8. Bräutigam O. Überblick über die besetzten Ostgebiete während des 2. Weltkrieges. – Tübingen, 1954.
- 9 Dallin A. German Rule in Russia 1941-1945: A Study of occupation policies. – London, 1957.
10. Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg: In 9 Bd. – Stuttgart – München, 1979-2007.
11. Germany and the Second World War: In 9 vols. – Oxford, 1998. – Vol. 4.
12. Personen Lexikon / Hrsg. v. H. Weiß. – Wien, 2003.
13. Picker H. Hitlers Tischgespräche. – Bonn, 1951.
14. Pringle H. The Master Plan: Himmler's Scholars and the Holocaust. – New York, 2006.
15. Roth K., Abraham J.-P. Reetsma auf der Krim. Tabakproduktion und Zwangsarbeit unter deutschen Besatzungsherrschaft 1941-1944. – Hamburg, 2011.
16. Tessin G. Verbände und Truppen der deutschen Wehrmacht und Waffen-SS im Zweiten Weltkrieg 1939–1945: In 17 bd. – Frankfurt-am-Main – Osnabrück, 1965–2002.

С.В. Кулик

Советское движение Сопротивления на оккупированной территории России

Победа в войне с иноземным захватчиком возможна лишь тогда, когда абсолютное большинство населения осознает важность, справедливость и необходимость этой вооруженной борьбы.

Основную цель своей политической работы среди населения оккупированных районов, советские партизаны и подпольщики видели в том, чтобы поднять народные массы на всестороннюю борьбу против фашистских захватчиков. Для этого предполагалось постоянно и своевременно информировать население о ходе Великой Отечественной войны, о действиях Красной армии, о героизме бойцов и командиров, партизан, тружеников советского тыла, о деятельности антигитлеровской коалиции, укреплять у людей веру в неизбежность полного разгрома фашистской Германии.

Уже в первые недели войны стало ясно, что Советскому Союзу противостоит опытный и сильный враг. Руководство ВКП (б) и И.В. Сталин быстро осознали: только консолидация всего общества позволит переломить ход боевых действий. С гражданами страны было необходимо говорить о национальном патриотизме, защите Отечества, объединении всех сил для отпора врагу. Поскольку западные районы СССР в первые недели войны оказались захвачены гитлеровцами, вести эту пропаганду среди местного населения было весьма затруднительно.

Организация политико-массовой работы среди населения оккупированных районов РСФСР возлагалась на партийные органы, политотделы фронтов, подпольные организации и партизанские формирования.

19 августа 1941 года вышло обращение Главного политического управления Красной Армии ко всем военным советам и политуправлениям фронтов о работе среди населения оккупированных областей.

Для ее успешного осуществления среди населения оккупированных советских областей и политического руководства партизанским движением в штатах политуправлений фронтов предполагалось создавать «Отделы по партийно-политической работе, среди населения и войск Красной Армии, действующих на территории, занятой противником» [11].

К сентябрю 1941 года в составе политуправлений фронтов и политотделов армий были созданы отделы и отделения по руководству партийно-политической работой среди населения оккупированных районов и войск Красной Армии, оказавшихся на территории, занятой врагом.

Трудно не признать важность активной пропагандистской и контрпропагандистской работы в условиях боевых действий. Но грубый, прямолинейный ура-патриотизм, присущий советской пропаганде в начальный период Великой Отечественной войны, недооценка противника и переоценка собственных сил, часто приносили совершенно противоположный результат. Многие партизаны и мирные жители с удивлением и возмущением говорили: «Если бы все было правдой, что сообщает Совинформбюро, нас бы давно уже освободила Красная Армия. А раз она пока еще далеко, значит, советским листовкам “Вести с Советской Родины” верить нельзя» [7].

Первые месяцы войны были самыми сложными для населения, оставшегося по тем или иным причинам на оккупированной гитлеровцами территории. Изощенная гитлеровская политика, относительная слабость сил антифашистского сопротивления, заставили сомневаться очень многих граждан нашей страны. Многие тезисы советской довоенной пропаганды о слабости врага, об интернациональном сочувствии рабочих и крестьян всех стран к первому в мире социалистическому государству, о непобедимости Красной армии, на деле оказались неверными.

Осознание несостоятельности идеологизированных подходов и несбывшихся надежд на классовую солидарность приходило через жертвы и страдания. По мере накопления горького опыта и осознания иллюзорности старых представлений классовые подходы все больше отходили на задний план как в политических заявлениях руководителей, так и на уровне обыденного сознания [8, с. 189.].

В этих условиях партизаны и подпольщики должны были выработать основные направления своей деятельности для максимального привлечения людей на свою сторону. К этой работе относилась подготовка и распространение различных листовок и прокламаций, активное использование агитаторов и пропагандистов.

Но всей этой организационной и идеологической работы было явно недостаточно. Простое человеческое общение часто являлось тем мостом, который связывал партизан и мирное население. Разоблачение гитлеровской пропаганды, объяснение целей и задач антифашистской борьбы, формировали вокруг активных участников сопротивления группы, сочувствующих и помогающих ему. Эта работа велась с большими трудностями, но цель, в конечном счете, оказалась достигнута. Население в значительном большинстве охотно помогало партизанам, выполняя ряд поручений партизанских отрядов. Колхозницы пекли хлеб, стирали белье для партизан, ухаживали за ранеными.

Партизаны отмечали, что «большинство населения враждебно относится к немцам. Помогают командирам, бойцам продуктами и советуют не сдаваться в плен, а переходить на соединение с Красной армией и с нею громить ненавистного врага.

На призыв немцев, беречь хлеб от партизан и бойцов Красной армии, скрывающихся в лесах, заявляют: «Пусть лучше они пользуются хлебом, чем его заберёт немец» [4].

Те отряды, которые не отсиживались в лесу, не ограничивали свою борьбу с врагом исключительно военными акциями, не рассматривали население только как источник поставки продовольствия и информации, в конечном счете, добивались наибольших успехов. Так партизанский отряд Дновского района проводил открытые митинги в деревнях Гаврово, Куровка, Батаног, Загузье, Глухая Горюшка. После митинга в деревне Батаног местные крестьяне просили партизан оставаться, заявляя: «Всем и всегда будем помогать вам, нашим защитникам. Только оставайтесь с нами» [9].

В Сланцевском районе партизанский отряд под командованием председателя райисполкома Прохорова и парторга завода № 270 Санталова за полгода провёл в 34 деревнях района 76 докладов и бесед.

Партизанами Оредежского района в посёлке Торковичи, Оредеж и в деревнях проведено с 10 мая по 15 августа 1942 года 26 групповых бесед. Агитаторами из местного населения было проведено свыше 40 групповых бесед и читок газет и брошюр [там же].

Проводя такую политическую работу среди населения, партизаны выявляли резервы и пополняли ими свои ряды. За 1942 год только в одну 2-ю партизанскую бригаду вступило около 300 новых партизан из числа колхозников и местной интеллигенции; систематически пополнялись местными жителями также 3-я и 4-я партизанские бригады, действующие в полосе Северо – Западного фронта.

Партизанским отрядом Беляева в Батецком районе в августе месяце 1942 года из местного населения была сформирована группа партизан в количестве 11 человек. В Порховском районе по инициативе оставшегося в тылу немцев агронома Быкова организовался из числа местных жителей партизанский отряд в 17 бойцов, в Струго-Красненском районе такие отряды организовывались под командованием Шахтинского, Косякова, Дурыгина [там же].

Новое партизанское пополнение осознанно сделало этот шаг. Эти люди полностью поняли, что несет для нашей страны нацистский режим. Они своим участием в вооруженной борьбе с оккупантами, разоблачали тезис гитлеровской пропаганды о том, что партизаны являются чужаками, засланными из-за линии фронта выполнять приказы советского командования.

В деревнях, где партизаны работали серьёзно и долго, где население

было связано с партизанами тысячами нитей, настроение населения можно характеризовать одной фразой: «Как вы, так и мы» [3]. Эти люди отлично понимали, что от победы Красной армии и антифашистского сопротивления зависит судьба всего народа.

Широкие размеры приняла помощь населения в распространении антифашистской литературы, газет и листовок. Так в Псковском районе во многих населённых пунктах создавались группы из женщин и молодёжи, распространявшие газеты и листовки в деревнях и в городе Пскове, используя для этой цели поездки на базар.

Партизанские агитаторы и разведчики устанавливали связь с письмомоносцами оккупационных властей, приносили в условные места, доставленные советскими лётчиками газеты и листовки, которые затем почтальоны разносили населению вместо фашистских пропагандистских материалов. В крупных населённых пунктах с наличием вражеских гарнизонов народные мстители для распространения советской литературы использовали сани с двойным дном, что позволяло доставлять советскую печатную продукцию через гитлеровские военные посты [2].

Оккупанты не возражали, если русское население отмечало различные религиозные праздники, в первую очередь, Рождество и Пасху. Обязательные торжественные заседания проводились в День рождения Гитлера, но два события считались особыми. 1 Мая – День освобожденного труда и «День освобождения от ига жидо-большевизма». В эти дни устраивались торжественные митинги и народные демонстрации.

Силы советского сопротивления делали все, чтобы сорвать эти праздники. Разбрасывались и расклеивались листовки и партизанские газеты, а там, где это было возможно, устраивались террористические акции против немцев и их приспешников. Так же, народные мстители пытались там, где это было возможно, поддерживать советские традиции. Перед 8 марта, 1 мая, кроме докладов о текущем моменте и задачах партизанского движения, проводились концерты, в которых принимали участие самодеятельные партизанские артисты и дети колхозников. Последние обычно завершали выступления исполнением патриотических стихов и песен [Там же, Ф. 260, Оп. 1, Д. 191, Л. 60].

Отсутствие постановочных средств не помешало народным мстителям организовывать свои выступления среди партизан и местных жителей. Большой популярностью пользовался трюк с конём: ему скармливали немецкие листовки, в которые был завёрнут кусок хлеба. Животное сплёвывало бумажные лохмотья, а артист резюмировал: «Невкусно, что ли? Горько? Гляди, отравишься... Это такая гадость! Сами плюёмся, когда читаем!» – конь кивал головой, как бы подтверждая сказанное [1, С. 55].

Но во время встреч говорили не только представители советского сопротивления. Мирные граждане давали информацию для новых газет и листовок.

Партизаны внимательно выслушивали не только информацию о положении дел в том или ином населенном пункте. Их так же интересовали основные направления оккупационной политики, наличие продовольствия, факты злодеяний гитлеровцев и их пособников. Их интересовала и реакция населения, выраженная в различных частушках, песнях, стихах. Ведь, несмотря на доносы и репрессии население сочиняло и пело песни, характеризующие его отношение к немцам.

Эти простые, незатейливые строки, часто имели гораздо больший пропагандистский эффект, чем листовка, сочиненная человеком где-нибудь в Москве или Ленинграде, если последний не представлял в полной мере реалий жизни на захваченной врагом территории. Затем эти произведения народного творчества широко и активно использовались в устной и письменной партизанской пропаганде.

В некоторых частушках высказывалось отношение русских людей к партизанскому движению:

*«Мой дрозёнок партизанит,
Он находится в лесу;
Хоть стреляй ты, черт германец,
Всё равно поесть снесу.*

Или

*«Всё равно служить не буду
Гитлеру сопливому,
Лучше пойду я партизанить
Климу Ворошилову» [10].*

Эти строки часто звучали во время встреч партизан и местного населения. Понятно, что после этого большинство людей всячески стремились избежать такой поездки в «цивилизованную Европу».

Ненависть населения к оккупантам выражалась не только в сложенных частушках, но и в поговорках. В большом ходу среди населения оккупированной Смоленской области была такая поговорка: «Немец в Москву на таночках, а из Москвы на саночках» [6].

Несмотря на угрозу уничтожения, население большинства русских деревень стало всячески помогать партизанам. Сельские жители делились с партизанами продовольствием, одеждой и обувью, хотя сами переживали большие трудности. Крестьяне так же оказывали помощь разведкой, выделяли проводников, предупреждали партизан об опасности, заматали следы народных мстителей.

Зная, как жестоко расправляются немцы за связь с партизанами, всё же население не только помогало партизанам, но и скрывало у себя партизан. Иногда вооружённый отпор немцам проводило местное население ещё до прибытия партизан. Так на деревню Демидовка (Ельнинский район) повели наступление 50 немцев. Три подростка (братья Иван и Борис Андреевы и Сергей Азаренко), вооружившись обрезам,

встретили немцев огнём. Перебегая с места на место, они создали впечатление, что деревня обороняется крупными силами, убили нескольких немцев и вынудили остальных отступить [5].

Осенью 1943 года на оккупированной территории Северо-Запада России крестьяне стали по своей инициативе создавать небольшие вооружённые боевые группы, ставящие целью охрану деревень от налётов гитлеровских мародёров, борьбу с предателями и шпионами. Назывались эти формирования по-разному: боевая истребительная группа, отряд самообороны, отряд народного ополчения. Создание этих отрядов являлось ярким проявлением ненависти нашего народа к иноземным захватчикам.

Многие и многие сельские жители были тесно связаны с партизанами. Они сообщали им разведывательные данные, выявляли предателей, агентов гестапо. Один крестьянин так писал в партизанский отряд: «Здравствуйте, дорогие товарищи, красные бойцы и партизаны. Сообщаю вам о врагах советской власти, которые идут против наших красных партизан. (Далее следует перечень имён и фамилий). Прошу данному списку верить. Здесь указаны самые заядлые и подлые враги» [12].

Женщины шили и чинили одежду для партизан, стирали им бельё, пекли хлеб, собирали для них тёплые вещи. Сами часто ограбленные гитлеровскими мародёрами, они делились подчас последним.

«Шлю носки тёплые, - писала партизанам одна патриотка. - Я ещё больше со всей радостью дарила бы, но я сама сижу в чужой квартире. Примите мой скромный подарок. Громите врага, а мы позаботимся о вас» [там же, Л. 8].

Другая патриотка писала: «Дорогой товарищ, этот подарок удесятит в тебе решимость уничтожать беспощадно поганых немецких собак, которые не дают нам, мирным жителям, жить. Они грабят наше добро, расстреливают невинных людей, оставляют нас голодными. Мы надеемся, что вы этих собак уничтожите в скором времени, и мы возвратимся в свою родную семью. Вновь по нашей земле пойдут наши войска, мы оживем, и будем снова дышать советским воздухом. До свидания. Жму руку. Жена красноармейца» [там же].

Таких писем было сотни. Все они свидетельствовали о великой любви к Родине, все они были проникнуты глубокой верой в победу, в правоту нашего дела.

Было бы неправильным утверждать, что взаимодействие сил советского сопротивления и местного населения всегда осуществлялось с позитивным знаком. Были и трения, и серьезные противоречия, и даже преступления. Об этом в этом исследовании пишется неоднократно. Но эти факты не являются основополагающими при характеристике данного вопроса. Понятно, что без активного, всестороннего взаимодействия сил вооруженного сопротивления и местного населения, партизанское

движение обречено на провал. И такая связь была успешно налажена в сложных, подчас экстремальных условиях.

Сопrotивление русских людей немецким захватчикам на оккупированной территории росло и переходило к активным формам. Население широко вставало на путь партизанской борьбы с врагом, вступая в ряды народных мстителей.

Источники и литература

1. Виноградов И. В. Строки, пропахшие порохом. Л., 1981.
2. Государственный архив новейшей истории Новгородской области, Ф. 1667, Оп. 2, Д. 416, Л. 35.
3. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (далее – ГАНИСО), Ф. 8, Оп. 2, Д. 116, Л. 4.
4. ГАНИСО, Ф. 8, Оп. 2, Д. 116, Л. 10.
5. ГАНИСО, Ф. 8, Оп. 2, Д. 12, Л. 99.
6. ГАНИСО, Ф. 8, Оп. 2, Д. 12, Л. 100.
7. Государственный архив Орловской области, Ф. П - 52, Оп. 2, Д. 511, Л. 2.
8. Козлов Н.Д. С волей к победе. Пропаганда и обыденное сознание в годы Великой Отечественной войны. – СПб.: ЛГОУ им. А.С. Пушкина, 2002. – 280 с.
9. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ), Ф. 625, Оп. 1., Д. 11, Л. 430.
10. РГАСПИ, Ф. 625, Оп. 1., Д. 11, Л. 405.
11. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГА ИПД СПб), Ф. 0-116, Оп. 12, Д. 8, Л. 7.
12. ЦГА ИПД СПб. Ф. 0-116, Оп. 9, Д. 160, Л. 7 (об).

ПОСЛЕВОЕННАЯ
АРХИТЕКТУРА
МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ

РОЛЬ РЕШЕНИЙ ЯЛТЫ
И ПОТСДАМА
В ПРЕДОТВРАЩЕНИИ
КРУПНОМАСШТАБНЫХ
ВОЕННЫХ
КОНФЛИКТОВ

В.А. Никонов

Ялта: интересы и компромиссы

Семьдесят лет назад произошло событие, во многом определившее последующую конфигурацию мира до сих пор заметно влияющее на мировые процессы. Лидеры Большой Тройки – Сталин, Рузвельт и Черчилль – встретились в Ялте.

В нашей стране Крымская конференция, как ее официально называли, воспринимается «с большим плюсом». Это была высшая точка сотрудничества ведущих держав антигитлеровской коалиции, нашей страны и западного мира. Кроме того, Москва получила многое из того, на что рассчитывала для закрепления своей военной победы средствами дипломатии.

На Западе Ялта идет скорее «со знаком минус». Как же – договорились с будущим противником в «холодной войне». Дали России место в Совете Безопасности ООН с правом вето, а Украине и Белоруссии в самой организации. Позволили СССР закрепиться в Восточной Европе. Поляки жалуются на «пятый раздел Польши»: для нее нарисовали новые границы и не защитили от советизации. Договорились о советских интересах в Китае без учета мнения правительства Чан Кайши. Отобрали у Японии Южные Курилы. Да и вообще, какое право имели эти три страны решать судьбы всей планеты?! Мнение о неадекватности Рузвельта и Черчилля, которые все «слили» Сталину, весьма популярно.

Между тем, истина такова, что лидеры и США, и Великобритании были в замечательной ментальной форме, хотя физически председательствовавший на встрече Рузвельт был уже весьма слаб. А решения Ялтинской конференции были продиктованы, в основном, двумя обстоятельствами. Военными возможностями стран-победительниц, которые решали судьбы не всего человечества, а той его части, которая была подконтрольна государствам агрессорам – Германии и Японии. И теми интересами, которые реализовывала каждая из стран Тройки.

Главный интерес Рузвельта в тот момент заключался в том, чтобы, во-первых, вовлечь СССР в войну против Японии. 25 января его Объединенный комитет начальников штабов представил меморандум о том, что высадка на основные японские острова возможна не раньше лета 1945-1946 годов, причем после капитуляции Германии Токио сможет

сопротивляться не менее 18 месяцев. О ядерной бомбе, которая могла ускорить и реально ускорила ход войны, еще только мечтали физики в Нью-Мексико. Вступление СССР в войну могло спасти жизни как минимум 200 тысяч американских военнослужащих, считали в Вашингтоне. Во-вторых, Рузвельт считал делом своей жизни создание глобальной организации, способной поддерживать мир в течение десятилетий в виде Организации Объединенных Наций. Ради этих двух целей - уже смертельно больной – Рузвельт был готов плыть и лететь на другой конец света. И идти на компромиссы с Москвой.

Повестка дня Черчилля была не менее серьезной: сохранить статус Великобритании как великой державы, не позволить покуситься на ее колонии и подмандатные территории, максимизировать свой вес в создаваемой ООН за счет предоставления права голоса ее доминионам, пристроить в соответствующие страны многочисленные и весьма шумные эмигрантские правительства ряда европейских стран, сидевшие в Лондоне, не оставаясь один на один с Германией в Европе.

Сталин и Молотов добивались максимального признания западными державами решающего вклада СССР в общую победу, что позволяло надеяться на закрепление территориальных приращений на западе и востоке, создание пояса добрососедства по границам, на репарации; право вето на решения создававшейся международной организации, где у Запада было огромное преимущество в голосах; включение в ООН каких-то из союзных республик; пересмотр итогов русско-японской войны 1904-1905 годов.

Три державы считали себя вправе требовать многого по праву победителей и по праву принадлежности к клубу государств, входной билет в который лидеры Тройки сами определили в виде 5-миллионной армии (Сталин: «хотя бы 3 миллиона»). Никто не получил всего, что хотел. А чтобы добиться желаемого, всем пришлось пойти на компромиссы и уступки.

США не хотели единогласия в Совете Безопасности ООН, надеясь иметь большинство по любому вопросу, как не желали права голоса для государства, являющегося стороной конфликта. Не получилось потому, что против была Москва. А без нее ООН бы не было.

«Да, конечно, пока мы живы, бояться нечего, - говорил Сталин. - Мы не допустим опасных расхождений между нами. Мы не позволим, чтобы имела место новая агрессия против какой-либо из наших стран. Но пройдет 10 лет или, может быть, меньше, и мы исчезнем.... Что будет тогда? Мы как будто бы задаемся целью обеспечить мир по крайней мере на 50 лет вперед. Или может быть я думаю так по своей наивности?... Надо выработать такой устав, который максимально затруднял бы возникновение конфликтов между нами. Это – главная задача».

Кроме того, Сталин предложил Черчиллю подумать над ситуацией, когда Китай захочет получить контроль над Гонконгом, а Египет – над Су-

эцким каналом. Не хотела ли бы Великобритания иметь право голоса по этим вопросам. Черчилль быстро сориентировался и выступил против американцев:

«Если бы названные страны потребовали удовлетворения своих претензий, то Великобритания сказала бы “нет”. Власть международной организации не может быть использована против трех великих держав».

Рузвельт пошел навстречу, считал А.А. Громыко, «потому что лучше других понял, что Советский Союз не может отказаться от принципа единогласия пяти держав при принятии важных решений в Совете». Сталин и Молотов не могли согласиться, чтобы СССР не имел права голоса при решении вопросов, касавшихся нашей страны. Их шаг навстречу заключался в том, что принцип единогласия не распространялся на процедурные вопросы. Совет Безопасности мог обсуждать, что угодно, даже если это не нравилось кому-то из постоянных членов.

Белоруссия и Украина получили места в ООН после того, как Молотов снял предложение о вступлении в международную организацию всех 16 союзных республик, что для Запада уже стало большим облегчением. И в этом вопросе Москву поддержал Черчилль, коль скоро хотел права голоса и для британских доминионов, которые формально тогда суверенными государствами не являлись. После этого ООН состоялась.

Больше всего времени в Ялте ушло на обсуждение польской проблемы, которая распадалась на вопросы о границах страны и составе ее правительства. Для Рузвельта и Черчилля это был скорее внутривнутриполитический вопрос. Президент несколько раз повторил, что его могут не понять 5 млн польских избирателей. Черчилль – о «деле чести» и об активности польского эмигрантского правительства в британских СМИ и парламенте. Они хотели «демократического» правительства из числа сидевших в Лондоне эмигрантов. Восточные границы Польши они хотели бы отодвинуть уже не так далеко, как это предлагал лорд Керзон во время Версальской конференции, а западные – не так далеко, как предлагал Сталин.

Для Москвы это был важнейший вопрос безопасности и геополитики. Там не вполне понимали, почему должны обсуждать вопрос о правительстве только что освобожденной советскими войсками Польши, где уже был вполне устраивавший нас кабинет Берута – вовсе не коммунистический. Ведь не обсуждали с СССР составы правительств освобождавшихся Франции, Италии или Греции. Кроме того, у них не было желания включать в состав нового польского руководства представителей эмигрантского правительства, чьи люди внутри самой Польши фактически вели с советскими войсками партизанскую войну. Командование Армии Крайовой считало противником не только немцев, но и Советскую армию, и Москва вынуждена была держать в Польше для противодействия Армии Крайовой три дивизии НКВД.

Сталин был действительно предельно серьезен:

«На протяжении истории Польша всегда была коридором, через который проходил враг, нападающий на Россию.... Вот почему Советский Союз заинтересован в создании мощной, свободной и независимой Польши. Вопрос о Польше – это вопрос жизни и смерти для Советского государства».

Сталин напомнил, что линию Керзона придумали не русские, а Керзон. А компенсацией Польше за потери украинских и белорусских земель на восток должны стать адекватные приращения на западе.

«Что же вы хотите, чтобы мы были менее русскими, чем Керзон или Клемансо? Этак вы нас доведете до позора. Что скажут украинцы, если мы примем ваше предложение? Они, пожалуй, скажут, что Сталин и Молотов оказались менее надежными защитниками русских и украинцев, чем Керзон и Клемансо».

Сталин отверг идею создавать польское правительство в Ялте без участия поляков, хотя и выразил сомнение в их способности договариваться.

«Лондонские поляки называют люблинское правительство собранием преступников и бандитов. Разумеется, а теперь варшавское правительство не остается в долгу и квалифицирует лондонских поляков как предателей и изменников.... Варшавское правительство неплохо справляется со своими задачами по обеспечению порядка и спокойствия в тылу Красной армии, а от “сил внутреннего сопротивления” мы не имеем ничего, кроме вреда. Эти “силы” уже успели убить 212 военнослужащих Красной армии».

Тем не менее, СССР тоже пошел на компромисс, согласившись на то, чтобы действовавшее польское правительство было «реорганизовано на более широкой демократической базе с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы».

Англичане добились зоны оккупации в Германии для Франции, поскольку это позволяло усилить противовес немцам на континенте. Американцы тоже поддерживали эту идею, поскольку Рузвельт не намеревался задерживать свои войска в Европе больше, чем на два года (Гарри Трумэн передумает, и они до сих пор там). Москва не понимала, почему Франция, капитулировавшая перед Гитлером и только воссоздававшая небольшую армию, должна была иметь такую же зону оккупации, как страны Тройки. Но Сталин пошел на компромисс, удовлетворившись поддержкой союзников по другим вопросам.

У Рузвельта после трех с лишним лет войны с Японией не было ни одной причины защищать итоги русско-японской войны и Портсмутский мир 1905 года. Он с легкостью обещал пересмотреть ее итоги в пользу СССР, которому после победы над Японией должны были быть переданы южная часть Сахалина, Курильские острова. Москва получала пра-

во вместе с Китаем на совместную эксплуатацию Китайско-Восточной и Южно-Маньчжурской железной дороги, на обеспечение преимущественных интересов СССР в порту Дайрен и «восстановление аренды на Порт-Артур как на военно-морскую базу СССР». Рузвельту необходима была советская помощь, и он ее получил. А Сталин уверял, что ему нужны аргументы для того, чтобы объяснить обществу и Верховному Совету причины вступления в войну с Японией. Чан Кайши был поставлен в известность только через три месяца потому, что от него или его окружения ожидали утечек к японцам. Возможность нападения СССР на Японию была самым охраняемым секретом.

Курильские острова американцы, похоже, просто прозевали. Сотрудник Госдепа Чарльз Болен, переводивший для Рузвельта, считал, что это произошло потому, что Рузвельт не сделал домашнюю работу, а Госдепартамент не проявил знаний о Дальнем Востоке. Болен думал, что Молотов не нарочно не стал конкретизировать в секретном советско-американском соглашении (соглашение Гарримана-Молотова) перечень островов Курильской гряды....

На ялтинской основе, модифицированной в Потсдаме, мировой порядок держался много десятилетий. Он не принес всеобщего мира, но он точно помог избежать новой мировой войны.

Сейчас ялтинскую систему часто хоронят, говорят о ней в прошедшем времени. Конечно, некоторые из достигнутых в Ялте в 1945 году договоренностей, не прожили и нескольких лет, их отменил поток истории. Но многие ее компоненты не только живы, но остаются несущими конструкциями мирового порядка. Прежде всего, Организация Объединенных Наций с ее Советом Безопасности и правом вето у его постоянных членов. Международное право, которое, конечно, нарушается (как и любое другое право), но остается единственным регулятором мировой системы. Границы не только Польши, но и многих других восточноевропейских государств. И дух Ялты.

Ведь Крымская конференция вошла в историю как уникальный пример прагматичного и уважительного учета интересов всех великих держав во имя лучшего будущего человечества.

А.Ю. Борисов

Ялтинская конференция – от сотрудничества к блоковому противостоянию

В ночь со 2 на 3 февраля 1945 года с аэродрома Лука на Мальте с правильными десятиминутными интервалами один за другим поднимались в воздух транспортные самолеты в сопровождении эскорта истребителей, чтобы доставить в Крым около 700 человек – членов американской и английской делегаций во главе с президентом США Франклином Рузвельтом и премьер-министром Великобритании Уинстоном Черчиллем.

После торжественной встречи на аэродроме Саки под Симферополем – оркестры исполнили государственные гимны союзных держав «Звездное знамя», «Боже, храни Короля!» и «Интернационал» – высокие гости на автомобилях проследовали в отведенные им резиденции вблизи Ялты.

По существу, это был первый саммит в мировой политике, на котором решались глобальные проблемы мироустройства. Ялтинская конференция явилась пиком сотрудничества СССР, США и Великобритании в годы войны, и она открывала реальные перспективы для продолжения этого сотрудничества в дальнейшем. Что бы ни говорили позднее, заложенная в Ялте и закрепленная в Потсдаме система политического равновесия помогла сохранить мир в Европе и на планете в целом на протяжении почти полувека.

На что рассчитывали лидеры?

Один из самых дискуссионных вопросов истории Ялтинской конференции – о том, чего добивались ее главные участники. Исходили ли Сталин, Рузвельт и Черчилль из идеи единства послевоенного мира на основе сотрудничества государств-победителей? Или же, наоборот, они делили Европу (как это было принято еще в эпоху Вестфальского мира или даже Венского конгресса) на «сферы влияния» исходя из сложившегося в конце войны «баланса сил»?

Можно утверждать, что, пока был жив президент Рузвельт, существовали реальные возможности сохранения единства союзников в после-

военное время, хотя этот путь и не обещал быть легким, учитывая воинственность Черчилля и набиравшее силу в рядах американской элиты стремление «править миром». На это, в частности, указывает и автор недавно увидевшей свет в США работы «Потерянная коалиция Рузвельта» Ф. Кастийола. Он пишет: «Если бы Рузвельт прожил немного дольше, он, скорее всего, преуспел бы в переходе к послевоенному миру на основе управления «большой тройки»».

Кстати, в авторитетной рецензии на эту книгу в New York Times Book Review говорится, что «по мнению Рузвельта, непосредственным препятствием для создания гармоничного послевоенного мира выступал не Сталин, а чаще всего непримиримый империалист и колонизатор Черчилль». Версия, между прочим, кажется весьма правдоподобной, так как американский президент в годы войны инвестировал личный политический капитал в отношения со Сталиным и рассчитывал на продолжение курса на «кооперацию» с Советским Союзом и в послевоенное время.

Смерть Рузвельта 12 апреля 1945 года, спустя всего лишь два месяца после его прощального рукопожатия со Сталиным в Крыму, спутала карты мировой политики и вывела на авансцену новых азартных политических игроков. Гарри Трумэн, ставший теперь президентом США, с подачи своих советников начал обвинять русских в отходе от принципов Ялты под влиянием событий в Восточной Европе, где освобождение от фашизма по определению не могло пройти бесследно для основ довоенного порядка.

Постепенно стал складываться миф, окрепший с началом холодной войны, что якобы в Ялте «безнадежно больной» Рузвельт без борьбы «уступил» Сталину Восточную Европу. От этого мифа лежит прямая дорога к сегодняшним официальным утверждениям натовских новобранцев от Польши, стран Балтии и Украины об «оккупации» Красной армией их территории. Антиисторический абсурд возводится в ранг государственной политики при благосклонном отношении Вашингтона и некоторых европейских столиц. Похоже, что в преддверии 70-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне предпринимается новая мощная попытка ревизии исторического наследия, которая не обошла стороной и державшуюся до последнего времени «в рамках приличий» Германию. По крайней мере, если судить по весьма уклончивой реакции Берлина на шокировавших многих провокационное заявление украинского премьера Арсения Яценюка о вторжении СССР на Украину и в Германию.

Цели сторон

Помочь восстановлению исторической правды может только добросовестное прочтение того, что происходило в Ливадийском дворце с 4 по 11 февраля 1945 года.

При этом нельзя абстрагироваться от военно-политической обстановки, которая на тот момент складывалась в пользу СССР, чья армия вступила в пределы Третьего рейха. Стоит иметь в виду, что англо-американские союзники, высадившиеся на континенте в июне 1944 года, после первых успехов, явно вскруживших им голову, в декабре 1944 г. чуть было не потерпели сокрушительное поражение от гитлеровских войск, сумевших организовать контрнаступление в Арденнах, в ходе так называемой «Битвы на выстуе». Лишь начавшееся раньше срока по просьбе Черчилля мощное наступление Красной армии спасло союзников от разгрома.

Несмотря на ореол победителя, Иосиф Сталин тем не менее прибыл в Ялту, чтобы договариваться с партнерами, а не диктовать им свою волю. И в этих целях он, судя по всему, был готов пойти на значительные уступки, не жертвуя, разумеется, коренными интересами Советского государства.

В последние месяцы доядерного века Сталин исходил из того, что союзникам нужна помощь СССР как в Европе, так и на Дальнем Востоке, и из того, что без активной роли Москвы нельзя было заложить прочные основы послевоенной системы безопасности. В то же время (что, кстати, недооценивается исследователями в свете последующих событий) из головы Сталина не выходили колоссальные масштабы разрушений в результате гитлеровской агрессии, и на этом этапе он очень рассчитывал на американскую помощь в деле послевоенного восстановления страны. Тем более что Рузвельт на встрече в Тегеране в конце 1943 года по собственной инициативе поднимал эти вопросы. Это также явилось важной причиной сталинской сдержанности и его желания максимально идти навстречу союзникам. К числу тех вопросов, по которым «торг был неуместен», относились вопросы безопасности страны, признания ее послевоенных новых границ, ликвидации довоенного «санитарного кордона» и создания пояса дружественных СССР соседних государств.

Что касается партнеров Москвы по переговорам, то их цели определялись сложным переплетением геополитических интересов и достаточно трезвой оценкой собственных возможностей в сложившейся обстановке. В одном американском исследовании, например, отмечается, что перед Франклином Рузвельтом стояли две крупные задачи: добиться от Сталина обязательств о вступлении в войну на Дальнем Востоке и получить от него согласие на создание Организации Объединенных Наций. Среди главных задач Уинстона Черчилля, подчеркивается в том же исследовании, было сохранение Британской империи «наряду с обеспечением устойчивого баланса сил на Европейском континенте путем возрождения Франции и Германии в качестве мощного противовеса Советскому Союзу».

Судьба Германии и Восточной Европы

Ключевой проблемой оставалась германская. Участники конференции подписались под заявлением, в котором, в частности, говорилось: «Нашей непреклонной целью является уничтожение германского милитаризма и нацизма и создание гарантий в том, что Германия никогда больше не будет в состоянии нарушать мир всего мира». На основе рекомендаций Европейской консультативной комиссии был окончательно решен вопрос о зонах оккупации Германии.

На том этапе, судя по имеющимся архивным документам, в Кремле не думали ни о какой «советизации» или «социализации» освобожденных государств, а оперировали формулой «дружественные правительства».

Это должно было не допустить возрождения в Восточной Европе былого «санитарного кордона» и способствовать установлению добро-соседских отношений со странами, волею трагических обстоятельств втянутыми в водоворот войны и оказавшимися в орбите гитлеровской Германии (или, как стало принято политкорректно формулировать в XXI веке, «на неправильной стороне истории»).

На конференции удалось достичь договоренности о западных границах СССР. США и Великобритании после долгого сопротивления пришлось безоговорочно признать советско-польскую границу в той конфигурации, которая существовала к началу Великой Отечественной войны.

В ялтинских решениях было зафиксировано: «Восточная граница Польши должна идти вдоль линии Керзона с отступлениями от нее в некоторых районах от пяти до восьми километров в пользу Польши». Последнее стало уступкой советской стороны в ответ на прямую просьбу Рузвельта сделать жест доброй воли по отношению к полякам. Когда Черчилль попробовал поставить под сомнение включение Львова в пределы советских границ и заявил, что этот город никогда не был русским, Сталин мгновенно сразил его одной лишь фразой: «А Варшава – была». Премьер не нашелся, что ответить.

Как и следовало ожидать, наибольшие споры в Ливадийском дворце разгорелись по вопросам политического устройства освобожденных европейских государств. Западные державы откровенно выступали за реставрацию скомпрометированных довоенных режимов. СССР делал ставку на антифашистский подъем в Европе и настаивал на предоставлении народам права самим решать свою судьбу, что в той конкретной ситуации могло означать только приход к власти левых сил. В результате принципиальное положение Декларации об освобожденной Европе гласило: «Установление порядка в Европе и переустройство национальной экономической жизни должно быть достигнуто таким путем, который позволит освобожденным народам уничтожить последние следы нацизма и фашизма и создать демократические учреждения по их собственному выбору».

Японский вопрос

В связи с окончательным решением Советского Союза вступить в войну с Японией «через два-три месяца» после капитуляции Германии и окончания войны в Европе участники конференции подписали соответствующее соглашение с перечнем ряда условий.

В том числе оно предусматривало восстановление территориальных прав, нарушенных вероломным нападением Японии на Россию в 1904 году, то есть возвращение южной части Сахалина и всех прилегающих к ней островов, а также передачу СССР Курил. Это решение является важной составной частью правовой позиции России в отношении претензий Японии на так называемые «северные территории».

Американские руководители исключительно высоко ставили данное соглашение, считая предусмотренные им условия малой ценой за советское обязательство начать военные действия на Дальнем Востоке. Именно его имея в виду, член американской делегации адмирал Уильям Леги говорил послу США в Москве Авереллу Гарриману: «Это делает поездку стоящей того». В окружении Рузвельта господствовало твердое убеждение, что без участия СССР достижение победы в войне с Японией было бы крайне затруднено, а то и невозможно.

В общем, если Иосиф Сталин порой и азартно играл за дипломатическим столом в Ливадийском дворце, то делал он это строго по правилам и с соблюдением классического принципа give and take (взаимности).

Создание ООН

На Ялтинской конференции был окончательно согласован комплекс вопросов, открывших дорогу созданию Организации Объединенных Наций, прежде всего вопрос о процедуре голосования в Совете Безопасности. Американская дипломатия вынуждена была отойти от своей позиции, подрывавшей принцип единогласия великих держав.

Сталину удалось убедить Рузвельта, что отсутствие права вето в определенных условиях могло обернуться против интересов Америки и повторить ситуацию с Уставом Лиги Наций, который в свое время отверг конгресс. Последнее обстоятельство стало причиной личной трагедии инициатора образования Лиги – президента США Вудро Вильсона, под началом которого Рузвельт начинал политическую карьеру.

В Ялте после продолжительной дискуссии был найден приемлемый компромисс. Сталин пошел навстречу американским предложениям, которые исходили из безусловного единогласия постоянных членов Совета Безопасности по всем важнейшим решениям, относящимся к сохранению мира (включая принятие экономических, политических и военных санкций), и при этом допускали отступление от данного принципа при мирном урегулировании споров. Также советская делегация сняла свое предложение об участии в ООН в качестве полноправных членов

всех союзных республик, ограничившись лишь двумя из них – Украиной и Белоруссией, что получило немедленную поддержку американской стороны.

18 тысяч слов

Польский вопрос стал одним из самых острых на Ялтинской конференции. Он затрагивался почти на каждом пленарном заседании. При его обсуждении, по подсчетам Уинстона Черчилля, было произнесено в общей сложности 18 тыс. слов, причем порой достаточно резких. Это и понятно, поскольку позиции сторон были диаметрально противоположными.

Всех, разумеется, прежде всего волновало, кто придет к власти в стране по окончании войны. И здесь Сталин не намеревался уступать союзникам, рамки допускаемого им компромисса были очень узкими. На слова Черчилля о том, что «вопрос о Польше для британского правительства является вопросом чести», он ответил: «Вопрос о Польше – это вопрос жизни и смерти для Советского государства».

Обстановка на конференции в связи с этим заметно накалилась. Перспектива оказаться в тупике не прельщала Рузвельта. Он понимал необходимость взаимных уступок. 6 февраля американский президент направил Сталину специальное послание по польскому вопросу. «Я исполнен решимости, – писал он, – не допустить раскола между нами и Советским Союзом. Наверняка имеется способ примирить наши разногласия».

В итоге такой «способ» был найден. Договоренности удалось достичь в том, что «действующее ныне в Польше Временное правительство должно быть реорганизовано на более широкой демократической базе с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы».

Репарации и кредиты

Остается сказать несколько слов о том, как решалась репарационная проблема. Советский Союз, понесший колоссальный ущерб от фашистской агрессии, имел полное право компенсировать за счет репараций хотя бы часть того, что было разрушено и уничтожено врагом. Однако усилиями западных партнеров этот вопрос был превращен в предмет недостойного политического торга. Думая только о том, как бы не ослабить послевоенную Германию и сохранить её роль «оплота против большевизма», Уинстон Черчилль под различными предлогами отказывался зафиксировать в протоколе точную сумму немецких репараций, предложенную советской делегацией. Франклин Рузвельт, хотя и мог, не стал «выкручивать руки» своему британскому партнеру, и неспроста.

Дело в том, что президент США не до конца понимал характер совет-

ского государства, в частности уровень его самодостаточности, склонность к автаркии, отгороженность от внешнего мира, привычку жить в капиталистическом окружении и полагаться в основном на собственные силы. В связи с этим он преувеличивал роль экономического фактора, а следовательно, и значение германских репараций в качестве средства давления на СССР, имея в виду задачу послевоенного восстановления страны, в котором США хотели бы принять участие на выгодных для себя условиях. Сталин был заинтересован в американской помощи, но рассматривал ее как взаимовыгодное дело и был против политических условий. Ему было проще вновь нагрузить тяжким бременем свой народ, чем отказаться от некоторых из завоеванных большой кровью плодов победы.

Примечательно, что на самой конференции делегация США не стала затрагивать вопрос о долгосрочном кредите на 6 млрд долларов, хотя такое предложение поступило от советской стороны в ответ на туманные американские намеки. Правда, на одном из банкетов в Ливадийском дворце между Сталиным и Рузвельтом состоялся на первый взгляд шуточный, но вместе с тем весьма интересный разговор. Последний, отдав должное высокому качеству крымского шампанского, высказался в том духе, что ему следовало бы выписать из Москвы 500 бутылок. Тогда глава советского правительства иронически заметил, что он мог бы «отпустить» этот товар президенту на основе займа с рассрочкой на 30 лет, то есть как раз на тот срок, о котором шла речь в советском предложении от 3 января 1945 года. Намек был вполне прозрачным, чтобы остаться незамеченным, но дело с места так и не сдвинулось.

Парадоксы истории

Разумеется, историки продолжают спорить, почему единство союзников военных лет сменилось затяжной конфронтацией между ними и кто несет наибольшую ответственность за раскол «великой коалиции» и развязывание холодной войны.

В этом, наверное, заключается самый удивительный парадокс мировой истории: то, что было бесспорно и очевидно для участников и современников грандиозных событий, часто потом воспринимается как нечто сомнительное, оценки порой меняются на противоположные. Кстати, в первую очередь усилиями недобросовестных интерпретаторов и лже-толкователей, подчиняющихся «политической целесообразности».

Надо отметить, что Ялтинская конференция едва ли не самый яркий пример такого рода «манипуляций». С точки зрения ее участников и всех антифашистских сил, независимо от их национальной принадлежности, Ялта безусловно показала и доказала умение и возможность государств, различных по социальному устройству и идеологии, находить общий язык в ходе переговоров и достигать соглашений по наиболее острым

вопросам (будь то судьба Германии и многих европейских стран после краха фашизма или координация планов по разгрому милитаристской Японии и установлению прочного мира в Азии).

Невозможно представить, чтобы тогда – в канун Победы – кто-то публично позволил бы себе, как это стало привычным в наши дни на Западе, поставить на одну доску нацизм и сталинизм, охарактеризовать их как «две стороны одной медали». Или, скажем, умалить решающую роль Советского Союза в борьбе с фашизмом. Или истолковать долгожданное освобождение стран Европы от нацистской тирании как их оккупацию Красной армией с последующим вторжением в Германию. Или подвергнуть сомнению роль советских солдат в спасении оставшихся в живых узников нацистских лагерей смерти.

Даже в эпоху биполярного мира и ядерного противостояния двух сверхдержав – СССР и США – объективности в прочтении истории Второй мировой войны на Западе было куда больше, чем сейчас. Сегодня же США, заявляя о своей победе в холодной войне, делают все, чтобы свести до минимума вклад Советского Союза в разгром общего врага. И прежде всего это касается освобождения народов Европы от фашизма, что торжества в Нормандии по случаю 70-летия высадки западных союзников весьма ярко продемонстрировали.

Порой складывается впечатление, что далеко не безупречна и позиция нынешнего правительства Германии, несмотря на всю антинацистскую и демократическую риторику Берлина. Бросается в глаза, что по мере приобретения экономического веса и влияния ФРГ, исполняющая роль первой скрипки в Евросоюзе, все больше тяготится нацистским прошлым и ритуальным покаянием за грехи Третьего рейха и хотела бы теперь их «размыть» в своего рода коллективной ответственности тоталитаризма вообще за развязывание и ужасы Второй мировой войны. Самоуверенный тон немецких политиков, уроки демократии, которые они пытаются давать России, порой выглядят так, будто Германия чуть ли не выиграла ту войну.

Впрочем, все попытки переписать историю в угоду сегодняшней политической конъюнктуре – неблагоприятное дело. Исторические факты остаются фактами, и рано или поздно они напоминают о себе. Как любят говорить сами американцы, «мнения свободны, но факты священны». А за невыученные уроки истории приходится платить, и иногда весьма дорого...

В.Ю. Катасонов

Репарации по итогам Второй мировой войны: решения Ялты и современное состояние вопроса

Вторая мировая война была самой разрушительной в истории человечества. Для СССР ущербы от войны были астрономическими. Работа по оценке ущербов в нашей стране в годы Второй мировой войны была налажена намного лучше, чем в годы Первой мировой войны. 2 ноября 1942 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР была учреждена Чрезвычайная Государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их союзников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР в годы Великой Отечественной войны.

Эта комиссия по итогам войны опубликовала следующие цифры: немецко-фашистские захватчики и их союзники разрушили 1710 городов и более 70 тысяч сел и деревень, лишили крова около 25 миллионов человек. Они уничтожили около 32 тысяч промышленных предприятий, 84 тысячи школ и других учебных заведений, разрушили и разграбили 98 тысяч колхозов. Грабежом занимались такие фирмы, как «Фридрих Крупп и К^о», «Герман Геринг», «Сименс Шукерт», «ИТ Фарбениндустри». Прямой ущерб, причиненный гитлеровцами и их союзниками народному хозяйству СССР, в стоимостном выражении составил в сумме 679 млрд рублей в государственных ценах 1941 г. Еще до завершения Второй мировой войны было понятно, что именно на СССР легло основное ее экономическое бремя. Уже после войны делались различные расчеты и оценки, которые лишь подтвердили этот очевидный факт. (Западногерманский экономист Б. Эндрукс провел сравнительную оценку бюджетных расходов на военные цели основных воюющих стран за весь период войны. Французский экономист А. Клод сделал сравнительные оценки прямых экономических потерь (разрушение и хищение имущества) основных воюющих стран).

Рассматривался вопрос о репарациях и в рамках Ялтинской конференции. Сталин в феврале 1945 г. проявил невероятную щедрость. Он предложил установить общую сумму репараций для Германии в размере 20 млрд долл., предусмотрев, что половина этой суммы (10 млрд долл.)

будет выплачиваться Советскому Союзу как стране, внесшей наибольший вклад в победу и пострадавшей больше всех в антигитлеровской коалиции. С некоторыми оговорками Ф. Рузвельт и У. Черчилль согласились с предложением И. Сталина. Все это можно узнать из стенограммы Ялтинской конференции. 10 млрд долл. – это примерно сумма помощи США Советскому Союзу по программе ленд-лиза в годы Второй мировой войны. 10 млрд долл. при тогдашнем золотом содержании валюты США (1 долл. = 1/35 тройской унции) были эквивалентны 10 тысячам тонн золота. А все репарации (20 млрд долл.) – 20 тысячам тонн золота. Получалось, что СССР соглашался лишь на неполные 8 процентов покрытия своих прямых ущербов с помощью немецких репараций. А по всем ущербам покрытие составляло 2,8%. Итак, предложения по репарациям, озвученные в Ялте можно действительно назвать щедрым жестом Сталина.

Несколько исторических отступлений. Цифры, обозначенные Ялтинской конференцией, резко контрастируют с теми гигантскими суммами репараций, которые страны Антанты (без России) возложили на Германию на Парижской конференции в 1919 г. По итогам Первой мировой был заключен мирный договор, по которому была определена сумма репараций: 269 миллиардов золотых марок – эквивалент примерно 100 000 (!) тонн золота. Разрушенная и ослабленная сначала экономическим кризисом 20-х годов, а затем и Великой депрессией страна была неспособна выплачивать колоссальные репарации и была вынуждена занимать у других государств, чтобы выполнять условия договора. Репарационная комиссия в 1921 году сократила сумму до 132 млрд долл., т.е. примерно в два раза. Основные квоты в рамках этой суммы имели следующие страны: Франция (52%); Великобритания (22%), Италия (10%). Упомянутая выше сумма (132 млрд долл.) была эквивалентна 50 тысячам тонн золота. Опуская многие детали истории репараций времен Первой мировой войны, отметим, что Гитлер, придя к власти, в 1933 г. полностью прекратил выплаты репараций. Те репарации, которые Франция и Великобритания получали от Германии, направлялись преимущественно на погашение их долгов перед Соединенными Штатами. Напомним, что США в результате Первой мировой войны превратились из нетто-должника в крупнейшего нетто-кредитора. Главными должниками США были именно Франция и Великобритания, сумма долга – около 10 млрд долл. До конца 1932 года указанные страны успели выплатить Америке 2,6 млрд долл., причем 2 млрд долл. – репарационными деньгами [8].

Возвращаясь к вопросу о сталинской щедрости, следует отметить, что причины ее Сталин не скрывал. Он не хотел повторения того, что произошло в Германии и Европе после подписания Версальского мирного договора. Фактически этот документ загонял Германию в угол и «программировал» движение Европы ко Второй мировой войне. Участвовавший

в обсуждении вопросов репараций на Парижской мирной конференции 1919 г. известный английский экономист Джон Кейнс (чиновник министерства финансов) заявил, что установленные для Германии репарационные обязательства превышают ее возможности не менее чем в 4 раза.

Щадящий подход Советский Союз применял и в отношении других стран, воевавших на стороне Германии. Так, мирный договор с Италией возлагает на последнюю обязанность выплатить Советскому Союзу репарации на сумму 100 млн долл., что составляло не больше 4-5% прямого ущерба, причинённого Советскому Союзу [6].

Принцип щадящего подхода к определению объема репараций дополнялся еще одним важным принципом советской политики. А именно принципом преимущественного погашения репарационных обязательств продукцией текущего производства. И этот принцип формулировался с учетом уроков Первой мировой войны. В.М. Молотов на заседании Совета министров иностранных дел 12 декабря 1947 г. разъяснял советскую позицию: «Из западных зон не производится никаких текущих репарационных поставок, но промышленность в англо-американской объединённой зоне достигает всего 35 процентов от уровня 1938 г.» [6]

Напомним, что на Ялтинской конференции принцип немонетарного характера репараций был согласован руководителями СССР, США, Великобритании. На Потсдамской конференции наши союзники еще раз его подтвердили. А вот позднее, начиная с 1946 года, они начали его активно торпедировать. Впрочем, они торпедировали и другие договоренности, относящиеся к репарациям. Однако союзники чинили нам препятствия и в получении товаров и оборудования из западных оккупационных зон (было получено всего несколько процентов от запланированного объема). Также союзники чинили нам препятствия в получении доступа к германским активам на территории Австрии.

Объявление Западом холодной войны против СССР в 1946 г. привело к тому, что единого союзнического механизма взимания репараций и их учета создано не было. А с созданием в 1949 г. Федеративной республики Германии (на базе западных оккупационных зон) возможность получения Советским Союзом репарационных возмещений из западной части Германии окончательно исчезла.

Конкретная общая цифра репараций, возложенных на Германию по итогам Второй мировой войны, после Ялтинской конференции больше не фигурировала, в том числе в документах Потсдамской конференции. В итоге вопрос о репарациях по итогам Второй мировой войны до сих остается достаточно «мутным». После Второй мировой войны – по крайней мере, для Федеративной Республики Германия – не было репарационных положений, схожих с Версальским договором. Не было зафиксированных документально общих репарационных обязательств

Германии. Не удалось создать эффективного централизованного механизма взимания репараций и учета выполнения репарационных обязательств Германией. Страны-победители удовлетворяли свои репарационные претензии за счет Германии в одностороннем порядке.

Сама Германия, если судить по заявлениям некоторых ее официальных лиц, не знает точно, сколько она выплатила репараций. Советский Союз предпочитал получать репарации не в денежной, а натуральной форме.

Одной из форм репараций стало изъятие оборудования, но оно не было значительным. Дело в том, что демонтаж оборудования вел к прекращению производств в восточной части Германии и росту безработицы. С начала 1947 г. эта форма репараций была свернута, а вместо этого на базе 119 крупных предприятий восточного сектора оккупации было создано 31 акционерное общество с советским участием (советское акционерное общество – САО). На САО в 1950 г. приходилось 22% промышленного производства ГДР [3]. В 1954 г. САО были безвозмездно переданы Германской Демократической Республике.

А как выглядели репарационные трансферты Советскому Союзу на фоне репараций западным странам? Статистика репараций Западу крайне размытая. В первые годы после войны США, Великобритания и Франция делали упор на вывоз из своих зон оккупации угля и кокса. Также очень активно вырубались леса и вывозилась древесина (как обработанная, так и необработанная). Примечательно, что большая часть поставок леса и угля не засчитывалась в качестве репараций. Из западных зон было демонтировано и вывезено оборудования на сумму 3 млрд марок (около 1,2 млрд долл.). Также США, Великобритания и Франция захватили золото общим объемом 277 тонн (эквивалентно почти 300 млн долл.), морские и речные суда общей стоимостью 200 млн долл. Под контроль союзников по антигитлеровской коалиции перешло зарубежных авиаторов Германии на сумму 8 – 10 млрд марок (3,2 – 4,0 млрд долл.). Изъятие германских патентов и технической документации Соединенными Штатами и Великобританией оценивается еще примерно в 5 млрд долл. [4] Оценивать объем репараций западными странами трудно, поскольку многие изъятия (особенно патентов и технической документации) осуществлялись без официальных регистраций и учетов и в статистику репараций не входили. В советской печати встречались оценки общих сумм репарационных перемещений из Германии в пользу западных стран намного превышающих 10 млрд долл. [3]

Если сопоставлять фактические репарации с оценками ущерба, сделанными ЧГК, то картина выглядит совсем по-другому. Если брать за основу данные министерства финансов ФРГ, то выплаченные Германией репарации составили 12,3% величины прямых ущербов и 4,4% объема

всех ущербов, понесенных Советским Союзом от Германии и ее союзников в годы Второй мировой войны.

Напомним, что озвученная на Ялтинской конференции цифра репараций в 10 млрд долл. не стала официальной. Конкретные условия выплат репараций Германией и ее союзниками по Второй мировой войне обсуждались достаточно долго в рамках постоянно действующего Совета министров иностранных дел главных стран-победительниц (он функционировал до конца 1940-х гг.) [7]. Общие суммы репараций для Германии, как мы отметили выше, так и не были установлены.

Что касается союзниц Германии во Второй мировой войне, то тут картина более внятная. В 1946 г. в Париже была проведена конференция стран-победительниц, на которой были определены условия мирных договоров этих стран с пятью государствами – союзниками фашистской Германии (Италией, Венгрией, Болгарией, Румынией, Финляндией). Было подписано большое количество двухсторонних мирных договоров государств-победителей с пятью выше перечисленными государствами. Все они в совокупности получили название Парижских мирных договоров, которые вступили в силу одновременно – 15 сентября 1947 г. Каждый двухсторонний договор содержал статьи (раздел) о репарациях. Например, двухсторонний договор СССР – Финляндия предусматривал, что последняя обязалась возместить убытки, нанесенные Советскому Союзу (300 млн долларов), и возратить ценности, вывезенные с советской территории. Советско-итальянский договор предусматривал репарационные платежи Италией в пользу СССР в размере 100 млн долл.

Опуская многие интересные детали реального выполнения условий соглашений, которые подписывались со странами-участницами фашистского блока, отметим, что лишь Финляндия в полном объеме выполнила все свои репарационные обязательства перед странами-победительницами. Италия репарации полностью не выплатила. Таково мнение экспертов. Что касается Венгрии, Румынии и Болгарии, то указанные страны после войны встали на путь социалистического строительства, а в 1949 г. стали членами Совета экономической взаимопомощи (СЭВ). Москва великодушно пошла навстречу этим странам и отказалась от своих требований по репарациям. После 1975 г., когда был подписан Хельсинкский акт, к теме репараций времен Второй мировой войны уже не возвращались. Считалось, что этот документ «обнулял» все возможные требования и обязательства государств по репарациям.

С этим тезисом можно было бы согласиться еще в 70-е или даже 80-е гг. прошлого века. Но не в XXI веке, когда Запад вероломно нарушил все договоренности, которые были достигнуты на конференциях в Ялте и в Потсдаме в 1945 г. А также грубо был поправ Хельсинкский заключительный акт (1975 г.), закрепивший политические и территориальные итоги Второй мировой войны, закрепивший принципы взаимоотношений

между государствами-участниками, в том числе принципа нерушимости границ; территориальной целостности государств; невмешательства во внутренние дела иностранных государств.

Потому возвращение к теме репараций представляется совершенно оправданным, тем более что реальная жизнь дает нам примеры эффективных подходов к этим проблемам. Некоторые вопросы репарационных требований и обязательств продолжают решаться на двусторонней основе, в кулуарах и, как правило, без лишнего шума. Речь, прежде всего, идет о практике Израиля, который без особой огласки «доил» потомков III Рейха на протяжении многих лет. Соглашение между Германией (ФРГ) и Израилем о репарациях было подписано 10 сентября 1952 г. и вступило в силу 27 марта 1953 г. (так называемое люксембургское соглашение). Немецкие «арии» таким образом искупают репарациями свой грех Холокоста. Это, наверное, единственный случай в истории человечества, когда соглашение предусматривает выплаты репараций государству, которого не существовало во время войны, породившей репарации [2]. Некоторые даже полагают, что созданием своей экономики Израиль в больше степени обязан немецким репарациям, а не помощи Вашингтона. В период действия Люксембургского соглашения, с 1953 по 1965 год, пунктуально выполненного ФРГ, поставки в счет немецких репараций составляли от 12 до 20 % ежегодного импорта в Израиль [1]. К 2008 году Германия выплатила Израилю в порядке компенсации ущербов жертвам Холокоста репарации на сумму свыше 60 млрд евро [5].

Между прочим, по нашим оценкам (с учетом изменений покупательной способности валюты), сумма репараций, полученных Израилем от Германии за период 1953-2008 гг. приближается к 50% общего объема репараций, полученных Советским Союзом от Германии (1945-1953 гг.).

Сегодня в начале 2015 года после таких бурных событий, как присоединение к РФ Крыма, боевые действия на юго-востоке Украины, экономические санкции Запада против России, наша страна стала проявлять большую волю, действовать более решительно. Думаю, что сейчас целесообразно начинать работу по подготовке законопроекта о полном покрытии Германией своих репарационных обязательств перед Российской Федерацией.

Не исключаю, что после попрания Хельсинского акта и перечеркивания всех иных договоренностей по послевоенному международному порядку в Европе может начаться вакханалия взаимных требований репарационного характера. Для этого, между прочим, сегодня так активно переделывается история Второй мировой войны. Сначала мир пытаются убедить в том, что решающий вклад в победу над Германией и странами фашистской «оси» внес не СССР, а страны Запада. Следующий шаг в ревизии истории – закрепление за СССР статуса главного инициатора Второй мировой войны. А после этого можно начать предъявлять Рос-

сийской Федерации как правопреемнице СССР репарационные претензии. Мол, СССР не освобождал Европу, а захватывал, поработал и разрушал. Резюмируя все выше изложенное по теме репараций времен Второй мировой войны, следует признать, что эта тема до сих пор не является исчерпанной. Нам следует поднять все документы Чрезвычайной Государственной комиссии по ущербам, материалы Ялтинской и Потсдамской конференции 1945 года, документы Совета министров иностранных дел стран-победительниц, наши двусторонние соглашения в рамках Парижского мирного договора 1947 года. А также изучить мировой опыт по предъявлению репарационных требований, в том числе и через многие годы после окончания войны.

Источники и литература

1. Буровский А. Правда о «еврейском расизме». – М.: Яуза-пресс, 2010.
2. Вайц И. Германские репарации Израилю – к истории вопроса // URL: <http://economics.kiev.ua/index.php?id=191&view=article>
3. Василенко Л.В. Решение проблемы германских репараций союзниками по антигитлеровской коалиции (1945-1953) // Вестник Нижневартовского государственного гуманитарного университета. – 2009. – №2.
4. Коваль К.И. Последний свидетель: «Германская карта» в холодной войне. – М.: РОССПЭН, 1997.
5. «Немцам надоело платить компенсации жертвам холокоста?» // Русская линия, 28.11.2008.
6. «Репарации» // Дипломатический словарь / Ред.: Вышинский А.Я., Лозовский С.А. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1948.
7. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сборник документов. Том IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.) М.: Издательство политической литературы, 1979.
8. Цыганков А. 96 лет платежей. Германия закончила расплачиваться за грехи 1914 года // Русский репортер, 5 октября 2010, №39 (167).

А.С. Филатов

Односторонняя ревизия Ялтинской системы мироустройства: глобальные и региональные конфликты

В двадцатом столетии организация мироустройства осуществлялась на основе решений международных конференций, которые знаменовали собой окончание мировых войн. Первая мировая война официально завершилась Версальским мирным договором 1919 года, который следует рассматривать как неотъемлемую часть Парижской мирной конференции 1919-1920 гг. Результаты Второй мировой войны были расписаны Ялтинской/Крымской (февраль 1945 г.) и Потсдамской/Берлинской (июль – август 1945) конференциями. Заключительный акт Хельсинкских соглашений, подписанный 1 августа 1975 г., принято рассматривать как закрепление сформировавшихся к тому времени европейских границ и в этом контексте – своеобразным завершением Ялтинско-Потсдамских соглашений 1945 г.

Хотя, у меня есть и другая версия природы Хельсинкских соглашений. – Они знаменуют собой окончание Первой «холодной войны» и начало периода полной разрядки (международной напряжённости), который продолжался с 1975 по 1979 гг. Наиболее острая фаза «холодной войны» пришлась на время с 1946 по 1962 гг., начавшись известной речью У. Черчилля в Фултоне и едва не перейдя в стадию «горячей войны» во время Карибского кризиса, возникшего в октябре 1962 г. в связи с решением СССР о размещении ракет с ядерными боеголовками в ответ на попытки США насильственным путём свергнуть правительство Кубы во главе с Фиделем Кастро. После мирного разрешения Карибского кризиса две мировых сверхдержавы – США и Советский Союз – приступили к частичной разрядке международных отношений, которые несколько снизили накал «холодной войны». «Мягкий» этап «холодной войны» собственно и закончился подписанием Хельсинкских соглашений летом 1975 года. Период разрядки, начатый и, главное, оформленный соглашениями в Хельсинки, закончился в декабре 1979 г. введением советских войск в Афганистан. С этого времени мы можем говорить о Второй «холодной войне», завершившейся поражением Советского Союза в 1991 г.

Таким образом, мы видим, что окончание всех войн в мире и Европе в течение XX столетия оформлялось мирными соглашениями, по которым определялись правила игры для побеждённых и победителей, устанавливался новый мировой порядок или закреплялись нормы мироустройства, как это было по результатам Хельсинкских соглашений. В этом смысле специфика Хельсинкских соглашений состоит в том, что они не определяли новый миропорядок, а подтверждали устройство в Европе, определённое в 1945 году в Ялте и Потсдаме. Следовательно, до 1990-х годов Европа и мир жили по законам, принципы которых были заложены Ялтинской конференцией в феврале 1945 г. Именно потому мы можем говорить о Ялтинской системе мироустройства, закрепившей европейские границы.

Когда в 90-х годах прошлого века стали изменяться европейские границы – объединение Германии, распад Югославии и СССР, разделение Чехословакии, – стало меняться и само мироустройство. Причём в случаях с Югославией и Советским Союзом достаточно ясно были видны сторонники и инициаторы перекройки границ. Это Соединённые Штаты Америки и их европейские партнёры, прежде всего, Великобритания, Франция, Нидерланды, Италия, Бельгия и Германия. В этом же контексте следует рассматривать процесс расширения и развития военно-политического евро-американского блока НАТО и свёртывание деятельности, а затем самороспуск его альтернативы в Европе и мире – Варшавского договора. Эти изменения привели к геополитическому дисбалансу и непосредственно повлияли на перекройку европейских границ и фактическую ликвидацию Ялтинской системы мироустройства, скрепляемую до 1990-х годов решениями Ялтинской / Крымской и Потсдамской / Берлинской конференций и Хельсинкскими соглашениями.

Сразу же после распада Советского Союза, формализованного Беловежским соглашением Российской Федерации, Украины и Белоруссии, на карте Европы начинает складываться новое государственное образование – Европейский союз. Этот процесс со всей очевидностью следует рассматривать как изменение территориально-государственного устройства Европы. А значит, выход за параметры, установленные Ялтинской системой мироустройства.

7 февраля 1992 года в городе Маастрихт (Нидерланды) был подписан договор, который на журналистском сленге называют Маастрихтским договором, а официально он именуется Договором о Европейском Союзе. Договор, положивший начало Европейскому союзу вступил в силу 1 ноября 1993. До этого времени, в качестве предшественника ЕС, существовало Европейское экономическое сообщество («Общий рынок»), возникшее в 1957 году. Вообще начало современной европейской интеграции было положено в 1951 году, когда Бельгия, Германия, Нидерланды, Люксембург, Франция и Италия подписали договор об учреждении

Европейского объединения угля и стали (ЕОУС, ECSC – European Coal and Steel Community), целью которого стало объединение европейских ресурсов по производству стали и угля. В силу данный договор вступил с июля 1952 года. В 1957 г. эти же страны, не ликвидировав ЕОУС, учреждают Европейское экономическое сообщество (ЕЭС, ЕЕС – European Economic Community) и Европейское сообщество по атомной энергии (Евратом, Euratom – European Atomic Energy Community). Эти объединения действовали, прежде всего, в экономической сфере, хотя процесс расширения ЕЭС за счёт Великобритании, Дании, Ирландии (с 1 января 1973), Греции (с 1 января 1981) и Испании, Португалия (с 1 января 1986) всё более наполнял их политическими мотивами. Именно на базе Европейского экономического сообщества, согласно статье «А» Маастрихтского договора, учреждался Европейский союз. Договор о Европейском союзе подчёркивал преемственность с договором о ЕЭС, который дополнялся сферами политики и формами административно-финансово-сотрудничества.

Фактически Маастрихтские соглашения стали сепаратным решением по европейскому государственному устройству, принятым без участия государственных образований, возникших после распада Советского Союза и Российской Федерации, которая является правопреемником СССР. С учётом того, что Европейский союз после Маастрихта начал движение в сторону политического надгосударственного образования со своим правительством и своей конституцией, есть все основания говорить о перекройке европейских границ, тех границ, которые были обозначены итогами Ялтинской конференции. Все эти перечисленные факты однозначно свидетельствуют о том, что тема европейских границ к настоящему времени (а после развала СССР, разрушения Югославии и образования Европейского союза никаких международных соглашений по европейским границам принято не было) остаётся не закрытой.

Скорее всего с целью ретушировать такое несоответствие международным нормам с подачи исследователей Брукингского института в США и поддержке сначала американских, а потом и европейских дипломатических и правительственных кругов в 90-х годах прошлого столетия была запущена для всеобщего обсуждения байка о «постфестфальском мире». Умело были срежиссированы роли защитников и критиков Вестфальской системы, которая, собственно говоря, была создана как некая парадигма вовсе не в середине XVII века, что, казалось бы, должно быть, а именно в 1990-х годах. То есть я хочу сказать, что Вестфальский мир это, безусловно, явление 1648 года, но вот всё то, что стало называться «Вестфальская система международных отношений» было создано в современном виде как раз в 1990-х годах. Любопытный феномен, однако, получается – три с половиной столетия как-то не вспоминали, что мирные соглашения, подписанные участниками Тридцатилетней вой-

ны в Оснабрюке 15 мая и в Мюнстере 24 октября 1648, обозначаемые как Вестфальский мир, оказывается, родили новый миропорядок, а тут, вдруг, остро вспомнили!

Не хотел бы, чтобы эти комментарии по Вестфальской системе воспринимались как отрицание возможности строить парадигмы или теоретические модели на базе прошлых и значительно прошлых исторических событий. Вовсе нет. Просто, если Вестфальская система и существовала, то она закончилась никак не позднее начала XIX века, периода Наполеоновских войн. И говорить о конце Вестфальской системы (опять же, допуская, что она была!) в конце XX века, «усиленно» не замечая системы мироустройства, главным образом в Европе, по Версальскому мирному договору (1920-1939 гг.) и Ялтинской и Потсдамской конференциям (1945-1991 гг.), согласитесь, выглядит весьма и весьма странно.

Эта странность остаётся и тогда, когда мы откроем её истинную причину появления. Странными, в смысле не соответствующими научно-историческим нормам и вызывающими недоумение, являются усилия американских аналитиков от политики внедрить в сознание международной общестственности представления о Вестфальской системе, знаменующей собой эпоху национальных государств, и возникающей ей на смену поствестфальской эпохе, когда эти национальные государства в обязательном порядке должны вписываться в систему глобального мира... под руководством США. Странности на этом не заканчиваются, плавно перетекая в абсурд. Для Вестфальской системы, утверждают её разработчики, характерно наличие гегемонии имперских центров, которые устраивают гегемонию в отношении национальных государств (похода устраняется основной признак Вестфальской системы – национальные государства, который они сами же – разработчики – только что утверждали). А в поствестфальском мире национальные государства, неизбежно вовлекаемые в процесс глобализации, вынуждены также отказываться от полного суверенитета, передавая его различным международным организациям. Но, по мнению американских аналитиков, Имперские центры это плохо (так как там нет США), а вот глобальные международные организации, типа Международного валютного фонда (МВФ), НАТО, Всемирной торговой организации (ВТО) и т.п. это хорошо, ибо они контролируются Штатами. Вот такая хитрая логика!

Теперь становится понятно, почему вдруг политические аналитики, главным образом дислоцирующиеся в Брукингском институте, работающим на американское правительство, вспомнили о Вестфальских соглашениях далёкого 1648 года. – Ни Парижские мирные соглашения, ни Ялтинская система мироустройства, закреплённая Хельсинкскими соглашениями, им не давали простора для манипуляций. Более того, Хельсинские договорённости мешали этому. Потому о них «усердно» не вспоминают в США и Европе в последние двадцать с половиной лет.

Хотелось бы отметить, что Брукингский институт (г. Вашингтон) является одним из важнейших аналитических центров США, который специализируется на общественных науках, муниципальном управлении, внешней политике и мировой экономике. С 2010 год президентом института является Струоб Тэлботт, бывший заместитель госсекретаря США и главный специалист по России у президента Б. Клинтона. Институт был основан в 1916 году. Со времён «холодной войны» основной темой исследований является Советский Союз и с 1990-х годов – Российская Федерация. Надо сказать, что эти исследования весьма специфические и больше напоминают политехнологические проекты, направленные на развитие и упрочение американского влияния в мире, подавление геополитических конкурентов США. Чего стоит проект сотрудников Брукингского института Ф. Хилл и К. Гэдди, который в 2003 году был изложен в виде книги под названием «Сибирское проклятье: как коммунистические плановики заморозили Россию» (The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold). Специализация авторов проекта – доктор истории Фиона Хилл и доктор экономики Клиффорд Гэдди – подчёркнуто указывает на то, что политические выводы американских учёных являются, как бы, результатами исторического и экономического анализа и демонстрирует, якобы, отдалённость исследования от политической и геополитической проблематики.

Сюжет книги достаточно простой и сводится, по сути дела, к трём основным тезисам: 1) Россия не в состоянии освоить Сибирь и продолжение хозяйственной деятельности на восток от Урала грозит ей экономической катастрофой, 2) правительство Российской Федерации должно обеспечить переселение населения Сибири в европейскую часть страны и заняться там интенсификацией производства за счёт новых ресурсов и 3) передать Сибирь под протекторат США, которые будут гарантиями от возможного посягательства на сибирские территории со стороны Китая. Тут даже восклицательный знак американской наивности ставить не надо.

Политическая, даже, геополитическая ангажированность книги подтверждается её оформлением и последующим продвижением тиража. На обложке книги «Проклятье Сибири» (встречается и такой перевод на русский язык) напечатано несколько положительных отзывов Дж. Сакса, Р. Пайпса и З. Бжезинского. Предисловие написал сам С. Талботт. В нём он указывает: «Российские лидеры должны полностью сжиться с идеей «европейской России» – Россией, в которой население и экономическая активность концентрируются на Запад от Уральских гор, ближе к Европе и ее рынкам. Это означает, что Москва должна поддерживать и обеспечивать желание населения мигрировать из Сибири и поощрять людей уезжать из крупнейших сибирских городов, а не только из наиболее отдаленных городов и деревень». Тем самым С. Талботт даёт понять, что

книга рассматривается, прежде всего, как инструкция для российской власти.

В результате, напрашивается промежуточный вывод о том, что США последние двадцать лет активно занимаются перекройкой границ в угоду своим собственным геополитическим интересам, против интересов России. Проект Брукингского института по «освобождению» Сибири от русских пример того же порядка. Возможные международные соглашения по итогам Второй «холодной войны» были для американцев невыгодными, так как повлекли бы за собой определённые обязательства и новые международные правила. К тому же, велика вероятность, что многие переделы границ – по Сербии (отделение Косово) и по бывшим советским республикам (выход из состава Союза без референдумов в автономных образованиях) – американским сателлитам реализовать бы не удалось. Получается, что США продвигают территориально-государственные изменения в своих геополитических интересах «тихой сапой». А значит, тем же методом осуществляют одностороннюю ревизию тех соглашений, которые определяли европейские границы во второй половине XX столетия, Ялтинских в том числе и, прежде всего.

Однако то ли по простоте душевной, то ли вследствие технологической ошيبки, США допустили серьёзные изъяны в созданной ими в 1990-х годах геополитической конструкции. Она стала похожей на сборные американские дома, в которых живёт большинство населения Штатов и которые при первом сильном ветре рушатся как карточные домики. Все границы в Европе, возникшие после 1990 года не имеют международного правового обоснования, не скреплены международными соглашениями и договорами и могут быть подвергнуты сомнению в любой момент.

Возможные ссылки на решения ООН в данном случае не работают, потому что Организация Объединённых Наций является институтом, который создавался «для поддержания и укрепления международного мира и безопасности, развития сотрудничества между государствами». То есть для сохранения международного порядка, а не для его изменения. Более того, ООН формировалась в ходе Второй мировой войны и возникла как международный институт, действующий для сохранения послевоенного мира.

В конечном итоге, суть сводится к тому, что передел Европы, произошедший в 1990-х годах, не скреплён международными соглашениями, соответствующими тем, что были заключены на Парижской международной конференции по итогам Первой мировой войны и на Ялтинской и Потсдамской конференциях по итогам Второй мировой войны. А это означает, что как новые государства, так и новые европейские границы, возникшие за последние два с небольшим десятилетия, можно рассматривать, с точки зрения международного права, как временные и, даже, в качестве территориальных изменений, которые характерны для тради-

ционных военных действий. Пока война не закончена, пока мирные соглашения не подписаны никакой правовой основы существующих границ быть не может.

Из этого следует, что не только все государственные образования, возникшие на протяжении 1990-х и первого десятилетия 2000-х годов, являются временными и не имеющими международного правового обоснования, но и правовые механизмы, действующие внутри этих образований, ничем, по сути, не отличаются от норм административного управления на оккупированной территории. Допустим, во время Второй мировой войны армия нацистской Германии, захватывая территории Франции, Нидерландов или Советского Союза, не только создавали новые государственные образования, но и устанавливали на оккупированных территориях порядки по их административному управлению. Зачастую такие порядки сопровождаются ограничением и лишением гражданских прав различных категорий населения. Сейчас подобную картину мы наблюдаем в Латвии и Эстонии, где значительная часть населения лишена права гражданства и по правовым условиям находится, фактически, в оккупационном окружении.

К числу проблемных государственных образований, возникших после 1990 года, следует отнести и Европейский союз, который включает в себя не только государства, существовавшие в рамках Ялтинской системы мироустройства (Франция, Великобритания, Италия и др.), но и государственные образования, возникшие вследствие одностороннего передела границ – Словения, Литва, Латвия, Эстония. Безусловно, все государственные образования, возникшие на территории Советского Союза, также являются проблемными. Временными государственными образованиями с позиций международного права следует рассматривать все республики и тем более административные единицы (Косово) Югославии. Образование на территории Югославской республики Боснии и Герцеговины фактически трёх изолированных протогосударственных единиц – сербского, хорватского и мусульманского – со всей очевидностью характеризует неустойчивость образованной под протекторатом США политической конструкции в Европе.

Такие же проблемы с правовым регулированием существуют внутри ряда государственных образований. Республики бывшего СССР, имевшие в своём составе автономные единицы, в случае прекращения нахождения в его составе должны были обеспечить проведение в них референдумов на предмет формата дальнейшего государственного устройства – то ли в рамках вновь образующегося самостоятельного государства, то ли в какой-либо иной конфигурации, то ли независимости. Это не было сделано ни в Грузии, применительно к Абхазии, Аджарии и Южной Осетии, ни на Украине, применительно к Крыму. Ревизия Ялтинской системы миропорядка, фактическое её разрушение привело к тому,

что на территории Украины возникла проблема Подкарпатской Руси, существовавшей до Ялтинской системы и после её крушения вновь обретающей статус международной правосубъектности.

Односторонний передел мироустройства в Европе создал условия для Гражданской войны, войны граждан против политической узурпации, осуществлённой государственными институтами США и Евросоюза. Сейчас мы наблюдаем гражданские конфликты – борьба за право на государственный статус русского языка в Латвии, за восстановление автономии Подкарпатской Руси на Украине, политические коллизии по статусу Крыма. В некоторых случаях возникали и возникают очаги гражданских вооружённых столкновений – в Боснии и Герцеговине, Хорватии, Приднестровье, Абхазии, Южной Осетии, Косово-Метохии, Новоросси. Некоторые из этих очагов сейчас притушены, но без правового регулирования они остаются конфликтогенными и даже взрывоопасными. Другие, как на Донбассе в Новороссии, переросли в ширококомасштабную войну, которая по ряду внешних признаков можно характеризовать как гражданскую, но, по сути, являющуюся формой агрессии США против России.

Отсутствие международных соглашений, закрепляющих или корректирующих произошедшие на политической карте Европы изменения, даёт возможность Российской Федерации, как правопреемнику СССР, не признавать (в ближайшей или среднесрочной перспективе) их последствия. Не признавать несогласованного и идущего вразрез договорённостям между СССР и США расширения НАТО, включения в состав Евросоюза прибалтийских республик и другие государственно-территориальные конфигурации, сложившиеся на бывшей советской территории. Или признавать выборочно. В других случаях включать в состав Российской Федерации некоторые бывшие советские территории.

Возвращение Крыма в состав Российской Федерации, в контексте рассматриваемой проблемы, следует рассматривать как восстановление мирового / европейского порядка, установленного по решениям Ялтинской / Крымской и Потсдамской / Берлинской конференций и закреплённого Хельсинкским соглашением.

А.А. Чурилин

Ялтинская конференция - важный этап в строительстве послевоенного мира

Ялтинская конференция руководителей СССР, США и Великобритании занимает особое место в истории Второй мировой войны и международных отношений XX века. Решения, принятые И.В. Сталиным, Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем 4 – 11 февраля 1945 года, ускорили окончательную победу антигитлеровской коалиции и послужили основой послевоенного возрождения и переустройства Европы и мира. Конференция стала прологом окончательного сокрушения и капитуляции фашистской Германии.

Созыв саммита «Большой тройки» в Крыму был продиктован динамикой военно-стратегической ситуации на завершающем этапе войны в Европе. В результате зимнего наступления советские войска находились в 60 километрах от Берлина. Западные союзники после тяжелейших боев в Арденнах остановились в пятистах километрах от германской столицы и готовились форсировать Рейн. Но Вермахт был все еще силен, немецкие войска отчаянно сопротивлялись, под игом фашизма оставались миллионы людей в Германии и в оккупированных ею странах.

Каждый день военных действий оборачивался новыми жертвами и разрушениями. Государственность и экономика большинства европейских стран лежала в руинах. Необходимо было не только ускорить разгром германского фашизма. Все более актуальной становилась задача возрождения Европы, определения путей ее послевоенного развития.

Решение сложных многоплановых задач, прежде всего связанных с завершением войны, требовало согласованных усилий трех держав антигитлеровской коалиции. Поэтому в Ялте речь шла не только и не столько о сугубо военных делах, о качественно новом взаимодействии вооруженных сил СССР, США и Великобритании (хотя этой теме было уделено серьезное внимание). Руководители СССР, США и Великобритании говорили о путях послевоенных преобразований совместными усилиями с целью обеспечения длительного и устойчивого мира.

Понятно, что у великих держав в феврале 1945 года были собственные планы, связанные с закреплением итогов их общей победы.

Для США, вступавших в послевоенный период в зените своего военного и экономического могущества, важнейшими задачами саммита в Ялте являлись достижение договоренности о создании всемирной организации безопасности и заключение соглашения о вступлении СССР в войну против Японии после завершения военной кампании в Европе. При этом сверхзадачей США оставалось устранение всех препятствий для американской глобальной экономической и финансовой экспансии.

Стратегические цели Великобритании в послевоенный период предусматривали сохранение Британской колониальной империи, по возможности ее расширение, а также восстановление традиционных позиций на европейской периферии. О том, как в Лондоне представляли себе достижение этих целей, свидетельствует упоминавшееся У. Черчиллем в его мемуарах предложение о «процентном» разделе сфер влияния на Балканах, сделанное им в октябре 1944 г. на встрече с И.В. Сталиным, куда как более масштабное, чем пресловутый «раздел Польши» в 1939 г.

Советский Союз пришел на Ялтинскую конференцию с целью выработки совместно с союзниками программы послевоенного сотрудничества. Она предусматривала, прежде всего, широкие связи между СССР и США на долговременной и взаимовыгодной основе. Такая программа была изложена в переданном американцам советском Меморандуме от 3 января 1945 года. Для советской стороны принципиально важным было сохранить в послевоенные годы содружество, сложившееся в годы совместной борьбы с гитлеровской Германией. Естественно, что с учетом недавнего трагического опыта особое значение отечественная дипломатия придавала надежному обеспечению безопасности границ нашего государства.

Понимая долгосрочные цели друг друга и отдавая отчет в возможности столкновений их интересов в будущем, лидеры великих держав тем не менее исходили из возможности обеспечения длительного мира, по крайней мере на ближайшие 50 лет. При этом участники «Большой тройки» были согласны, что обязательным условием для этого должно быть единство великих держав – участников антигитлеровской коалиции. Об этом говорил И.В. Сталин, подчеркивавший, что «самое важное условие для сохранения длительного мира – это единство трех держав». С ним был согласен У. Черчилль, считавший, что вопрос о том, будет ли мир построен на прочных основаниях, зависит от дружбы и сотрудничества трех великих держав. Президент Ф. Рузвельт еще на Тегеранской встрече в 1943 году указывал, что «три державы заявили о своей готовности принять на себя ответственность по созданию такого мира, который получит одобрение народов всего мира».

Очень показательно, что лидеры «Большой тройки» в ходе шуточного

по форме, но весьма важного по существу обмена мнениями на заседании 6 февраля 1945 г. подчеркнули отсутствие у них претензий на мировое лидерство в после войны. Отсутствие гегемонистических амбиций должно было стать важнейшим условием для сохранения содружества держав-победительниц. В этой связи показательно также, что в выступлениях и беседах в Ялте И.В. Сталин, Ф. Рузвельт и У. Черчилль старательно обходили вопрос об имевшихся между ними глубоких идеологических разногласиях, ставший впоследствии детонатором холодной войны.

Ялтинская встреча получилась самой результативной из всех конференций с участием руководителей СССР, США и Великобритании в годы войны. Принятые на ней решения сыграли важнейшую роль в завершении Второй мировой войны и формировании современного нам мира.

Во-первых, были согласованы планы завершающих операций советских и союзных войск по разгрому фашистской Германии. Было также достигнуто соглашение, предусматривавшее вступление СССР в войну против Японии через 2-3 месяца после капитуляции Германии. Это способствовало скорейшему окончанию военных действий в Европе и на Дальнем Востоке.

Важно также, что договоренность о вступлении СССР в войну с Японией сопровождалась рядом условий, включавших в частности, возвращение Советскому Союзу Южного Сахалина, передача ему Курильских островов и международное признание Монгольской Народной Республики.

Во-вторых, были утверждены условия безоговорочной капитуляции Германии, общие принципы обращения с побежденной Германией, соглашения о зонах оккупации Германии, об управлении «Большим Берлином», о контрольном механизме в Германии и ряд соответствующих документов.

Участники Конференции заявили, что их непреклонной целью является уничтожение германского милитаризма и нацизма, создание гарантий того, что «Германия никогда больше не будет в состоянии нарушать мир всего мира». Это предполагало уничтожение Вермахта, военной промышленности, установление контроля над остальным германским промышленным потенциалом, наказание военных преступников, компенсации жертвам агрессии, ликвидацию нацистской партии и ее учреждений, запрет нацистской и милитаристской идеологии.

В-третьих, в интересах предупреждения в будущем агрессии, а также устранения политических, экономических и социальных причин войн путем тесного и постоянного сотрудничества всех миролюбивых народов, было решено учредить всеобщую международную организацию для поддержания мира и безопасности.

На конференции «Большой тройки» были определены дата и место от-

крытия учредительной конференция Объединенных Наций – 25 апреля 1945 года в Сан-Франциско. Был согласован механизм ООН, основанный на двух главных принципах – демократизме, открывшем всем миролюбивым государствам возможность участия в работе ООН, и реализме, выразившемся в особой роли и в особых возможностях великих держав в поддержании мира. Их реализация привела к созданию двух главных органов ООН: демократической Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности, отвечавшего за поддержание всеобщего мира. В Ялте был решен также принципиально важный для эффективности и жизнеспособности всеобщей международной организации вопрос о процедуре голосования в ее ключевом органе – Совете Безопасности.

В-четвертых, принципиальное значение приобрела Декларация об освобожденной Европе. Ее предписания предусматривали, что установление порядка в Европе после войны должно было быть достигнуто таким путем, который позволил бы освобожденным народам «уничтожить последние следы нацизма и фашизма и создать демократические учреждения по их собственному выбору».

Декларация предусматривала согласование политики трех держав и совместные действия в решении политических и экономических проблем освобожденной Европы в соответствии с демократическими принципами. При этом отмечалось, что державы-победительницы будут согласовывать в течение периода временной неустойчивости в освобожденной Европе политику своих правительств в деле помощи народам, освобожденным от господства Германии, и народам бывших стран-сателлитов гитлеровской Германии при разрешении ими демократическими способами их насущных политических и экономических проблем.

В-пятых, в напряженной обстановке конференция выработывала решения по польскому вопросу. Требовалось согласовать послевоенное территориальное устройство Польши и определиться относительно признания польского правительства союзными державами. После долгих дебатов удалось найти компромисс относительно формирования правительства национального единства для Польши. Участники конференции в Ялте договорились также о линии прохождения польских границ на востоке (решения о западной границе по Одере и Нейсе окончательно согласованы в Потсдаме). Принятые в Ялте решения способствовали возрождению и укреплению польского государства, усилению его экономического потенциала, обеспечению надежной обороноспособности страны.

Росту международного престижа Франции способствовало ее включение в состав держав-победительниц, участвовавших в оккупации побежденной Германии. Тем самым, была заложена основа для создания на востоке и западе от немецких границ противовесов гипотетической германской агрессии.

Однако жизнь не стоит на месте. Вокруг нас постоянно происходят глубокие изменения. Иной стала Европа. Антифашистская коалиция давно распалась. Появились новые центры силы. В международных делах возросла роль невоенных факторов, в определении которых постоянно возрастает роль новых держав. Нет больше великого Советского Союза. При всей очевидности произошедших весьма значительных перемен, в том числе в мировом и европейском политико-стратегическом ландшафте, ключевые элементы ялтинских договоренностей сохраняют свое значение для стабильности и безопасности, а также для интересов России.

Что и понятно. Полыхавший в центре Европы очаг войны ликвидирован. Почти 70 лет на нашем континенте не было крупных межгосударственных военных конфликтов. Определенные в Ялте и Потсдаме границы Германии остаются нерушимыми. Они были подтверждены договорами между ФРГ и ее соседями. Нынешняя Германия и Япония сами по себе военной угрозы для сопредельных государств не представляют.

На Ялтинско-Потсдамском фундаменте зиждется вся система европейских договоренностей по сотрудничеству и обеспечению безопасности. Возрожденные после войны европейские государства вместе с США и Канадой в 1975 году на совещании в Хельсинки сформулировали международные принципы, которые полностью отвечают духу и букве соглашений, достигнутых в Ялте, а затем подтвержденных в Потсдаме. В их числе, принцип нерушимости границ, установленных по итогам Второй мировой войны.

Важнейший итог Ялтинской конференции – создание Организации Объединенных Наций и ее Совета Безопасности. ООН играет центральную роль в мировой политике, является важнейшим многосторонним инструментом современных международных отношений. Сложившаяся в рамках ООН система межгосударственных взаимодействий объединяет сегодня практически все страны и народы мира. ООН выдержала испытание холодной войной и продолжает решать сложнейшие проблемы в интересах всего человечества. ООН и ее органы много сделали, в частности, для недопущения новой мировой войны.

Ялтинское наследие имеет важное значение для нашей страны. Российская Федерация, как продолжатель Советского Союза, играет в ООН ведущую роль. Она по праву занимает место постоянного члена СБ ООН.

Безосновательны рассуждения о негативном воздействии договоренностей в Ялте для единства Европы и Германии, будто бы спровоцировавших идеологизированную холодную войну. И.В. Сталин, Ф. Рузвельт и У. Черчилль в Ялте не делили Европу, не расчленяли Германию. Вернувшись из Ялты инициатор конференции «Большой тройки» президент Ф. Рузвельт, обращаясь к Конгрессу, подчеркивал, что «конференция в Крыму ознаменовала, я надеюсь, поворотный момент в нашей истории,

и поэтому в истории всего мира... Крымская конференция должна подвести черту под системой односторонних действий, замкнутых союзов, сфер влияния, баланса сил и всех других аксессуаров, которые использовались на протяжении столетий и всегда безуспешно».

Показательно и то, что найденные на Конференции решения для сложных внутривосточных проблем послевоенных Польши и Югославии отнюдь не свидетельствуют о чем-то стремлении разжигать идеологизированную конфронтацию на континенте. Эти решения основывались на целесообразности создания коалиционных правительств, включавших не только представителей дружественных СССР левых сил, но и подерживавшихся Западом правых партий. Деструктивные политические процессы, разделение Германии и раскол Европы, идеологизированная военная конфронтация стали возможны в ином политическом климате, в другие времена.

Это правда – ялтинские решения были приняты великими державами-победительницами без участия европейских государств. Однако эти решения принимались в экстремальной ситуации продолжавшейся тотальной войны, на фоне разрушенной Европы и развития исключительно сложных внутривосточных процессов в государствах континента. Тем не менее, итоги Ялты не противоречили и не ущемляли интересов не участвовавших в ней европейских государств – членов антигитлеровской коалиции, а напротив – способствовали возрождению Европы, укреплению ее стабильности и безопасности.

Наследие Ялты уже давно подвергается критическим наскокам. Эти нападки не утихают, а становятся еще более активными. Теперь нам говорят об устарелости решений, принятых «Большой тройкой» в 1945 г., их несоответствии новым политическим и иным реалиям. Еще хуже – мы слышим идущие вразрез духу Ялты рассуждения о чьей-то исключительности, за которыми просматриваются гегемонистические претензии. Вздорно желание выкинуть Россию из числа великих держав, - ее роль в современном мире обусловлена отнюдь не только вкладом СССР в историческую победу над фашизмом.

В меняющемся многоцветном и динамичном мире человечество сталкивается с новыми проблемами и вызовами. Нам нужны новые идеи. Тем не менее, многие из решений, принятых 70 лет назад в Ялте, по-прежнему остаются частью фундамента современных международных отношений. Не потеряли своего значения и уроки совместной работы лидеров «Большой тройки».

И.Н. Новикова

Европа в системе послевоенного мирного урегулирования

В 2005 г. президент США Дж. Буш посетил Латвию, новоиспеченного члена Североатлантического альянса, где заявил о том, что лидеры «Большой тройки» – И.В. Сталин, Ф.Д. Рузвельт и У. Черчилль, обсуждая на Ялтинской конференции послевоенное устройство Европы, совершили «одну из величайших ошибок в истории». Буш сравнил Ялтинскую конференцию с Мюнхеном и советско-германским пактом о ненападении 1939 г., утверждая, что в Ялте Запад «предал» Восточную Европу [10, с.694].

Подобные взгляды еще совсем недавно были маргинальными. В худшие годы холодной войны зарубежные ученые, критикуя внешнюю политику И. Сталина, тем не менее, не ставили под сомнение выдающееся значение Ялтинской конференции для будущего Европы, послевоенного устройства мира. Так, в книге известного американского историка дипломатии Дайаны Клеменс указывается, что на Ялтинской конференции советские дипломаты были настроены на сотрудничество с союзниками и поиск компромиссов. Американская исследовательница употребляет выражение «дух Ялты», понимая под данным словосочетанием «высокую долю консенсуса», «дух компромисса, общих поисков и сотрудничества, которые превалировали в Ялте, несмотря на сильные различия в целях» [9]. Другой американский историк Этан Теохарис указывает, что Ялта была примером «осторожного сотрудничества и доверия». Ее основное кредо заключалось в том, что мир и взаимопонимание основываются на готовности к переговорам и компромиссу [13].

К глубочайшему сожалению, оценки Ялтинской конференции в последнее время меняются кардинально. В противоречии со здравым смыслом и историческими фактами, в западноевропейском общественном мнении формируются новые мифы, принижающие вклад СССР в разгром фашистской Германии. Ялта уже называется «вторым Мюнхеном» или «величайшей ошибкой» союзников. Налицо, безусловное желание политических элит Запада представить Ялтинскую конференцию либо в качестве незначительного события мировой истории, либо сделать акцент на аморальности ее решений. У России как правопреемницы СССР ста-

раются отобрать то, что объединяет все постсоветское пространство, то на чем держится наша послевоенная идентичность – это Великая Победа над нацизмом.

В общественном мнении Запада также часто можно встретить утверждение о том, что решения Ялтинской конференции санкционировали раскол Европы. Это утверждение в корне неверно. Наоборот, принятая на конференции «Декларация об освобожденной Европе» базировалась на идее примирения и заложила фундамент для политической реконструкции всего Европейского континента. Главы союзных правительств, в частности, обязались согласовывать друг с другом свою политику разрешения политических и экономических проблем освобожденных стран в период их временной послевоенной нестабильности демократическими методами. Декларация предполагала восстановление суверенных прав народов этих территорий, а также право союзников совместно «помогать» этим народам «улучшать условия» для осуществления этих самых прав [1]. Однако идея примирения, на которой базировалась Ялтинская конференция, идея совместной помощи освобожденным народам, так и не стала реальностью в послевоенной Европе.

Ялтинская конференция проходила в то время, когда военно-стратегическое положение Германии было уже катастрофическим. Советские войска находились в 60 км от Берлина, англо-американские войска в 500 км от Берлина. В этой благоприятной стратегической обстановке советский лидер И. Сталин имел мощные рычаги давления на своих союзников, отстаивая собственные идеи будущего Европы. Однако, вместо тактики выкручивания рук, он предпочитал договариваться с союзниками.

В своей европейской политике (прежде всего, в отношении Германии и стран Центральной и Восточной Европы – ЦВЕ) главная цель И. Сталина заключалась в том, чтобы обеспечить национальную безопасность СССР, выработать такие условия мира, которые исключали бы любую возможность повторения агрессии со стороны Германии и ее союзников. Советское руководство в своих действиях исходило из данности: наша страна – Россия/СССР – дважды за короткий исторический отрезок стала жертвой агрессии со стороны Германии (сначала – кайзеровской, затем – нацистской). Поэтому вопросы о том, какое послевоенное устройство будет иметь Германия, кто будет доминировать на освобожденном Красной Армией от нацизма пространстве ЦВЕ являлись проблемами первостепенной важности для обеспечения безопасности нашей страны в будущем. Чтобы исключить возможность повторения агрессии со стороны Германии СССР отстаивал положения о ее демилитаризации, денацификации и демократизации.

Советское руководство также не могло допустить восстановления в регионе Восточной Европы пресловутого «санитарного кордона», созданного Западными державами в межвоенный период. Обе мировые

войны XX столетия велись во многом за Восточную Европу, причем, как справедливо отмечает Н.А. Нарочницкая, «планы Гитлера немногим отличались от планов кайзера Вильгельма – завоевание Прибалтики, отторжение Украины и Польши, оттеснение России от Балтийского и Черного морей» [6, с. 19]. Исторический опыт показывал, что СССР, действительно, нуждался в создании в регионе Восточной Европы пояса безопасности из дружественных стран. В 1945 г. речь не шла о советизации этих государств. Для Москвы принципиально важный вопрос заключался в том, чтобы страны, попавшие в зону влияния СССР, проводили дружественную политику. Сталин не имел намерения проводить жесткие линии раздела в Европе.

Как показывают выступления на конференции американской делегации, для США будущее Европы не было в Ялте особенно актуальным. Рузвельт длительное время старался избегать дискуссий и конкретных решений о послевоенном устройстве Европы, называя в качестве приоритетов окончание войны на Дальнем Востоке и создание ООН, с помощью которой существенно обогатившиеся на войне США стремились распространить свое влияние на весь мир. В германском вопросе Рузвельт выступил за расчленение Германии, раздел на пять и даже семь государств. В данной связи, Ялтинская конференция стала важным рубежом для американской дипломатии. Именно в Ялте США активно включились в европейскую политику. Британия, в целом, поддерживая идею расчленения Германии, вместе с тем являлась сторонницей снижения влияния СССР на будущее Европы [8, с. 83-85]. Для позиции СССР по германскому вопросу была характерной реплика Сталина на предложение Черчилля обсудить вопрос о будущем Германии, если, как он выразился, «у нее будет какое-либо будущее». На это Сталин решительно заявил: «Германия будет иметь будущее» [4, с. 333].

Черчилль проводил политику сдерживания в отношении целей СССР в Восточной Европе, но очень осторожно, понимая, что накануне решающих боев за Берлин необходимы были поиски компромиссов с Москвой во имя скорейшей победы. В итоге, большинство вопросов, касавшихся послевоенного устройства Европы стали результатом компромиссов: Рузвельт и Черчилль признавали факт советского доминирования в ЦВЕ, в то время как Сталин поддержал американский план создания ООН. В Ялте декларировалось единство политики победителей в отношении побежденной Германии, закрепленное в ходе Потсдамской конференции.

На Ялтинской конференции вообще не было недостатка в заявлениях о необходимости сохранения взаимопонимания и сотрудничества союзников в послевоенной Европе. Сталин, в частности, указывал на то, «союз против общего врага – это нечто ясное и понятное. Гораздо более сложное дело - ...союз для обеспечения мира и сохранения плодов победы... в эти дни ... заложены юридические основы обеспечения безопас-

ности и укрепления мира, - это большое достижение. Это поворотный пункт» [3, с. 392]. Рузвельт, в свою очередь, выступая в Конгрессе США по итогам работы Ялтинской конференции, характеризовал ее как «конец системы односторонних действий, замкнутых союзов, сфер влияния и всех других политических интриг...» [3, с. 385]. Оценивая ход переговоров и их результаты, американский президент подчеркнул: «Никогда в истории не было ещё случая, чтобы главные союзники были столь едины не только в целях войны, но и во взглядах на мир» [3, с. 385]. Смерть Ф.Д. Рузвельта в апреле 1945 г. имела серьезные последствия для послевоенного устройства мира. Сменивший Рузвельта на посту президента Г. Трумэн оказался не способным понять реалистичный подход своего предшественника, сочетавшего заявления о принципах послевоенного устройства на основе ООН с личными гарантиями Сталину о признании советских интересов в сфере национальной безопасности СССР.

Первые послевоенные годы были отмечены значительными трениями и даже кризисами в отношениях между СССР и его западными партнерами. Например, почти сразу после Ялты, в апреле 1945 г., британский премьер-министр У. Черчилль дал поручение Комитету начальников штабов подготовить доклад о потенциальной войне против СССР, получивший в литературе название операции «Немыслимое» [2, с. 126-142; 5, с. 79-81.]. Однако исследователям следует избегать излишней драматизации конфликтов между союзниками в 1945 – 1946 гг. Стремление к выработке компромиссов по-прежнему преобладало в советской и западной дипломатии, продолжавших рассматривать друг друга скорее в качестве союзников, нежели антагонистов. Даже знаменитая «Фултонская речь» Черчилля, произнесенная в марте 1946 г., не оспаривала мысль о желательности сохранения «великого союза». Речь содержала не только осуждение советской политики в регионе ЦВЕ. Черчилль также высказал восхищение Сталиным и мужеством советского народа. Он упоминал и о возможности продления англо-советского союзного договора сроком на 50 лет, равно как и необходимости достижения «добротного понимания» с СССР. К сожалению, американское и британское правительства отказались поддержать подобную позицию бывшего британского премьера [2, с. 141; 11, с. 14]. Несмотря на жесткую критику экс-главы британского правительства в советской прессе, Сталин на протяжении 1946 г. продолжал публично высказываться о возможности не только «мирного сосуществования», но и сотрудничества СССР и США. Последнее такое его заявление датируется маем 1947 г. [11, с. 14]. СССР не нужна была холодная война. Страна, лежавшая в руинах, остро нуждалась в «мирной передышке» и сотрудничестве с западными странами.

Второй важный аспект Ялтинской конференции, который нашел продолжение в Потсдаме, но в итоге не утвердился в послевоенном мире, заключается в том, что она заложила основу для решения политиче-

ских проблем Европы на четырехсторонней основе. Подобная архитектура безопасности имела больше общего с традиционным «концертом», точнее эквilibriumом великих держав и первоначально напоминала довольно устойчивую Венскую систему международных отношений, в которой расположенные на периферии европейского континента супердержавы (Россия и Британия), балансируя друг с другом, имели значительный перевес над прочими великими державами.

Послевоенный европейский порядок был также заложен серией мирных договоров и соглашений с бывшими союзниками нацистской Германии, подписанными в Париже в феврале 1947 г. Все они содержали общие принципы «Декларации об освобожденной Европе». В их числе была демократизация, денацификация, запрещение крайне правых партий и группировок, демилитаризация или ограничение вооружений. Таким образом, основополагающие документы, касавшиеся послевоенного урегулирования в Европе, апеллировали к принципам, заложенным в Ялте. Проблемы реализации этих принципов должны были решаться не одной супердержавой, а концертом великих держав, на четырехсторонней основе, на основе взаимного равноправия. Инструментом выступали совещания министров иностранных дел (СМИД) «Большой четверки».

На заключительном этапе войны и вплоть до середины 1947 г. советское руководство не ставило перед собой цели формирования однопартийных коммунистических режимов и доводилось созданием на западной границе СССР пояса безопасности из дружественных государств. Моральный авторитет СССР как освободителя Европы от нацизма в Восточной Европе был настолько высоким, что не было необходимости насаждать прокоммунистические режимы в этом регионе. Ориентирующиеся на Советский Союз политические партии вошли в состав правительств Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии и Болгарии. Просоветский режим Э. Ходжи утвердился и в Албании.

Социально-политическая система восточноевропейских стран после окончания войны формировалась под советским контролем, однако парламентаризм и многопартийность также имели место. Москва терпимо относилась к некомунистическим умеренным партиям и поощряла создание коалиций и объединение партий и движений в народные фронты, стоявшие на демократических позициях. Необходимость сотрудничества с западными союзниками в послевоенном обустройстве Европы заставляла СССР сдерживать стремление местных компартий к монопольному захвату власти и установлению диктатуры пролетариата. Так, в частности, в Москве критиковали Г. Димитрова в Болгарии, стремившегося к полному уничтожению оппозиции. Сталин высказывался за более гибкий курс на сохранение хотя бы видимости коалиции с некомунистическими политическими силами. Он даже советовал Тито убрать красные звезды с военной формы Югославской народной армии, чтобы «не пугать англичан» [7, с. 45].

В германском вопросе, как следует из высказываний В.М. Молотова в ходе Парижского совещания СМВД в июле 1946 года, равно как и его речи от 10 июля, советская дипломатия рассчитывала на образование, в конечном счете, единого германского (нейтрального) государства. Москва придерживалась политического решения «германского вопроса» на четырехсторонней основе [12, с. 343]. В ходе Берлинского кризиса именно Сталин, протестуя против политики раскола Германии, вновь призывал к возвращению к принципам Ялты и Потсдама. Несмотря на разницу подходов, вплоть до 1948 г. германский вопрос и перспективы его послевоенного урегулирования обсуждались коллективно и принимались согласованно представителями СССР, США, Англии и Франции.

Только на пятой сессии СМВД в декабре 1947 г. в Лондоне западная дипломатия окончательно отошла от принципа разрешения противоречий в рамках «большой четверки». Переговоры вокруг международных гарантий демилитаризации Германии зашли в тупик. В 1949 г. окончательный раскол Европы был закреплен созданием двух германских государств и военно-политического блока НАТО. США, безусловно, рассчитывали, что успех экономической реконструкции Западной Европы на основе «плана Маршалла» будет силой притяжения для восточноевропейских стран в их стремлении выйти из-под советского контроля.

«Советизация» Восточной Европы началась в 1947 г., главным образом, в ответ на провозглашение «плана Маршалла». Этот план ставил под угрозу монополию СССР на определение экономического развития его восточноевропейских союзников. Особенно большие опасения вызвала позиция Чехословакии, намеревавшейся принять участие в работе парижского совещания министров иностранных дел в июле 1947 г. Особая позиция чехов ускорила выработку в Москве «нового курса» в отношении со странами Восточной Европы. План был неприемлем для СССР, потому что его главная идея состояла не в восстановлении, а в реорганизации европейского экономического пространства на американские деньги и при неформальном американском лидерстве. Советский Союз не мог согласиться на такой план, поскольку он изолировал СССР, ограничивал его самостоятельность и «уводил» бы от него новых союзников в Восточной Европе. После принятия «Плана Маршалла» в Москве переосмыслили и доктрину «сдерживания» коммунизма, выдвинутую президентом Трумэном несколькими месяцами ранее, в марте 1947 г. Действия американской администрации стали восприниматься как курс на строительство антисоветского блока в Западной Европе [11, с.25].

Тем не менее, принятые в Ялте принципы послевоенного европейского урегулирования не были полностью забыты даже в самые острые фазы «холодной войны». Например, на Берлинской конференции 1954 г. советская дипломатия выдвинула идею создания системы европейской безопасности, на основе признания двух германских государств и об-

щевропейского договора о безопасности. В среднесрочной перспективе система европейской безопасности была направлена на признание Западом положения вещей в Европе, сложившегося после 1945 года (включая существование коммунистических режимов в Восточной Европе). Запад не был готов принять советскую инициативу европейской безопасности, но его позиция менялась. После Женевской конференции 1955 г. произошел заметный сдвиг: если прежде западная дипломатия была готова говорить о безопасности в Европе и преодолении холодной войны только после объединения Германии, то теперь последнее стало восприниматься не как начало, а как итог длительного переговорного процесса с СССР по вопросам безопасности [12, с. 346]. В конечном счете, это сделало возможным подписание Хельсинских соглашений 1975 г., утвердивших международно-правовые рамки европейского порядка, основывавшегося на закреплении итогов Второй мировой войны, принципа нерушимости границ, территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела иностранных государств.

Как оценить результаты Ялтинской конференции для послевоенной Европы 70 лет спустя? Ответ на этот вопрос дают, прежде всего, материалы самой конференции. Если взять основные вопросы конференции (германский, польский, создание ООН, проблема репараций т.д.) то мы видим, что участники конференции занимали разные, подчас противоположные позиции. В течение семи дней они энергично отстаивали свои точки зрения. Но вместе с тем лидеры антигитлеровской коалиции научились слышать оппонентов, учитывать позиции партнеров по переговорам, что позволило, в конечном счете, найти решения по ключевым вопросам повести дня. Для правильного определения места и роли Ялтинской конференции в истории международных отношений имеет значение и ответ на вопрос, какой политический курс восторжествовал на конференции – курс на конфронтацию или на сотрудничество и поиск взаимоприемлемых компромиссов? Крымская конференция – это редкий пример в истории, когда страны с разной системой ценностей, идеологией отдали предпочтение достижению взаимоприемлемых соглашений, нежели односторонним действиям одной супердержавы или блока держав. Именно в этом заключается один из уроков Ялтинской конференции.

Другой, не менее важный урок Ялты состоит в том, что страны-победители смогли выработать общие подходы, которые исключили бы, по возможности, сведения счетов с побежденными. Послевоенная Европа была создана на основе принципа примирения. Это была новая фаза в истории, в основу которой легли демократические идеи, учитывающие опыт истории, народов Европы. К сожалению, современная Европа имеет мало общего с тем, какой ее видели и от чего предостерегали лидеры «Большой тройки», а затем и отцы-основатели европейской интеграции.

На Ялтинской конференции были заложены краеугольные камни по-

слевоенного устройства Европы. Ему не суждено было стать внешнеполитической реальностью, но отдельные аспекты этого порядка сохранились и в годы холодной войны. Выработанные в Ялте и закрепленные на Потсдамской конференции общие принципы политики в отношении побежденной Германии, решение ключевых проблем Европы на четырехсторонней основе, на основе принципа равноправия, могли стать альтернативой жесткому расколу на два противоборствующих лагеря в годы холодной войны. Именно шаги администрации Г. Трумэна по экономической реконструкции Европы, расцененные в Москве как начало создания враждебного СССР блока западноевропейских стран, и попытка оторвать от Советского Союза ряд его восточноевропейских союзников подтолкнули Сталина к советизации Восточной Европы и эскалации международной напряженности.

Наконец, начало холодной войны было вызвано не только столкновением интересов и идеологий, но прежде всего отсутствием доверия и тенденцией переоценивать агрессивность действий оппонента, его готовности выйти за рамки, очерченные в Ялте и Потсдаме. Последний вывод, как представляется, особенно важен и актуален в современных реалиях международных отношений.

Источники и литература

1. Декларация об освобожденной Европе // URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/War_Conf/krim12_1.htm
2. Дилкс Д. Черчилль и операция «Немыслимое», 1945 г. // Новая и новейшая история. – 2002. – № 3. – С. 126-142.
3. Иванов Р. Сталин и союзники в 1941-1945. М., 2005.
4. Израэлян В.Л. Дипломатия в годы войны (1941-1945). – М.: «Международные отношения», 1985.
5. Мягков М.Ю. Военные ведомства СССР и Англии в 1941-1945 годах: союз и противоборство // Новая и новейшая история. – 2004. – № 2. – С. 67-81.
6. Нарочницкая Н.А. Великие войны XX столетия. – М.: АЙРИС-пресс, 2007.
7. Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы, 1945-53. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
8. Ялта -1945. Начертания нового мира / Отв. ред. Н.А. Нарочницкая. – М.: Вече, 2010.
9. Clemens Diane Shaver. Yalta. – New York: Oxford Univ. Press, 1970.
10. European History Quarterly. 2012. Vol 42 (4). pp. 694-695.
11. Roberts J. The Soviet Union in World Politics. Coexistence, Revolution and Cold War, 1945 -1991. – Taylor & Francis, 1998.
12. Soutou G-H. Was There a European Order in the Twentieth Century? From the Concert of Europe to the End of the Cold War // Contemporary European History. – 2000. – Vol. 9. – №. 3. – p.329-353.
13. Theoharis Athan G. The Yalta Myths: An Issue in U.S. Politics, 1945-1955. – Columbia: University of Missouri Press, 1970.

Питер Бахмайер

Австрия как мост между Востоком и Западом, 1945-2015

В этом году в Европе празднуется множество юбилеев. В Австрии в первую очередь празднуется освобождение от национал-социализма и подписание государственного договора в 1955 году. Ялтинская конференция является основой послевоенного устройства в Европе и двухполярной мировой системы, которая открывала большие возможности перед Австрией.

В 1938 году Советский Союз не признал аншлюс Австрии к немецкому Рейху и опубликовал декларацию против «военного вторжения в Австрию». На Московской конференции министров иностранных дел 30 октября 1943 года была принята декларация, в которой было сказано, что целью союзных правительств является восстановление независимости Австрии. Австрия была признана первой жертвой нацистского экспансионизма. Союзники считали присоединение Австрии 13 марта 1938 «недействительным» и объяснили, что они хотели бы «вернуть Австрии свободу и независимость».

Когда Красная армия заняла Вену 13 апреля 1945 года, московская радиостанция провозгласила, что Советский Союз не намерен аннексировать Австрию и изменять социальный порядок страны. 27 апреля 1945 года с одобрения Сталина канцлер Карл Реннер объявил независимость Австрии и формирование временного правительства, ссылаясь на Московскую декларацию и Крымскую конференцию союзных государств в феврале 1945 года. На Потсдамской конференции союзные правительства подтвердили восстановление Республики Австрия и приняли решение, что Австрийская Республика, которая не была вовлечена в войну, освобождена от репараций.

В знак памяти о победе Красная армия возвела впечатляющий памятник в центре Вены, который был открыт 19 августа 1945 года, в присутствии австрийского правительства и представителей союзных вооруженных сил. Это крупнейший памятник Красной армии, который был построен за пределами Советского блока. В настоящее время он находится под защитой государственного договора и всех политических

партий австрийского парламента. В Австрии не существует политической партии, которая была бы за устранение этого памятника.

Когда Красная армия вступила в Австрию, она предоставила помощь и поддержку австрийскому народу в восстановлении нормальной жизни в стране, в особенности в спасении населения от болезней и голода. Будучи ребенком я сам столкнулся с тем, что Красная армия снабжала население Вены продуктами в течении многих месяцев. После первых свободных выборов 21 декабря 1945 года новый канцлер Леопольд Фицль прозвал Австрию «мостом между Востоком и Западом» и этим показал политическую ориентацию Австрии.

Австрийский государственный договор и Советский Союз

В первые годы после войны Советский Союз начал работу над австрийским государственным договором. С момента начала холодной войны статус страны не устраивал западные страны. Вопрос об Австрии рассматривался на Западе как средство конфронтации с Советским Союзом и обострения международного положения. В то же время Соединенными Штатами была создана в Австрии новая элита, которая все больше влияла на политику, экономику и культуру страны. Важную роль в этом играли план Маршалла, комиссия Фулбрайт, американские культурные дома, голливудские фильмы, американские радиостанции и ежедневная пресса. Советская оккупационная власть не пыталась вмешиваться во внутреннюю политику и культурную жизнь страны и следила за содержанием внешнеполитических новостей австрийского радиовещания.

Основание НАТО в 1949 году вызвало обострение международной ситуации, что повлекло за собой сложности в решении австрийского вопроса. Соединенные Штаты хотели сделать Австрию крепостью Запада против Востока. Разряжение обстановки в международных отношениях в пятидесятые годы стало поворотным моментом в этом вопросе. Советская политика хотела предотвратить присоединение Австрии и Германии к западному военному альянсу. В 1952 году Советский Союз выдвинул предложение о воссоединении Германии и ее нейтрализации. На Берлинской конференции в 1954 году министр иностранных дел Молотов обратился к западному правительству с призывом: «Мы должны избежать разделения Европы на военные группировки».

Подписание австрийского государственного договора в мае 1955 года было выдающимся событием в истории послевоенной Европы. Решающую роль в переговорах сыграло советское предложение нейтрального статуса Австрии в международных отношениях. Соглашение об австрийском суверенитете и независимом демократическом государстве было подписано министром иностранных дел Австрии и министрами

иностранных дел четырех держав в Бельведерском дворце в Вене. В соответствии с договором, австрийским национальным советом 26 октября был принят конституционный закон о постоянной нейтральности Австрии. На этом основании 26 октября является национальным праздником в Австрии.

Нейтралитет был также предпосылкой для дальнейшего «третьего пути» в социально-политической перестройке, соответствующей австрийской традиции и преодолении западного либерализма. Восстановление страны после войны было возможно посредством национализации тяжелой промышленности, направляемой рыночной экономики и социального партнерства.

Политика детанта и мирное сосуществование

Во время холодной войны, в особенности в 70-е и 80-е годы, Австрия поддерживала политику детанта и мирного сосуществования. В частности на конференции в Хельсинки по безопасности и сотрудничеству в Европе в 1975 году Австрия сыграла важную роль. Правительство Австрии под руководством канцлера Бруно Крайски имело определенную свободу действия и активно вело нейтральную политику, а так же не участвовало в холодной войне против Советского Союза.

По этой причине в 1979 году в Вене был открыт третий центр ООН. Вена также была названа местом соглашения SALT II, подписанного в 1979 году. Также в Вене в 1989 году была создана ОБСЕ, которая на сегодняшний день включает в себя 300 сотрудников.

Эпоха двухполярного мира, в частности существование Советского Союза в противовесе с Соединенными Штатами, предоставила Австрии и некоторым другим странам определенную независимость, которая закончилась после распада восточного блока и Советского Союза. После падения Берлинской стены и распада Советского Союза у мира была большая историческая возможность для построения многополярного порядка, как это предполагала Парижская хартия ОБСЕ в ноябре 1990 года.

Но правление двух сверхдержав не было заменено многополярным порядком и ликвидацией военных пактов. Напротив это стало началом «нового мирового порядка под руководством Соединенных Штатов Америки», как выразился президент Буш в январе 1991 года, при начале бомбардировки Ирака.

ЕС и новый мировой порядок после 1989 года

В Маастрихтском договоре, подписанном в феврале 1992 года, ЕС провозгласил ликвидацию национальных валют и создание политического союза. В настоящее время ЕС придерживается финансовой и экономической системы Соединенных Штатов, он является частью глобализации, как и предсказывал Жан Монне: «Европейское сообщество –

всего лишь шаг к будущим формам всемирной организации». Как выразился Бжезинский, «Европейский Союз – это протекторат Соединенных Штатов», который перенял политику нео-либерализма международной финансовой олигархии.

Сегодня ЕС считается либеральным и многокультурным обществом без границ, так называемой «культурой разнообразия», в которой все обязательные ценности будут упразднены. «Европа потеряла свою душу», как сказал Папа Бенедикт. В итоге будет создан «континент без наций», «свободная ассоциация регионов». Демократия в ЕС не работает, потому что общественное мнение формируется средствами массовой информации.

Не хватает единства, прежде всего семьи как естественной основы в том виде, в котором она описана в классической философии. Европейский ценностный вакуум выражается прежде всего в эгоизме. ЕС считает сам себя концом истории, поэтому по праву называется «диктатурой релятивизма». «Европа самоликвидируется», как выразился немецкий писатель и бывший директор национального банка «Deutsche Bank» Тило Сарацин, что означает, что народ сдался и больше не защищает свою культуру, порядок и границы.

Целью американской внешней политики после распада Советского Союза является подчинение России, как представлено в проекте «The New American Century» 1997 года. В своей знаменитой работе «The Grand Chessboard» 1997 года Збигнев Бжезинский рассчитывал на распад России на три части и пояснил, что новый мировой порядок будет построен на обломках России.

Перед восточным партнерством ЕС поставлена задача, переманить страны восточной Европы, особенно Украину, Беларусь, Молдавию, Грузию, Армению и Азербайджан, на сторону Запада. Восточное партнерство является частью Лиссабонской стратегии, призванной присоединить страны восточной Европы к ЕС, с целью проникновения с нео-либеральными реформами и созданием зоны свободной торговли. Ключевым элементом ЕС является культурное сотрудничество. Законодательство о средствах массовой информации и культуре этих стран были полностью согласованы с ЕС. Директива ЕС «телевидение без границ», позволяла создание частных телевизионных каналов и приватизацию государственных каналов. Средства массовой информации центральной и восточной Европы фактически контролируются группами западных СМИ.

При помощи связей НПО запад создает «пяты колонны» на территории восточноевропейских государств, которые должны воздействовать на культуру, общественное сознание, мышление и традиционные ценности. Ярким примером влияния НПО является Украина, где в настоящее время существует более 2000 НПО, которые прежде всего существуют за счет грантов международных организаций. В декабре 2013 года за-

меститель государственного секретаря США Виктория Нуланд сказала, что за последние годы Америка инвестировала пять миллиардов долларов «в поддержку демократии» на Украине.

Австрия и Россия в настоящее время

В последнее время отношения между Австрией и Россией улучшились. Сотрудничество с Россией и нейтралитет соответствуют желанию подавляющего большинства людей. По данным социологических опросов, примерно две трети народа Австрии против вступления в НАТО и против глобализации и ЕС.

В нынешнем конфликте между Украиной и Россией большинство австрийцев поддерживает позицию России. Они считают, что переворот на Майдане в феврале 2015 был инсценирован Соединенными Штатами с целью присоединения Украины к НАТО, и что Крым по праву принадлежит России. Эту информацию мы получили из писем читателей и комментариев из газет. Торговая палата Австрии выступает против санкций и стремится добиться хороших отношений с Россией.

Австрия стремится помочь в разрешении украинского вопроса. В мае 2014 года под председательством Австрии состоялось совещание министров иностранных дел Совета Европы, посвященное теме Украины. В заседании приняли участие министры иностранных дел России и Германии. На ОБСЕ была возложена обязанность следить за соблюдением Минского соглашения от сентября 2014 г. о перемирии и в Украину было направлено 500 наблюдателей.

24 июня 2014 года по приглашению австрийского президента Фишера президент Путин посетил Вену, где он выступил перед Торговой палатой. Кроме того в Вене были проведены совещания экспертов, на которых присутствовали ЕС-комиссар Ферхойген, немецкие министры и такие знаменитые деятели из России, Украины и Германии, как Дмитрий Фирташ, Виталий Кличко, Вацлав Клаус, Мохаммед Эль-Барадей и др. Все эксперты ясно выразили свое мнение о политическом решении конфликта в Украине при участии России, с целью федерализации Украины и против антироссийских санкций.

Австрийское коалиционное правительство, а также оппозиционная Партия свободы, которая занимает третье место на парламентских выборах, едины в этом вопросе и требуют отмены санкций, критикуя западную политику. АПС играет важную роль в отношениях с Россией, и она отправила наблюдателей на референдум в Крыму.

Австрийское правительство также выступает против соглашения о свободной торговле с Соединенными Штатами (ТТIP) и в настоящее время не готово его подписать. Существует ряд инициатив со стороны населения, к примеру подписание «Стоп ТТIP», опубликованного крупнейшей ежедневной газетой страны, собравшей на данный момент 600 000 подписей.

В Австрии многие считают, что в период всеобщего кризиса западной системы нужно прекратить ориентироваться на Запад. Поэтому мы выступаем за политику середины – между Востоком и Западом – за союз между новой Австрией и новой Россией в независимой Европе свободных народов. Только самостоятельная Европа способна предотвратить угрозы глобализации и войны и обеспечить будущее своей культуры.

Источники и литература

1. Berchtold J., Simhandl F. (ed.) Freiheit und Verantwortung: Europa an der Jahrtausendwende. – Wien, 1999.
2. Bielka E., Jankowitsch P., Thalberg H. Die Ära Kreisky: Schwerpunkte der österreichischen Außenpolitik. – Wien, 1985.
3. Bracher A. Europa im amerikanischen Weltsystem. Bruchstücke zu einer ungeschriebenen Geschichte des 20. Jahrhunderts. – Basel, 2001.
4. Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. - New York: Basic Books, 1997.
5. Erdmann K.A. Das Ende des Reiches und die Entstehung der Republik Österreich, der BRD und der DDR, dtv 1980.
6. Matzner E. Monopolare Weltordnung: Zur Sozioökonomie der US-Dominanz. – Marburg, 2000.
7. Mueller W. A Good Example of Peaceful Coexistence? The Soviet Union, Austria, Neutrality, 1955-1991 // Zentraleuropa-Studien. – Vol. 15. – Vienna, 2011.
8. Mueller W. Die sowjetische Besatzung in Österreich 1945-1955 und ihre politische Mission.– Wien: Böhlau Verlag, 2005.
9. Mueller W., Suppan A., Naimark N. M., Bordjugov G. (eds.) Sowjetische Politik in Österreich, 1945–1955, Dokumente aus russischen Archiven; Sovetskaya politika v Avstirii, 1945–1955gg., Dokumenty iz rossiyskikh arkhivov. Österreichische Akademie der Wissenschaften, Fontes rerum Austriacarum, Abt. 2, Bd. 93, Wien, 2005.
10. Rauchensteiner M., Etschmann W. (ed.). Österreich 1945 – Eine Ende und viele Anfänge. – Graz-Wien, 1997.
11. Rode B. Das eurasische Schachbrett. – Tübingen, 2012.
12. Romig F. Der Sinn der Geschichte. – Kiel, 2011.
13. Нарочницкая Н.А. Ялта-45: Начертания нового мира. – М.: Вече, 2010.
14. Нарочницкая Н.А. Сосредоточение России. Битва за русский мир. – М.: Книжный мир, 2015.
15. Sounders F.S. Who Paid the Piper? The CIA and the Cultural Cold War. – London, 1999.
16. Stourzh G. Um Einheit und Freiheit: Neutralität und das Ende der Ost-West-Besetzung Österreichs 1945-1955. – Wien, 1998.
17. Suppan A., Stourzh G., Mueller W. (eds.) The Austrian State Treaty: International Strategy, Legal Relevance, National Identity // Archiv für österreichische Geschichte. - Vol. 140. – Vienna, 2005.
18. Wohlmeyer H. Empörung in Europa: Wege aus der Krise, 2. izd. – Wien, 2014.

А.В. Горохов

Проблема европейской безопасности в связи с возрождением фашизма в центре Европы

70 лет назад, в феврале 1945 года, на этом самом месте обсуждалось устройство послевоенного мира. Одним из итоговых документов проходившей здесь конференции руководителей Великобритании, СССР и США стала «Декларация об освобождённой Европе». Она гласила: «Установление порядка в Европе и переустройство национально-экономической жизни должно быть достигнуто таким путём, который позволит освобождённым народам уничтожить последние следы нацизма и фашизма и создать демократические учреждения по их собственному выбору».

Однако войскам антигитлеровской коалиции понадобилось ещё три месяца, чтобы основные военные силы фашизма и нацизма были побеждены. Ещё более полутора лет понадобилось для подготовки и проведения трибунала над нацистскими преступниками, после чего самые отъявленные были казнены, а многие другие осуждены на длительные сроки заключения.

К сожалению, на этом история нацизма в Европе не закончилась. Вплоть до 1954 на территории Украины действовали боевые подразделения Организации украинских националистов, называемые Украинской повстанческой армией. Идеологией ОУН являлся так называемый «украинский интегральный национализм», по словам его создателей – компиляция итальянского фашизма и германского нацизма, адаптированная к украинским условиям. С 1943 по 1954 год жертвами оуновцев стали от 80 до 200 тысяч этнических поляков, проживавших на вошедших в состав УССР бывших польских территориях, тысячи врачей, учителей, агрономов, инженеров с Восточной Украины, приехавших восстанавливать мирную жизнь, десятки тысяч мирных жителей Западной Украины, заподозренных в нелояльности к ОУН.

После обретения Украиной независимости началось возрождение организаций, базирующихся на идеологии украинского интегрального национализма. Особенно преуспел в их поддержке Виктор Ющенко, отец

которого, как призналась его пресс-секретарь, входил в состав ООН. Но «звёздным часом» украинских неонацистов стал государственный переворот, осуществлённый в стране в феврале 2014 года. Именно члены неонацистских группировок составили ядро боевых сил Майдана, а после формирования правительства Яценюка получили назначения на ключевые должности в органы государственного управления, прежде всего – в силовые структуры и спецслужбы. И через 70 лет после окончания Второй мировой войны в стране, претендующей на звание государства, где находится географический центр Европы, насаждается в качестве государственной идеологии компиляция германского нацизма и итальянского фашизма.

Опасно ли это? Основные положения «украинского интегрального национализма» предусматривают создание на территории Украины милитаристского мононационального государства, в котором представители всех этнических групп, кроме украинцев, должны быть либо высланы, либо насильственно ассимилированы, либо физически уничтожены. Даже утверждения наиболее «стыдливых» украинских неонацистов о том, что за послевоенный период их идеология претерпела изменения, разбиваются о буквы программ и уставов таких организаций, декларирующих приверженность украинскому национализму. Таких, как присутствующие уже во втором составе украинского парламента Всеукраинское объединение «Свобода», Конгресс украинских националистов, УНСО, «Социал-национальная ассамблея», «Патриот Украины» и Всеукраинское объединение «Тризуб», входящие в «Правый сектор». Члены ряда этих неонацистских организаций и группировок в ходе последних парламентских выборов получили мандаты парламентариев и ныне определяют политику Украины.

Поскольку любая нацистская и фашистская идеология «заточена» под агрессию, не избежали этого и идеологи неонацистских организаций Украины. Ими постоянно высказываются территориальные претензии к соседним государствам. Среди них – практически все соседние страны: Россия, Белоруссия, Польша, Словакия, Румыния. В уставных документах неонацистских организаций это называется «этнические украинские земли». Но не только основные программные документы украинских националистов декларируют территориальные претензии к соседям. Даже сам гимн страны определяет границы Украины «от Сяна до Дона», объявляя украинской землёй суверенные территории современных Польши и России.

Правда, тем самым претензии поклонников «украинского интегрального национализма» не заканчиваются. Конечной целью ряда этих организаций, как гласят их программные и уставные документы, является достижение «мирового доминирования». Инструментом его достижения определено обладание Украиной ядерным оружием. Причём, ядерного

вооружения украинской армии требуют не только радикальные группировки, но и представители власти, поддерживаемые Европой и США. Учитывая агрессивность и милитаристскую направленность неонацистских организаций Украины, появление в их руках атомной бомбы является угрозой превращения Европы в поле ядерной войны.

Не стоит недооценивать радикальных националистов. Именно неонацистские группировки сегодня обладают реальной военной силой на Украине. Ещё во время противостояния с милицией зимой 2013-2014 годов радикалам удалось сформировать боевые подразделения и обзавестись стрелковым оружием. Весной 2014 года эти подразделения получили статус добровольческих батальонов, тяжёлое вооружение и были направлены уничтожать сторонников федерализации Украины на восток страны. За время боевых действий батальоны, сформированные из членов неонацистских группировок, экипированные за счёт украинских олигархов и обеспеченные оружием действующей властью, являются наиболее мотивированными и боеспособными подразделениями. Их участие в боевых действиях против жителей Донбасса, по сути, является претворением в жизнь неонацистской идеологии украинского национализма: физическое уничтожение, изгнание или насильственная ассимиляция «инородцев».

При этом действующая власть устраивает неонацистов лишь до тех пор, пока она позволяет во исполнение программных положений этих группировок заниматься уничтожением «неправильных» граждан страны. Данные группировки готовы в любой момент свергнуть власть и установить неонацистскую диктатуру при отказе от боевых действий на востоке Украины, о чём они не единожды заявляли. Даже в дни государственного переворота лидеры «Правого сектора» не скрывали, что они рассматривают происходящее всего лишь как первый этап «национальной революции». Вторым же этапом должно стать свержение компрадорской (с точки зрения радикалов) и враждебной идеалам украинского интегрального национализма нынешней либерально-олигархической власти и установление неонацистской диктатуры.

Новая «национальная» власть, согласно их программным документам, должна быть сконцентрирована в руках «вождя», который правит «по своему разумению и повелению божьему». Украина должна быть построена по солидарному принципу, каждый её гражданин обязан беспрекословно подчиняться требованиям «вождя» и его окружения, занимаясь исключительно определённым ему властью родом занятий. В такой Украине запрещена любая политическая деятельность, а единственной разрешённой идеологией должен стать украинский интегральный национализм.

Самое ужасное, что нынешняя украинская власть, будучи не в состоянии противостоять неонацистам и назначая их представителей на клю-

чевые посты в органах государственной власти, взяла на вооружение ряд положений нацистской идеологии. Буквально с первого дня своего существования, она возвела на государственный уровень атрибутику оуновцев. Например, ставший фактически национальным символом лозунг «Слава Украине. Героям слава» есть ничто иное, как пароль и отзыв ОУН(бандеры). Второй, полуофициальный украинский флаг, красно-чёрный, есть воплощённый в ткани лозунг гитлеровцев «кровь и почва», позаимствованный ОУН у своих идейных родителей. Вскидывание руки в нацистском приветствии уже стало визитной карточкой митингов с участием украинских государственных деятелей.

Такая трансформация стала возможной после отказа нового украинского руководства от любой идеологии, кроме компиляции итальянского фашизма и германского нацизма, называемой «украинский интегральный национализм». Причём, чем дальше, тем больше «закручиваются гайки» в отношении несогласных. Дошло уже до того, что Совет по национальной безопасности и обороне принял решение о преследовании всех украинских граждан, несогласных с действующим государственным курсом, вплоть до физического устранения.

Важнейшей причиной создавшегося положения вещей стала недоработка Нюрнбергского трибунала, не осудившего родственные нацистам организации, придерживающиеся похожих идеологий. Тесно сотрудничавшие с Гитлером ОУН и УПА, на примерах деятельности и идеологических установок которых было воспитано целое поколение украинской молодёжи, стали образцами для деятельности множества неонацистских группировок, постепенно становящихся государственной властью на Украине. Эта ошибка должна быть исправлена, украинская компиляция нацизма и фашизма должна быть объявлена неонацистской идеологией, а её носители осуждены ради, говоря словами «Декларации об освобождённой Европе», уничтожения последних следов нацизма и фашизма. Механизм, разработанный в рамках Нюрнбергского процесса, может и должен быть применён против возрождающегося на Украине неонацизма.

Чеслав Партач

Польский вопрос в послевоенном европейском устройстве. Границы и зоны влияния объединенных наций в послевоенной Польше

Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 года нападением на Польшу войск гитлеровской Германии. Немецкая сторона для удара на Польшу использовала Украинский легион, насчитывавший около 600 националистов, и две словацкие дивизии.

Третий Рейх напал на Советский Союз 22 июня 1941 г. Для Соединённых Штатов эта война началась 7 декабря 1941 г. атакой японской военной авиации на Пёрл-Харбор.

Для Западной и Центральной Европы эта война закончилась 8 мая 1945 г., для Советского Союза – 9 мая 1945 г., а для США и СССР она закончилась капитуляцией Японии 2 сентября 1945 г.

Любая война пробуждает чудовищ во множестве людей. По мере развития цивилизации, роста уровня образования и благосостояния, войны становились всё более жестокими. Так было и во время Второй мировой войны. Украинские националисты, по образцу Третьего Рейха и в соответствии с собственной нацистской идеологией, решили создать тоталитарное украинское государство. Это должно было быть этнически чистое государство, без чужаков – без поляков, евреев и русских. В сентябре 1939 года, а также в период с 1941 по 1946 год, националисты убивали польских военнослужащих и гражданское население. В результате этого в ужасных мучениях погибли более 134 000 поляков, а также мирных жителей других национальностей. Тысячи жителей Кресов часто в одних штанах и рубашках бежали со своей родной земли на Запад, куда глаза глядят, лишь бы подальше от ножей и секир УПА и СБ ОУН.

Во Второй Речи Посполитой (РП), т.е. в 1918 – 1939 гг., украинцы проживали главным образом на Волыни, а также в Тернопольском, Станиславовском и Львовском воеводствах в количестве около 4 млн, при 2,6 млн поляков. Это было в основном крестьянское население.

Войну Третьего Рейха против Польши ОУН встретила с несколькими десятками тысяч подготовленных активистов и программой «националь-

ной революции», в результате которой должно было возникнуть единое независимое суверенное украинское государство от Вислоки до Кавказа. Организационные структуры ОУН, словно бациллой [2], заразили национализм все галицийские общественные организации – политические, экономические и образовательные.

Уже в обращении первого Конгресса ОУН в 1929 году, который подписали Николай Сциборский и Владимир Мартынец, читаем:

«Только полное устранение всех оккупантов с украинских земель создаст возможности широкого развития Украинской Нации в границах собственного государства. В своей внешней политике Украинское Государство будет стремиться достичь границ, охватывающих все украинские этнографические территории» [3, S. 95].

В 1939 году националисты посчитали, что приходит время революции, в результате которой, при помощи Третьего Рейха, можно будет построить украинское Соборное независимое государство. Начало войны Германии с Советским Союзом в 1941 году застало украинских националистов уже хорошо подготовленными к построению собственного нацистского государства. Однако его провозглашение 30 июня 1941 года во Львове было отвергнуто немцами.

Тысячи молодых украинских националистов вступили в украинскую вспомогательную полицию (Hilfspolizej). В 1942 году эта полиция приняла активное участие в ликвидации еврейских гетто: на Волыни и в Восточной Малой Польше 12000 украинских полицейских на немецкой службе вместе с 1400 немцами уничтожили свыше 450000 польских евреев [4, S. 180].

Участие в массовом истреблении евреев изменило моральный облик этих полицейских. Дезертировав весной 1943 года, они стали ядром УПА, искушённым в убийствах. Именно этот опыт позднее позволил им истребить более 134000 поляков и несколько десятков тысяч украинцев, которые не хотели принять нацистскую идеологию и методы, применявшиеся ОУН и УПА.

Мы можем констатировать, что главной причиной геноцида на Кресах было стремление ОУН к созданию моноэтнического авторитарного централизованного государства нацистского типа. Genocidium atrox был возможен благодаря многолетнему, а может быть, даже длившемуся несколько поколений, воспитанию галичан сначала радикальными партиями, а позже ОУН, в ненависти к «чужим», «оккупантам». Планы геноцида впервые были конкретно озвучены на Учредительном съезде ОУН в Вене в 1929 году. Теоретически их развила старая гвардия ОУН (позже названная фракцией Мельника). В момент начала Второй мировой войны и позже сформировались условия для того, чтобы галицийские нацисты бандеровской фракции могли приступить к реализации программы. Вот её важнейшие положения, методы и условия реализации:

1) Стремление к построению авторитарного нацистского галицийского (украинского) государства на землях, принадлежавших Второй Польской Республике.

2) Воспитание ОУН в духе ненависти к полякам широких масс активистов и сторонников этой организации, а также просто крестьян и молодёжи.

3) Массовое сотрудничество с оккупантами.

4) Антипольская направленность коллаборационистской украинской вспомогательной полиции на немецкой службе, ранее принимавшей участие в истреблении сотен тысяч польских, украинских и белорусских евреев.

5) Желание многих националистически настроенных украинцев обогатиться в условиях войны за счёт поляков и евреев.

6) Массовая антипольская и антисемитская пропаганда галицийских (украинских) общенациональных организаций, связанных с интегральным украинским национализмом, то есть местным нацизмом.

7) Вера в то, что будет создан второй фронт на Балканах и нанесены удары с юга по центру Европы.

8) Планы, связанные с первой версией операции «Буря» и планы удара на Львов из Люблина и Перемышля в последней фазе войны.

9) Опасения вероятного захвата Восточного пограничья польской армией, направляющейся с запада (как это случилось в 1919 году).

10) Поражение войск Третьего Рейха под Сталинградом, то есть поворот в войне в пользу Советского Союза и союзников (в том числе Польши).

Эти обстоятельства стали основанием для принятия решения на Конференции ОУН в феврале 1943 года. Их результатом, в соответствии с политической линией и планами ОУН, стал массовый геноцид польского населения сначала на Волыни, а затем в Восточной Малой Польше. Лицом, непосредственно ответственным за принятия решений о совершении этого преступления, является Микола Лебедь, возглавлявший ОУН до августа 1943 года, а после войны офицер ЦРУ, «специалист» по коммунизму.

До и во время истребления поляков ОУН-Б одновременно убивала и своих врагов среди украинского общества, и сторонников Мельника и Тараса Бульбы-Боровца, русофилов, членов Товарищества поместной шляхты, украинцев латинского вероисповедания, баптистов, пятидесятников, обычных украинцев, которые помогали полякам и евреям и т.д. Об этом говорят данные, опубликованные украинским ИНП на основании исследований, проведённых в трёх волынских повятах.

Предпринимаемые деятелями и апологетами ОУН попытки переложить ответственность за собственные преступления на поляков, не сходятся с фактами. Точно так же, как и попытка найти причины геноцида, совершённого ОУН-УПА, в политике Второй РП. Это обвинение, выду-

манное пропагандистами ООН во время Второй мировой войны, до сих пор поддерживают апологеты и наследники интегрального украинского национализма, а также недобросовестные, а иногда недоучившиеся, историки и публицисты, враждебно настроенные к Польше политики. Они должны отдавать себе отчёт в том, что, прославляя эти преступления, берут на себя часть ответственности за них.

В Польской Народной Республике (ПНР) семьи польских жертв преступлений не могли даже зажечь поминальных свечей на могилах убитых. Расцветала провозглашённая сверху дружба народов Польши и Советского Союза, точно так же, как современное польско-украинское «единение» – без покаяния, без раскаяния и без христианского признания вины. Геноцид поляков, совершённый ООН-УПА, был запретной темой.

Когда в 1989 году возродилась независимая суверенная Польша, перенятая у Соединённых Штатов «политкорректность» снова запечатала уста политикам. Уроженцы Кресов должны были молчать и вспоминать убитых в четырёх стенах или на своих закрытых конференциях. Только некоторые деятели Польской Крестьянской партии поддержали их стремление к сохранению памяти о замученных соотечественниках и преступлениях ООН-УПА.

Убийство жителей Кресов также совершили и в эмиграции. Парижский журнал «Культура» во имя польско-украинского единения чаще публиковал высказывания украинских националистов, нежели их польских жертв.

Как видим, только первое, физическое убийство и моральное унижение, были совершены бандеровцами и украинскими рогулями. Поляки, изгнанные с родных мест, стали жертвой польско-украинского (галицко-го) «единения». За растоптанное достоинство перед ними никто не извинился. Три следующие убийства – убийства через умолчания – совершили польские власти, пресса и учёные: в ПНР, в эмиграции и Третьей РП. И это самое грустное и позорное.

Уроженцы Кресов возлагали большие надежды на возвращение Польше суверенитета и независимости в 1989 году. К сожалению, снова, как во времена ПНР, исторической правдой пожертвовали во имя добрососедских отношений. На этот раз вроде бы с Украиной, а на самом деле – с Галицией и галичанами. Эта политика, рассчитанная на скорейшее отделение Украины от России, и превращение Украины в страну с прозападной политической ориентацией, была и остаётся наивной.

Всё большее число исследователей приходит к выводу, что понимание «украинского вопроса» творческими людьми, связанными с парижской «Культурой», было слишком односторонним и искажённым ошибками, несмотря на множество справедливых утверждений, заявленных редактором Гедройцем [1, S. 166]. Честно говоря, из выводов многих авторов, печатавшихся на страницах «Культуры», можно, в свою очередь, извлечь

вывод, что во Второй РП значительная часть украинского общества находилась под влиянием нацистских концепций, что делало невозможным достижения с ними какого-либо соглашения [ibid., S. 167]. Дмитрием Донцовым пропагандировались не фашистские идеи, как до сих пор писали, а нацистские. Украинские националисты видели в нём не только великого идеолога, но даже мага, владеющего мыслями галичан.

Эти тезисы поддерживал часто писавший в «Культуре» Богдан Осадчук, проходивший в годы войны обучение в Берлине. Мы должны отметить, что польские авторы, публиковавшиеся в этом издании, старались не поднимать тех вопросов, которые могли скомпрометировать украинское националистическое движение. Таким образом, мы можем позволить себе утверждение, что редакция «Культуры» защищала интересы интегральных украинских националистов. Поднятый в Польше на щит миф «о молодости и незрелости» украинского государства привёл к политике значительных уступок за счёт интересов польского государства, хотя трудно назвать сплошные уступки политикой. Так продолжается по сей день. Как пишет Богумил Гротт, «постулат соблюдения собственных национальных интересов стал как никогда актуален в посткоммунистической Центральной и Восточной Европе, где снова возродились разновидности национализма, включая агрессивный украинский интегральный национализм. В том числе поэтому взгляды, продвигавшиеся десятилетиями парижской «Культурой», принимаемые на веру без должной доли критики, были и являются вредоносными и недружественными польской идее государства. Элита здорового государства заботится о его интересах и о сферах его влияния» [ibid., S. 175].

Галичане не хотят извлекать уроки из преступлений и политических ошибок своих интегральных националистов, за которых расплачивается вся Украина. А польская политическая элита обязана посмотреть правде в глаза, чтобы отдать себе отчёт в том, что и как на самом деле происходит на Украине. Она не должна дезинформировать общество, что, к сожалению, происходит во имя «политической корректности» и чуждых, часто враждебных Польше интересов. Поддержка прозападной и антироссийской ориентации на Украине, к сожалению, слишком часто означает поддержку необандеровцев и направляемых ими организаций, которые настроены решительно одинаково антипольски, антиеврейски и антирусски, и точно так же, как и в старые времена – шовинистически. Они чтят таких «героев», как Степан Бандера, Роман Шухевич, Николай Лебедь. Ставят памятники, восхваляющие их антипольские настроения и идеологию интегрального украинского национализма.

После обретения Украиной независимости в 1991 году, туда с Запада нахлынула волна бандеровских публикаций, популяризовавших фальсифицированную версию истории. Фальшивая история становится базой столь же фальшивой политики, опирающейся на «хотение». К со-

жалению, польские власти недооценивают эту проблему, точно так же, как и ревизионистские устремления украинских националистов, направленные на аннексию у Польши 19-ти юго-восточных повятов как части так называемых «украинских этнических земель»*.

Ужасающие преступления, которые совершили нацисты из СБ ОУН и УПА, а также коллаборационисты всех мастей, находятся в абсолютном противоречии с европейской культурой и христианской религией. Никакая ложь украинских националистов не убедит жителей Европы в том, что у этих националистов есть собственная специфическая система ценностей, которая чудесным образом прощает им преступления, совершённые с высокой целью построения независимого государства. Преступления, которые они совершили, ещё более отвратительны, поскольку на землях Восточной Малой Польши было 35% смешанных браков: польско-украинских и украинско-польских. Поэтому мы можем предполагать, что у значительной части населения малопольских деревень и городков были родственники – бабушка, дедушка, тётя или дядя – польской или украинской национальности.

Мы видим, что может совершить нечеловеческая, языческая и одно временно нацистская идеология, опирающаяся на ненависть. Однако современные жители этих мест не хотят принимать такую правду во внимание. Они предпочитают жить в сказочной и выдуманной истории, что рано или поздно жестоко им аукнется. Как написал Бронислав Вильдштайн: «Не признавая исторической правды, трудно строить будущее» [5]. Поэтому, во имя лучшего будущего, в противовес устремлениям крайних галицких и не только политиков, украинцы и галичане** должны захотеть узнать и признать правду. И по-христиански выразить раскаяние, чтобы, во имя лучшего будущего, урегулировать исторические споры, которые до сих пор разделяют братские соседские народы.

Уже много лет украинские историки и политики необандеровской ориентации стараются переложить ответственность за преступления и геноцид, совершённый ОУН и УПА, на всё украинское общество, что является очередным преступлением, которое они совершают на наших глазах по отношению к собственному народу. Они также уничтожили демократические традиции, выработанные галицийскими и украинскими

* В 2010 году во Львове был издан атлас «Украинские места в Польше» [Українські місця в Польщі]; его выпустили львовская областная администрация и благотворительный фонд «Україна-Русь». В нём находятся описания населённых пунктов современной Польши, связанные с выдуманной историей Украины. Так, мы, например, можем узнать, что Сенкевич и Оссолинский имели украинское происхождение, а Краков это столица одного из древнерусских княжеств Белых Хорватов. Эти мысли развивает Святослав Семенюк в огромном «труде» Український путівник по Польщі Історико-краєзнавчі нариси, "Ukrajniński Istoriczni Zemli". Lwów, 2007. S. 723.

** Название происходит от города Галич, отсюда «Галиция». По-украински «Галичина» означает только то, что в Восточной Галиции было украинским. Это не тождественно понятию «Галиция». Галичане – это народность восточного и западнославянского происхождения, обладающая иной ментальностью, традициями и политическим сознанием, нежели украинцы [6, S. 56-57].

политиками в Австро-Венгрии и в Польше. Теперь вся Украина пожинает и ещё долго будет пожинать плоды бандеровско-мельниковского геноцида и анархии.

Источники и литература

1. Grott B. Interpretacja stosunków polsko-ukraińskich w środowisku paryskiej "Kultury" i jej funkcja w latach po upadku komunizmu // Materiały i studia z dziejów stosunków polsko-ukraińskich. – Kraków, 2008.
2. Łada K. Injecting Live Bacteria into National Body. Ukrainian Nationalists and the "Organic Sector" in Interwar Eastern Galicia // Terror, War, Tradition: Studies in European History. – Unley, 2007.
3. Poliszczuk W. Gorzka prawda: cień Bandery nad zbrodnią ludobójstwa. - Toronto, Warszawa (wydawnictwo Antyk), 2005.
4. Snyder T. Rekonstrukcja narodów. Polska, Ukraina, Litwa, Białoruś 1569 – 1999. – Sejny, 2006.
5. Wildstein B. Waga historii // Rzeczpospolita. – 2. – VIII. – 2004.
6. Zięba A. Lobbying dla Ukrainy w Europie międzywojennej. Ukraińskie Biuro Prasowe w Londynie oraz jego konkurenci polityczni (do roku 1932). – Kraków, 2010.

Адам Смех

Борьба за реализацию Ялтинско-Потсдамского мира: пример Общества SUOZUN

Общество увековечивания памяти жертв преступлений украинских националистов (SUOZUN), находящееся во Вроцлаве, имеет общепольский характер, объединяет семьи людей, убитых во время Второй мировой войны на Юго-Восточных Кресах человеконенавистнической, виновной в геноциде, Организацией украинских националистов (ОУН) и так называемой Украинской повстанческой армией (УПА).

В связи с отсутствием интереса со стороны правительственных кругов и научных учреждений к страшным мучениям, которые поляки пережили там, на Кресах, во время войны и после ее окончания в Юго-Восточных повятах Польского государства, не видя со стороны представителей власти никакой возможности официального увековечения памяти жертв, члены семей убитых и ветераны, которые пережили эти преступления, решили создать Общество.

Наша деятельность была необходима и доказала, насколько важными для увековечения кресовой трагедии были сбор документов, карт и фотографий, показания свидетелей. Данные, полученные таким образом, затем использовались во многих работах, как исходные материалы.

Несмотря на прошествие многих лет, мы помним о родных и близких, убитых на Кресах. Желанием многих людей было увековечивание мест захоронения их близких, установка памятников и мемориальных досок, а также нанесение на них надписей, которые соответствуют правде, а младшие поколения смогли бы эту правду узнавать.

Это не было возможно во времена ПНР (Польской Народной Республики), но и потом, после обретения независимости, ради политики «стратегического партнёрства». Тема геноцида поляков, виновниками которого в 1939 – 1947 годы были украинские националисты, рассматривалась как обижающая. В настоящее время, несмотря на всё это, мы имеем смелость говорить и писать об этих вопросах.

Хотя со стороны политиков Польши и Украины раздаются гладкие слова, мы, кресовяне, видим, что происходит на Украине, где награждают и

прославляют человекоубийц из ОУН-УПА. Апологеты УПА ведут кампанию фальсификаций, лжи и отбеливания имиджа преступников. Резню поляков называют польско-украинскими конфликтами, а мы, как Общество, обязаны документировать правду.

Параллельно с ведением документации, мы выпускаем журнал «На Рубеже». До настоящего времени мы издали 136 номеров, которые распространяем среди наших читателей в Польше и за рубежом, в Совет охраны памяти борьбы и мученичества (ROPWiM), в Институт национальной памяти и в некоторые библиотеки.

Мы разработали и издали четыре объёмные книги под названием геноцид, совершённый украинскими националистами по отношению к полякам в воеводствах: львовском, станиславском, тернопольском и луцком (волынском), а также по отношению к духовенству латинского обряда и разрушениям религиозных объектов римско-католической церкви на Юго-Восточных Кресах в 1939 – 1947 гг.

Помимо этого, мы иницилируем и поддерживаем советом и помощью любые инициативы по строительству памятников, символических обелисков, мемориальных досок, могил и крестов, которые очень важны для памяти народа.

В этой области мы очень тесно сотрудничаем с польским Советом по охране памяти борьбы и мученичества (ROPWiM) и с другими кресовыми и ветеранскими организациями. В результате этого сотрудничества на территории Польши построено 286 объектов.

На эту тему мы разработали и издали Путеводитель с фотографической документацией и описали, к чему эти символы относятся и кому они посвящены. Они будут напоминать следующим поколениям про этот трагический период истории Польши, отмеченный кровью людей, проживающих испокон веков на Юго-Восточных Кресах, убитых украинскими палачами только потому, что они были поляками.

Имея такую богатую собранную документацию, мы опубликовали материалы для выставки, посвящённой вышеуказанной тематике. Она состоит из 59 плакатов, представляющих повяты, затронутые преступлениями геноцида. На них представлены наглядные карты, численные данные об убитых поляках в отдельных населённых пунктах, общая численность убитых по повятам и фотодокументация. Копию этой выставки мы доставили в 2010 г. парламентариям на Украине.

Мы исходим из того, что увековечивание памяти о мученичестве польского народа на Кресах – это книжные издания, выставки, памятники и мемориальные доски, но и комплексная работа над выпрямлением информационной политики, этической задачей которой является борьба за правду.

Потому что ещё живы преступники, которые на различных торжествах на западной Украине и в Киеве выходят в форме УПА (которой никогда

не было), а свои преступления определяют как борьбу за освобождение Украины.

Прославляя их, заражают молодёжь, которая не редко идёт вместе с ними под чёрно-красными флагами. Наша деятельность, а также книги и разного рода обращения к властям и СМИ имеют целью изложение нашей позиции в вопросе геноцида, совершённого ОУН-УПА по отношению к полякам. Мы считаем, что эти проблемы настолько важны, что должны иметь ранг национального дела. В этом вопросе с самого начала существования Общества мы обращаемся ко всем органам власти в Польше: к президентам, премьер-министрам, спикерам Сейма и Сената, министрам иностранных и внутренних дел и даже в Европейский парламент и в Европейский суд по правам человека.

К сожалению, практически незаметным для общественности остался судебный процесс в Киеве, инициированный с целью отмены Указа В. Ющенко № 75/2010 «О чествовании участников борьбы за независимость Украины в XX веке» от 28.01.2010 г. представители Общества увековечивания памяти жертв преступлений украинских националистов участвовали в этом судебном процессе на стороне истца.

Согласно вышеупомянутому Указу бывшего президента Украины, борцами за независимость Украины в том числе признаны члены Организации украинских националистов (ОУН), члены бойков Украинской повстанческой армии (УПА), которые совершали чудовищные преступления против украинцев, поляков, русских, евреев в годы Второй мировой войны и после её окончания.

Суд в Киеве изменил ответчика по этому делу. Учитывая принцип равноправности, в качестве ответчика по иску должен был выступать действующий на тот момент президент Украины – В. Янукович. Ни Президент, ни его представитель на заседание суда не являлись. Никак не отреагировала на процесс и правящая на тот момент «Партия регионов».

Зато третьей стороной в деле, фактически, на стороне Виктора Януковича, в ходе процесса выступили представители различных националистических организаций, а также Юрий Шухевич – сын главнокомандующего УПА, Степан Бандера – внук Степана Бандеры, лидера ОУН (Б).

Представители истца предоставили суду копии многочисленных архивных документов, приобщили к делу несколько копий обвинительных приговоров военных трибуналов и судов УССР военного и послевоенного периодов в отношении ОУНовцев, осуждённых за террор, массовые убийства и другие преступления. Причём во времена уже независимой Украины предпринимались попытки пересмотра этих приговоров органами прокуратуры, но безуспешно! Согласно Указу В. Ющенко № 75/2010, эти преступники и убийцы также были признаны «участниками борьбы за независимость Украины в XX веке».

Во время дачи пояснений, представителями истца были зачитаны

письменные пояснения Щепана Секерки и Яцека Вильчура, представляющих Общество увековечивания памяти жертв преступлений украинских националистов. В своих пояснениях они привели факты страшного геноцида по отношению к мирному населению со стороны ОУН-УПА, подтверждая свои слова копиями архивных документов. Суд приобщил к делу и другие доказательства со стороны истца.

На приведённые конкретные факты, один из третьих лиц, выступающих в суде первой инстанции на стороне ответчика – В. Януковича, так и заявил, оправдывая преступные методы борьбы УПА: «Борьба в данном случае украинского народа с оккупантами – она позволяет и убивать, и пилить, и резать. Это кругом в мире так и делается!»

Иск, поданный с целью отмены Указа В. Ющенко, не был удовлетворён.

То, что по инициативе киевского правительства сейчас происходит на восточной Украине, является следствием событий последних лет и отсутствием реакции государства на пропаганду идей нацизма, а живущим свидетелям напоминает 1939-1947 годы – осуществляемый бандеровскими «бойками» геноцид по отношению к мирному польскому населению и не только.

Мы очень тесно сотрудничаем с Комиссией по расследованию преступлений против польского народа, прокуроры которой на основании проведённых следственных действий однозначно подтвердили, что украинские националисты совершили преступления геноцида.

Наш архив содержит показания около 20 000 свидетелей, которые пережили геноцид, мы собрали фактографическую и фотографическую документацию.

Большим достижением нашего Общества стало строительство во Вроцлаве Памятника-Мавзолея и его открытие в сентябре 1999 года. Установкой этого памятника польское общество отдало дань памяти жертвам геноцида, совершённого ОУН-УПА на наших соотечественниках на Юго-Восточных Кресах II Республики Польша в 1939-1947 гг.

Мы исполнили желания сердец многих бывших жителей восточных земель, которые, вырванные со своих исконных земель, вынуждены были бежать от убийц неизвестно куда, на западные и северные земли Польши.

На территориях кресовой земли были вынуждены оставить могилы своих предков, но и ещё свежие могилы своих близких, убитых бандеровскими «сокирниками» с невиданной жестокостью.

В обширной статье, размещённой в историко-публицистическом журнале «На Рубеже», были представлены более 100 способов убийств и пыток, применяемых украинским националистами по отношению к полякам. Следует отметить, что эти способы были определены так называемым украинским революционным комитетом, а всякая изобретательность с целью причинения своей жертве дополнительных страданий, поощрялась. Эти пытки применялись к полякам, невзирая на возраст,

пол, состояние здоровья. Приведённые примеры являются результатом многолетних, документально подтверждённых, независимых исследований. Эти чудовищные преступления, совершённые ОУН-УПА, представлены в материалах фотовыставки, подготовленной Обществом SUOZUN.

Приведённые примеры пыток нашли подтверждение в выводах Комиссии по Расследованию Преступлений против Польского Народа в деле преступления геноцида, совершённого по отношению к польскому населению бойками УПА. Вот некоторые примеры из отдельных населённых пунктов:

Суфчин, Подкарпатское воеводство, 3 января 1945 г.

„Очередное жестокое убийство украинские националисты совершили 3 января 1945 г. в семье Сугеров. Это была семья учителей, которая работала в школе Суфчина. Родители Ян и Анеля вместе с двумя своими детьми Збигневом и Мечиславом были обнаружены в учебном классе. У всех головы были разбиты при помощи тяжёлых инструментов. Весь класс был в крови. Свидетели вспоминают, что ещё долго дети во время уроков находили на полу засохшую кровь. Кроме того, бандеровцы догола раздели своих жертв и уложили в положение, которым они хотели произвести впечатление, что вся семья имела половые сношения” [1, s. 28].

Волковья, Подкарпатское воеводство, ночь с 14 на 15 июля 1946 г.

„Показания свидетелей представляют картину ужасной резни, которая была совершена в ту ночь в Волковье. Люди убежали куда попало, повсюду были слышны стоны, выстрелы и украинские окрики. Один из бандеровцев застрелил Францишека Паславского, убегающего с ребёнком на руках. Когда ребёнок упал на землю и начал плакать, этот подбежал к нему, вытащил штык и, не раздумывая ни минуты, нанёс несколько ударов в лицо. Этим ребёнком была 3-х летняя Стефания Паславская [2, s. 33].

(...) Очередной жертвой жестокого убийства стал Александр Вуйчик. Свидетели видели, как украинец живьём вырезает его сердце и срезает кожу с рук в районе запястья. В другом месте напавшие подошли к дому Францишека Яжины. Там, в подвале, кроме хозяина спрятались несколько человек из села. Бандеровцы пригрозили – если все не выйдут, то внутрь бросят гранаты. Хозяин решил выйти, но как только высунул голову, получил удар ножом в висок, также ему перерезали горло. Затем в подвал бросили гранаты” [Ibid.].

Забяла, Любачувский повет, Подкарпатское воеводство, 16 января 1945 г.

«16 января 1945 г. Случилось очередное жестокое убийство. Братья Станислав и Владислав Петраники вместе с Павлом Буксаком отправи-

лись в лес за дровами. Через некоторое время в село вернулась лишь конная упряжка, встревоженные жители отправились на поиски. На следующий день они нашли тела всех троих. Имели многочисленные следы пыток, поломанные рёбра, руки, ноги и следы удушения. Скорее всего, умерли в страшных муках, вследствие длительных истязаний» [3, с. 48].

Товстобабы, повят Подгайцы, Тернопольское воеводство, 1944-1945 гг.

Щепан Секерка (председатель Общества увековечивания памяти жертв преступлений украинских националистов) – непосредственный свидетель истории, который лично пережил этот чудовищный геноцид и уже 25 лет является председателем общества увековечивания памяти жертв преступлений украинских националистов (SUOZUN), в личных воспоминаниях, выступлениях и публикациях в прессе вспоминает, как в феврале 1945 года вместе с другими членами самообороны лично снимал детей, насаженных украинскими националистами на штакетники забора.

Дядю Щепана Секерки – Яна Секерку – виновные в геноциде украинские убийцы жестоко убили в ноябре 1944 г., а затем вынули его сердце, насадили на проволоку и возили по окрестным сёлам, напевая «Ещё Польша не погибла». Жене Яна Секерки выкололи глаза и бросили её в колодец вместе с дочерью и бабушкой.

Позже, во время нападения на село Товстобабы 22 декабря 1944 г., бандеровцы убили двухлетнего двоюродного брата Щепана Секерки – Станислава Червиньского, с которого заживо сняли скальп в люльке. В тот же день были убиты две тётки из дома Секерок: Розалию, которая спряталась под кроватью, закололи вилами, Гелену раздели, порубили топором и подожгли*.

Такие примеры можно приводить бесконечно. Подобным образом были жестоко убиты более 200 000 человек польского населения, не считая евреев, чехов, русских, украинцев, которые помогали полякам.

Мы, семьи убитых, не отягощаем весь украинский народ за совершённый геноцид польского населения, только лиц, совершивших убийства, их руководителей и тех, кто сегодня отождествляет себя с фашистскими ОУН-УПА.

В связи с 70-й годовщиной геноцида, совершённого против польского населения на Юго-Восточных Кресах, мы вместе с другими кресовыми и ветеранскими организациями обращались в Сеймики воеводств на территории государства с целью принятия постановления, осуждающего преступления геноцида, совершённого ОУН-УПА, и поминовения жертв. В общей сложности такое постановление приняли 12 Сеймиков. Неза-

* Сообщения Щепана Секерки можно обнаружить в многочисленных книгах и публикациях, а также в документах Института национальной памяти – Комиссии по судебному преследованию лиц, совершивших преступления против польской нации.

висимо от этого, Общество была инициатором установки памятников мемориальных досок, обелисков, площадей и могил на территории всей страны, в частности, в населённых пунктах, где поселились жители из бывших Кресов.

Делая краткий вывод по вопросу геноцида, совершённого на польском населении Юго-Восточных Кресов, на основе собранной документации (показания свидетелей, публикации, архивные документы) установлено, что всего в отдельных повятах и воеводствах убито 147 406 человек:

Львовское воеводство – всего убито 38 753 человека:

Повят	Количество убитых	Повят	Количество убитых
Бубрка	1 759	Мощчиска	429
Бжозув	798	Ниско	8
Добромиль	1 873	Новы Сонч	6
Дрохобыч	1 323	Пшемьсль	2 900
Горлице	17	Пшеворск	107
Грудек-Ягеллоньский	528	Рава Руска	4 189
Ярослав	2 213	Рудки	1 250
Ясло	51	Жешув	68
Яворув	2 060	Самбор	1 427
Кросно	6	Санок	2 485
Леско	2 894	Сокаль	2 869
Лубачув	3 627	Тарнобжег	9
Львов <i>город и повят</i>	2 062	Турка	899
Ланьцут	10	Жулкев	2 906

Станиславское воеводство – всего убито 24 471 человек:

Повят	Количество убитых	Повят	Количество убитых
Долина	1 637	Рохатын	3 380
Хороденка	402	Станиславов <i>город и повят</i>	4 496
Калуш	3 337	Стрый	2 147
Коломыя	1 220	Щнятын	670
Косув Хуцувский	1 513	Тлумач	2 436
Надворна	2 277	Жидачув	956

Тернопольское воеводство – всего убито 47 432 человека:

Повят	Количество убитых	Повят	Количество убитых
Боршчув	2 985	Радзехув	1 689
Броды	5 642	Скалат	2 286
Бжежаны	2 907	Тарнополь город и повят	4 646
Бучач	3 471		
Чорткув	2 063	Трембовля	2 998
Камёнка Струмилова	2 414	Залешчики	3 105
Копычиньце	2 472	Збараж	1 551
Подхайце	2 447	Зборув	1 610
Пшемьщляны	3 204	Злочув	1 942

Волыньское воеводство – всего убито 36 750 человек:

Повят	Количество убитых	Повят	Количество убитых
Дубно	1 707	Луцк	4 555
Хорохув	3 322	Рувне	1 456
Костополь	4 267	Сарны	2 235
Ковель	3 753	Влодзимеж Вольньский	7 890
Кшеменец	3 279	Здолбунув	1 940
Любомль	2 346		

Наше Общество увековечивания памяти жертв преступлений украинских националистов добивается осуждения преступных ОУН и УПА. А государствам Европы, победившим нацизм, в год 70-летия окончания Второй мировой войны следует пересмотреть своё отношение к киевскому режиму, чтобы подобные трагедии не повторялись в будущем.

Источники и литература

1. Drop T. Ustalenia Oddziałowej Komisji... Listopad 1944 r. – październik 1945 r., wieś Sufczyn woj. podkarpackie na podstawie zebranego materiału dowodowego (akta s95-08-zi) // Na Rubieży. - nr 120/2012 r.
2. Drop T. Ustalenia Oddziałowej Komisji... Noc z 14 na 15 lipca 1946 r. wieś Wołkowyja, woj. podkarpackie na podstawie zebranego materiału dowodowego (akta s69-07-zi), Na Rubieży nr 120/2012 r.
3. Drop T. Ustalenia Oddziałowej Komisji... 27 czerwca 1944 r. – 16 stycznia 1945 r. wieś Zabiąła w gminie Oleszyce powiat Lubaczów, woj. Podkarpackie na podstawie zebranego materiału dowodowego (akta s55-10-zi) // Na Rubieży. – nr 119/2012 r.

С.Н. Киселёв

Постялтинский мир и «Малая игра» в Причерноморье

Ялтинская система мироустройства принадлежит уже истории и историкам. «Эпоха Ялты» окончательно ушла в прошлое, а первые десятилетия постялтинского мира назвать мирными вряд ли у кого повернётся язык. Очевидно, что единственная сверхдержава оказалась не способной поддерживать не только глобальный миропорядок, но и обеспечить даже региональную безопасность. Для большинства аналитиков давно уже ясно, что начался процесс глобальной трансформации политической карты мира, формирования новой геополитической реальности, конфигурация которой пока окончательно не ясна. С полной уверенностью сегодня можно говорить только о том, что этот процесс приведёт к появлению новых и размораживанию старых конфликтных зон. Одной из таких зон традиционной конфронтации является Причерноморье.

Готовясь к сегодняшнему выступлению, я ознакомился с мнением и оценками большого числа экспертов о ситуации в Причерноморском регионе и различных сценариях её развития. Общим, что объединяет выводы практически всех специалистов, является ощущение неопределённости будущего для этого региона, его зависимость от множества факторов, комбинации которых трудно просчитываются даже на ближайшую перспективу.

Отличаясь в деталях, геополитические, геоэкономические и др. сценарии развития Черноморского региона вписываются большинством аналитиков в две совершенно очевидные схемы, а именно – процветания или упадка. Причём в обеих этих схемах центральное место отводится роли России в регионе, которая в первом случае должна отказаться от своих неоимперских амбиций, что по логике авторов оптимистических прогнозов, как бы автоматически гарантирует политическую стабильность и экономическую привлекательность Черноморья; в противном же случае этому региону гарантирован застой и экономический упадок. Оба сценария, по мнению упомянутых экспертов, обуславливают внешнюю политику Российской Федерации, стремящейся навязать свою волю и закрепить своё политическое влияние в этих странах.

Подобные подходы наглядно иллюстрируют тип мышления доминирующий у представителей аналитического сообщества новых независимых государств в бассейне Чёрного моря и бывших стран «народной демократии». Основной упор делается на том, что России нечего предложить ни элитам, ни народам этих государств и только евроатлантический выбор обеспечивает высокие стандарты жизни, соблюдение прав человека, принципы добрососедства и равноправия в межгосударственных отношениях.

Я принадлежу к тем, для кого понятия «прав человека», «равноправного сотрудничества» и «добрососедства» не лишены своего высокого гуманистического смысла, но которые ясно отдают себе отчёт в том, что вся эта система понятий и ценностей служит всего лишь ширмой для продвижения и реализации интересов, лежащих совсем в другой плоскости.

Многие эксперты, едины также во мнении, что «контроль над Черноморским регионом составляет огромный геополитический интерес» [8], что он, «вместо пространства сотрудничества, стал ареной геополитической конфронтации» [6] и постепенно превратился в средоточие «множественных конфликтов многостороннего соперничества с участием не только причерноморских стран, но и ведущих европейских и мировых держав» [10]. Как это ни парадоксально, но если обратиться к прошлому Причерноморья, то именно такое его состояние является для него естественным и составляет большую часть геополитической истории региона.

Понимая геополитику как исследовательскую область, занимающуюся изучением пространственной экспансии государств, их союзов и объединений нами были предложены периодизация геополитической истории Черноморского региона и концепция «Малой игры», которые, на мой взгляд, позволяют наиболее полно охватить большинство политических явлений и процессов, происходивших в бассейне Чёрного моря за более чем 2500 лет его цивилизации.

Всего было выделено восемь периодов геополитической истории Причерноморья. Каждый из них отличается хронологическими рамками, однако развитие исторических процессов внутри периода подчиняется одной и той же схеме, которая в самом общем виде может быть описана следующим образом: сначала – создание опорных пунктов (торговых и военных баз); затем – закрепление в стратегически важных пунктах и территориальное расширение; далее – попытка установления контроля над регионом (создание циркумпонтийской державы); и, наконец, последняя стадия – распад сложившейся системы равновесия в результате воздействия внешней по отношению к региону силы. После чего цикл повторяется.

Итак, в геополитической истории Причерноморья можно выделить следующие циклы:

I. С VII века до н.э. по I век до н.э. – греческая колонизация, формирование греческих и греко-варварских государств в Причерноморье,

создание «злейшим врагом Рима» Митридатом VI Евпатором первой циркумпонтийской державы – Понта, поражение Митридата и распад его государства.

- II. С I века до н.э. по III век н.э. – экспансия Римской империи в Причерноморье, установление Римом военного контроля над Черным морем, великое переселение народов, вытеснение Рима из региона.
- III. С IV века по XII век – формирование Византийской империи, византийская экспансия на Балканы, Закавказье и на Таврический полуостров, борьба со славянами и кочевниками, начало распада Византийской империи и турецкой экспансии.
- IV. С XII века по XV век – проникновение в Черное море венецианцев и генуэзцев, создание колоний, попытка территориальной экспансии, формирование Крымского ханства, турецкий разгром.
- V. С XV по XVIII столетие – образование Османской империи, турецкая экспансия в Причерноморье, превращение Черного моря в «турецкое озеро», начало российской экспансии и вытеснения Турции.
- VI. С конца XVIII века по начало XX века – присоединение Северного Причерноморья, Крыма, Закавказья к России, русская помощь Балканам и создание независимых государств, планы раздела турецкого государства («Греческий проект» Екатерины II, проект Всеславянской федерации, русского контроля над черноморскими проливами, подготовка десанта на Босфор и т.д.), распад Российской и Османской империй.
- VII. С 1922 года по 1991 год – формирование СССР, нарастание его военно-политической мощи, военно-стратегическое доминирование Советского Союза в Причерноморье после Второй мировой войны, распад СССР.
- VIII. С 1991 года – образование новых государств в Причерноморье, начало экспансии НАТО и ЕС в Причерноморский регион.

Из выделенных нами циклов, один был оборван – это экспансия итальянских торговых республик, а последний – не завершен.

С позиций анализа нового конфронтационного поля, формирующегося в настоящее время вокруг Чёрного моря, может быть востребована концепция «Малой игры». Малая игра рассматривается нами как самостоятельный сюжет Большой игры – холодной войны XIX столетия. Большая игра вошла в историю как стратегическое противостояние и соперничество между Российской и Британской империями за сферы влияния и военно-политического контроля в Центральной и Средней Азии. Фронт этой борьбы протянулся от Балкан до Китая, а её хронологические рамки охватывают период с конца XVIII века по 1907 год, когда была заключена Англо-русская конвенция. Эта конвенция формально урегулировала спорные вопросы между двумя империями, что позволило в условиях надвигавшейся мировой войны приступить к формированию Антанты. Несмотря на это, среди многих современных исследователей всё шире рас-

пространяется точка зрения, что Большая игра никогда не заканчивалась.

После распада Советского Союза и образования независимых государств в Закавказье и Средней Азии «разгорается новая схватка между странами, расположенными вне этого региона, но соперничающими в стремлении заполнить политический и экономический вакуум, оставшийся после неожиданного ухода Москвы. Политические аналитики и авторы передовиц называют это новой Большой игрой» [9, с. 18]. В отличие от эпохи классической Большой Игры, когда шла борьба за контроль над географическим пространством, сегодня в центре нового противостояния оказались вопросы энергетической политики и нефтяных запасов Каспия [4]. Хотя можно и согласиться с мнением, что «в регионе и в мире в целом наблюдалось некое чрезмерное, можно сказать, гипертрофированное отношение к этому фактору» [5], тем не менее, ставки в этой игре чрезвычайно высоки. Речь идет не только о борьбе за огромные ресурсы углеводородного сырья, цветных и драгоценных металлов, но и о сохранении стабильности в этом чрезвычайно опасном регионе, переживающем войны и межнациональные конфликты, и, кроме всего прочего, обладающим угрожающим потенциалом развития исламского фундаментализма.

Крупнейшими участниками этой игры являются Россия и США, сменившие Великобританию. «Помимо Соединенных Штатов и России, не говоря уже о мощном Европейском сообществе, главными претендентами на определение будущего Центральной Азии являются ее ближайшие соседи Турция, Иран и Пакистан, а также Япония, Корея и Китай» [9, с. 19]. Кто-то из участников Игры сможет действовать только вполсилы, кому-то придется вообще из неё выйти, а кому-то предстоит надорваться, завязнув в бесперспективных попытках установить порядок с помощью насилия.

Из ведущих игроков наиболее уязвимое положение сегодня у Российской Федерации, но на поле Большой Игры она обладает и наибольшим опытом из всех её участников.

Значительно хуже для России ситуация в Причерноморском регионе, где пересекаются «фронты» Большой Игры (субширотный) и Восточного вопроса (субмеридиональный). Последний в данном случае следует понимать в широком смысле, а именно как проблему приобщения стран Востока к европейской культуре (ценностям). Считаем, что существующую систему международных противоречий в бассейне Чёрного моря следует выделить в отдельный сюжет, а само это геополитическое противостояние, по аналогии с Большой игрой, вполне корректно определить как Малую Игру.

Малую Игру можно рассматривать как элемент игры Большой, а можно и как самостоятельный сюжет геополитической истории [1, 2]. Конечно, Причерноморье по своему значению для судеб мира уступает Центральной Азии, уступает и Средиземноморью, однако нельзя игнорировать тот факт, что на берегах Черного моря завязывались многие

«гордые узлы» глобальной политики, часть из которых не «развязана» до сих пор. Империи Римская и Византийская, Османская и Российская, Великобритания, Германия и СССР, а также множество других более мелких «игроков» затратили огромные усилия и заплатили миллионы жизней в ходе десятков войн в попытках превратить Черное море в свое «внутреннее озеро» или стать хотя бы на время доминирующей силой в его регионе. Периоды кровавого противостояния сменялись более или менее длительными эпохами стабильности, превращением территории Причерноморья в мировое захолустье, которая вновь и вновь оказывалось втянутой в противостояние великих держав. Описание впечатляющих картин этой жестокой и бескомпромиссной борьбы еще ждет своего историка, но уже сегодня можно констатировать, что Малая Игра вступает в новую фазу своего развития, а Причерноморский регион «опять становится стратегически важным регионом, где происходит столкновение интересов и устремлений» [7].

Объединение обеих подходов позволило нам ещё в 2008 году сделать вывод о том, что в Черноморском регионе в ближайшем будущем возникнет жёсткая конфронтация между участниками Малой игры, в которой наиболее активную роль будет играть внешняя по отношению к Причерноморью сила. Такой силой в настоящее время являются США.

Подлинные цели американской геополитики в бассейне Черного моря давно уже ни для кого не являются секретом и выглядели тогда следующим образом. Первоочередная задача определялась как вытеснение России из Причерноморья, сокращение в максимально возможной степени её военной инфраструктуры, следствием чего должно было стать существенное снижение российского влияния в регионе. Второй по значению задачей предполагался контроль над потоками углеводородного сырья из каспийских месторождений в обход территории России, что позволит при необходимости воздействовать на энергозависимые страны ЕС. Третья задача – формирование плацдарма для осуществления военных операций против Ирана и в Прикаспийском регионе, для чего предполагалось создание военных баз в Закавказье и, что не исключалось, в Крыму. Четвертая задача – дестабилизация российского Юга, поддержка кавказских сепаратистов, исламистов и националистов.

Для решения этих задач США были необходимы ресурсы, которые в настоящее время она не может выделить в полном объёме. Свидетельством этому является торопливая попытка «прощупать» возможности РФ к сопротивлению в последний год президентства Дж. Буша. Решительный отпор России показал всему мировому сообществу, что она прочертила ту «тонкую красную линию», за пределы которой она никому не позволит переступить. Применение Россией вооруженных сил вызвало возмущение всего «цивилизованного мира», звучали призывы к наказанию, к международной изоляции России, но как точно подметил российский публицист и

политолог Михаил Леонтьев: «всегда, когда Россия ведет себя уверенно и последовательно и когда мир ясно видит российскую волю, западное общественное мнение находит достаточно веских и прагматических аргументов, чтобы смириться и успокоиться» [3, с. 85].

Мировой экономический кризис приглушил накал страстей, бушевавших вокруг Причерноморского региона в конце лета – начале осени 2008 года. События тех дней отступили в прошлое, а в политике причерноморских государств произошли существенные изменения.

Конфликт на Украине, воссоединение Крыма с Россией, война в Донбассе – существенно изменили баланс сил в регионе, значительно ускорили процессы его пространственной трансформации.

В заключение своего выступления я хочу сказать, что опираясь на знание геополитической истории региона, смотрю с некоторым пессимизмом в его ближайшее будущее, ибо не только ни о какой-либо «европейской синергии», но и о его стабильности не имеет смысла говорить до тех пор, пока какой-нибудь из игроков Малой игры не добьется абсолютного политического доминирования в регионе или не установится равновесие в результате раздела сфер влияния между наиболее сильными из них, например, между Россией и Турцией. Ключевое значение Турции для минимизации угроз дестабилизации региона очевидно учтено руководством Российской Федерации, о чём свидетельствуют его усилия по углублению политических и экономических связей наших государств.

Источники и литература

1. Киселёв С.Н. «Малая игра» и проблемы безопасности в Причерноморье // Проблемы безопасности Причерноморья и нейтральный статус Украины: Сборник материалов. – Симферополь: СОНАТ, 2008. – С. 68–78.
2. Киселёв С.Н., Киселёва Н.В. Геополитические аспекты истории Крыма // Ученые записки ТНУ. Серия: География. – 2004. – Том 17 (56) – № 3. – С. 74–81.
3. Леонтьев М. Большая Игра. – М.: АСТ; СПб.: Апрель-СПб. – 2008. – 319 с.
4. Новая Большая игра // URL: <http://ru.wikipedia.org>
5. Новая Большая игра: международная борьба за влияние в Центральной Азии // URL: http://iimp.kz/default.aspx?article_id=781
6. Пхаладзе Т. Черноморский регион – место столкновения европейского и неосоветского мировоззрений // URL: <http://www.blackseanews.net/read/29987>
7. Тисдолл С. Столкновение интересов и устремлений в регионах «замороженных» конфликтов // URL: <http://www.inosmi.ru/translation/217015.html>
8. Хеденсхог Я. Черноморский регион – форпост европейской и мировой борьбы против «новых» угроз // URL: <http://www.blackseanews.net/read/31384>
9. Хопкирк П. Большая Игра против России: Азиатский синдром. – М.: РИПОЛ КЛАССИК. – 2004. – 640 с.
10. Язькова А. Черноморский регион: эволюция геополитического измерения // URL: <http://www.blackseanews.net/read/31481>

А.А. Ирхин

«Ялтинский мир» и Турция: этапы эволюции внешней политики Анкары 1945-2015 гг.

В начале февраля 2015 года мир отмечает 70-ю годовщину Ялтинской конференции, которая почти на пятидесятилетний период определила правила существования мирового порядка. Этот исторический период закончился крупнейшей геополитической катастрофой для России – развалом СССР. В настоящее время, Россия находится в международной изоляции, которую организовал западный мир. По всей видимости, этот период будет достаточно затяжным, по причине того, что никто не намерен уступать в «украинской партии». Россия в этих условиях ищет дополнительные возможности для смягчения экономической и дипломатической блокады Запада. Одним из таких путей является современная Турция, которая переживает болезненную внутреннюю трансформацию, реанимируя дореспубликанские – османские политические, культурные ценности и историческую память. В этом контексте интересны внешнеполитические подходы турецкого государства последних 70 лет, что опосредованно будет давать оценку функциональности российского выбора в пользу энергетического и политического сотрудничества с Анкарой.

Итак, на протяжении практически всего периода Второй мировой войны Турецкая Республика придерживалась позиции нейтралитета и политики многовекторности. Турецкая дипломатия заключает соглашения с противоборствующими сторонами об экономической и военно-политической помощи: Германией, Великобританией, с СССР отношения были урегулированы путем пролонгации договора о дружбе и нейтралитете от 1925 года, США в декабре 1941 года распространили действие ленд-лиза на Турцию, что было воспринято в Анкаре, как одобрение ее внешнеполитической линии.

Балансируя между союзниками, турецкое правительство обратилось в феврале 1942 года к Германии с просьбой о возобновлении кредитного соглашения 1938 года. Воспользовавшись предложением Германии о концентрации войск на советско-турецкой границе, правительство Турции выдвинуло контрпредложение – обеспечить турецкую армию

оружием на том основании, что она фактически будет прикрывать правый фланг наступающих германских армий от возможного нападения англо-американских войск.

Таким образом, Турция показывала, что не склоняется, на чью либо сторону, придерживаясь нейтралитета, получая военно-техническую и экономическую помощь от двух противоборствующих сторон конфликта. Однако, уже к осени 1942 году в результате нового положения на восточном фронте, турецкая элита более откровенно стала высказываться по поводу новой опасности в случае провала восточной кампании Гитлера. В конце 1942 года турецкие дипломаты стали приходить к выводам, что война может закончиться полной англо-американо-советской победой. По мнению турецкой дипломатии, это означало полный распад Европы, так как ни Великобритания, ни США не в состоянии ни остановить напор русских в территориальном отношении, ни предотвратить большевизацию изголодавшейся, измученной от войны и обнищавшей Европы [5, т. 2, с. 611]. Оценивая перспективы дальнейшего развития германо-советской войны и опасаясь полной победы союзников, турецкое правительство теперь считало для себя оптимальным вариантом возможно более быструю победу Германии над СССР, после которой Германия могла бы компромиссно урегулировать свои отношения с Англией и США.

На конференциях, происходивших во время войны в Тегеране, Ялте, Потсдаме и других турецкий вопрос, так или иначе, становился объектом обсуждения и дискуссий между тремя государствами: СССР, США и Великобританией. Последняя, после поражения Франции, настоятельно высказывалась за вступление Турции в войну на стороне антигитлеровской коалиции, но затем постепенно отказалась от этой идеи.

Еще одна сторона настоятельно требовала вступления в войну Турции – Советский Союз. Турецкая Республика в свою очередь, оправдывалась перед западными союзниками и СССР, всячески оттягивая вступление в войну, ссылаясь на ограниченность ресурсов и неудовлетворительное состояние вооружения своей армии, но с оказанием технической помощи союзников турецкое руководство брало на себя обязательство вступить в конфликт [6, р. 225].

30-31 января 1943 года в г. Адане состоялась встреча У. Черчилля с президентом Турции И. Инёню, на которой было решено значительно увеличить поставки в Турцию военных материалов. Турецкая сторона в результате встречи получила от Англии вооружения на сумму 20 млн фунтов стерлингов. В течение первой половины 1943 года в Анкаре побывали руководители британских вооружённых сил на Ближнем Востоке [2, с. 27].

В январе 1943 года в г. Адане между министром иностранных дел Турции Ш. Сараджоглу и У. Черчиллем состоялся диалог. По выражению Ш. Сараджоглу, «Россия могла стать империалистической после

Второй мировой войны. Это вынуждает Турцию быть исключительно благоразумной». Черчилль ответил, что будет создана международная организация для обеспечения мира и безопасности, которая будет сильнее Лиги Наций. У. Черчилль добавил, что он не боится коммунизма. Ш. Сараджоглу заметил, что он ищет чего-то более реального. Вся Европа полна славян и коммунистов. Все побеждённые станут большевиками и славянами, если Германия будет разгромлена [5, т. 2, с. 611]. У. Черчилль заметил, что положение не всегда оборачивается так плохо, как ожидают, но если и случится так, то лучше чтобы Турция была сильной и тесно связанной с Соединённым Королевством и Соединёнными Штатами. «Если Россия без всякой причины нападёт на Турцию, то вся международная организация выступила бы в защиту Турции, а гарантии после нынешней войны должны быть гораздо более твёрдыми не только в отношении Турции, но и в отношении всей Европы. Если Россия станет подражать Германии, то мы должны будем организовать самое тесное сотрудничество против неё» [там же, с. 612].

В Тегеране (28 ноября – 1 декабря 1943) интенсивность обсуждения условий вступления Турции в войну была достаточно высокой. Советская сторона настаивала на скорейшем вступлении. Англия и Соединённые Штаты занимали более сдержанную позицию.

В Ялте вопросы вступления Турции в войну обсуждались уже в связи с созданием ООН и сроков вступления государств желающих принять участие в работе организации. И. Сталин уже был менее оптимистичен по поводу вступления Турецкой Республики в войну. Конференция определила срок вступления государств в конфликт – до 1 марта 1945 года. В самой Турции понимали, что любая критика решений конференции может поставить государство в положение изоляции перед союзниками [3, оп. 128, д. 820, л. 217-219].

На Потсдамской конференции (с 17 июля по 2 августа 1945) был поднят вопрос о проливах, по инициативе президента США Трумэна на 8-м заседании 24 июля 1945 года [4, с. 314].

Отдавая должное турецкому правительству за оправданную внешнеполитическую позицию и тактику, необходимо отметить, что к концу войны цели и задачи политического руководства государства изменились. Далее придерживаться нейтралитета было по крайней мере невыгодно, так как в послевоенном устройстве мира государство не получало никаких значительных перспектив. Как и прежде, оно могло рассчитывать на поддержку Запада, но на заключительном этапе войны изменилось соотношение мировых сил Восток-Запад, что естественно оказывало сильное влияние на позицию Турции. Усиление СССР было крайне опасно для положения Турции.

К концу Второй мировой войны политическое руководство Турции пришло к осознанию необходимости вступления своего государства в

войну с целью участия в организации, которая будет определять устройство послевоенного мира. Так, 23 февраля 1945 года, когда территории Турции уже не могла угрожать германская авиация, а исход войны был полностью предрешён, государство вступило в конфликт на стороне антигитлеровской коалиции.

Таким образом, государство обеспечило себе положение победителя при максимально низких издержках и отсутствии каких-либо разрушений на своей территории.

Интересным вопросом является позиция СССР в отношении Турции на последнем этапе войны. Почти забытым историческим фактом являются советские дипломатические претензии к Турецкой Республике. Так, в ответ на неоднократное нарушение «конвенции Монтрё», а именно советской стороной были предоставлены факты пропуска через Черноморские проливы немецких вспомогательных военных судов, советское правительство 19 марта 1945 года заявило о денонсации договора 1925 года о дружбе и нейтралитете. В ответ на предложение Турции начать переговоры по условиям будущего договора были выдвинуты территориальные претензии, касавшиеся возвращения провинций Карс и Ардаган, а также изменения статуса проливов и совместной их обороны.

В турецкой прессе реакция на денонсацию данного договора была представлена таким образом, что турки не могут понять причин претензий СССР и готовы дальше укреплять советско-турецкую дружбу. Однако вследствие внешнеполитических действий СССР, Турция оставляет себе право судить о том, будут ли советские предложения способствовать развитию дружбы между странами [3, оп. 128, д.820, л. 5,12,16,17].

В 1946 году СССР направил две ноты турецкому правительству, в которых обвинял последнее в нарушении конвенции Монтрё во время Второй мировой войны, и предлагал новый проект пролива:

проливы должны быть всегда открытыми для прохода торговых судов всех стран;

проливы должны быть всегда открытыми для прохода военных судов Черноморских стран;

проход через проливы для военных судов не Черноморских держав не допускается, за исключением особо предусмотренных случаев;

- Турция и Советский Союз как державы наиболее заинтересованные и способные обеспечить свободу торговли мореплавания и безопасность в проливах для предотвращения использования проливов другими государствами во враждебных Черноморским державам целях, должны были разделить ответственность по их обороне [1, с. 169].

С точки зрения геополитической методологии, которой успешно оперировал И.В. Сталин, давление на Турцию позволяло создать дополнительные претензии к точкам формирующейся западной системы окружения СССР, с целью их последующего обмена на советские

первоочередные позиции в Восточной Европе – в Болгарии, Румынии и Польше.

Итак, первый этап внешней политики Турции в обозначенных хронологических рамках можно определить, как «от нейтралитета к прозападному выбору и до первых кризисных проявлений в результате Кипрских кризисов» - 1945-1974 гг. В рамках данного внешнеполитического этапа проходит интеграция Турции в НАТО (1952 г.), участие Турции в Корейской войне (1950-1952 гг.), интеграция Турецкой Республики в экономическую и военно-политическую систему западного мира, что подкреплялось распространением «плана Маршалла» и «доктрины Трумэна», заключением двусторонних экономических и военно-политических договоров, адаптирующих турецкую экономику под американские интересы.

Второй этап внешней политики Турции – 1974–1980 гг. Это время американской «публичной порки» турецкого руководства. США в этот период вводят санкции и прекращают поставлять военную технику и предоставлять экономическую помощь. Поводом для такой американской реакции стало нарушение базового соглашения, лежавшего в основе «доктрины Трумэна», где Турция брала на себя обязательства не использовать поставляемую американскую военную технику без согласования с США, против третьей стороны. Турция же в результате второго Кипрского кризиса оккупировала часть Кипра и вступила в прямое противоборство с другим членом НАТО – Грецией, что явно ослабляло Североатлантический альянс в регионе и не входило в планы Вашингтона.

Третий этап – с 1980-го по 2002 гг. – период восстановления проамериканской ориентации Турции, заключение новых договоров о военно-техническом и экономическом сотрудничестве. В этот период значительно смещается глобальный расклад сил в пользу западной цивилизации. Турция с 1991 до начала нулевых годов XXI века сталкивается с образовавшимся вакуумом силы на своих северных границах, что дает ей возможность выдвинуть концепцию создания свой исключительной зоны влияния «от Балкан до Великой китайской стены», которую она пыталась реализовать в рамках проекта «Великий Туран» - единение всех тюрок, проживающих на различных территориях под протекторатом Анкары.

По причине дефицита ресурсов, Турция не смогла реализовать данный проект, сузив его до гуманитарных программ сотрудничества.

Четвертый этап внешней политики Анкары относится к 2002-2015 году. Он характеризуется большей региональной самостоятельностью Турции. Современная модель внешней политики Анкары представляет из себя два уровня. Верхний этаж – глобальный, где Турция ориентируется на США и на свои союзнические обязательства. Анкара на этом уровне своей внешней политики полностью поддерживает мир «по-американски». Нижний – региональный, где Анкара пытается реализовать свои

собственные региональные интересы и проекты, которые могут противоречить современным интересам Вашингтона. Приведенная двухэтажность внешней политики турецкого государства только фрагментарно дает основания считать Турцию надежным партнером России в процессе противостояния с Западом по причине того, что верхний этаж в турецких приоритетах остается за США и их союзниками – Анкара попрежнему является членом НАТО и ассоциированным членом ЕС. Кроме того, на нижнем этаже своей внешней политики региональные интересы Анкары и Москвы сталкиваются практически по всем направлениям (турецкая концепция лидерства в суннитском исламском мире потенциально угрожает целостности России, интеграционная активность Турции в рамках Совета сотрудничества тюркоязычных стран, противоречит российским интересам на Южном Кавказе и в Средней Азии, турецкая политика на Ближнем Востоке, а особенно по сирийской проблеме, не совместима с российскими внешнеполитическими подходами) за исключением совместного блокирования против экспансии США в Черноморско-Каспийском регионе. Таким образом, в геополитической плоскости Россия и Турция имеет очень узкий сегмент совместных интересов, но он все же есть.

Исторический опыт в рамках приведенных этапов дает также следующую производную – как только Россия преодолела рамки сдерживания, созданные Западом, и становилась сильным геополитическим игроком, как в период коренного перелома в Великой Отечественной войне и после Второй мировой войны, Турция занимала резко антироссийскую позицию и становилась опорной точкой в новой западной линии сдерживания, которая переносилась дальше от российских имперских границ.

Источники и литература

1. Внешняя политика Советского Союза: Документы и материалы. 1946 г. – М.: Госполитиздат, 1952. 836 с.
2. Лазарев М.С. Вторая мировая война и страны Ближнего и Среднего Востока. Положение в Турции, Иране, Афганистане и Арабских странах // Международные отношения на Ближнем и Среднем Востоке после Второй мировой войны (40-50-е гг.). – М.: Наука, 1974. – С. 3-28.
3. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Ф.17. Оп. 128. Д. 820, 1199.
4. Тегеран, Ялта, Потсдам. Сборник документов трёх конференций антигитлеровской коалиции. – М.: Международные отношения, 1971. – 415 с.
5. Черчилль У. Вторая мировая война (В 3-х книгах): Сокр. пер. с англ. – М.: Воениздат, 1991.
6. Feis H. Churchill, Roosevelt, Stalin. The War They Wagen and the Peace They Sought. – Princeton: Princeton University Press, 1957. – 692 p.

Жан-Пьер Арриньон

Ялтинская конференция во французских учебниках для средней школы

Госпожа президент, дамы и господа, дорогие коллеги, вы без труда представите себе чувство, которое я испытываю, имея честь присутствовать здесь, в этом историческом месте, на этой конференции, посвященной 70-й годовщине знаменитой Ялтинской конференции (4-11 февраля 1945 г.), в которой не участвовал лидер освобожденной Франции генерал де Голль.

Моя цель сегодня – показать вам, какое место занимает это историческое событие во французских учебниках истории для выпускных классов средней школы. Вначале я представлю вам сами учебники, затем программу, по которой изучают историю в выпускных классах средней школы, и наконец, расскажу, какое место занимает Ялтинская конференция в вышеназванных учебниках.

Учебники

Дорогие коллеги, как вам известно, во Франции многочисленные издательства предоставляют преподавателям широкий выбор учебников, начиная с 6-го класса до выпускных классов. Это приносит солидные доходы как издательствам, так и авторам учебников. Надо сказать, что все эти учебники строго соответствуют программам, выпущенным Министерством образования. В частности речь идет о специальном официальном бюллетене №8 от 13 октября 2011 г. под названием: «Учебная программа по истории, взгляд на историю в современном мире»

Я выбрал пять учебников, наиболее часто используемых во французских лицах:

издательство «Борда», учебник под редакцией Кристин Дальберт, регионального инспектора по делам образования;

издательство «Атье», учебник под редакцией профессоров Гийома Буреля и Мюриэль Шевалье;

издательство «Белэн», учебник под редакцией профессора Давида Колона;

издательство «Натан», учебник под редакцией профессоров Себастьяна Кота и Эрика Жанэна;

издательство «Маняр», учебник под редакцией профессора Юго Биляра.

Эти пять учебников составляют 95% от всех учебников, используемых во французских лицеях. Далее я перейду к следующей части своего доклада: учебной программе по истории для выпускных классов средней школы.

Учебная программа по истории

Цель программы четко обозначена в официальном бюллетене. Речь идет о том, чтобы «развить историческое мышление и понимание подходов к предмету для подготовки студентов к требованиям высшего образования». Как Вы понимаете, цель преподавания истории отныне состоит не в том, чтобы распространять знания и опыт, а в том, чтобы овладеть методикой. Мы перешли от получения знаний к освоению риторики! Это очень и очень серьезная проблема, и мы еще столкнемся с последствиями этого перехода.

Далее бюллетень описывает «путеводную звезду» программы. Я цитирую: «Программа дает представление о главных проблемах современного мира с точки зрения историка... Первая тема посвящена размышлениям о предмете. Она показывает, как отличается отношение историка к прошлому от отношения общества, подверженного влиянию таких понятий как наследие и историческая память. При этом подчеркивается критический подход историка и рассматриваются его инструменты».

Далее следуют темы:

- Идеологии, мнения и убеждения в мире после окончания Первой мировой войны до наших дней.

- Мировые державы и очаги напряженности в мире после окончания Второй мировой войны до наших дней

- Структуры управления в мире после окончания Второй мировой войны до наших дней

Во все учебники истории включены лишь эти четыре темы. В конце каждой приводится по 10 вопросов, которые выбираются в зависимости от их актуальности и того, насколько они способствуют пониманию того или иного исторического события или феномена.

Опять же, все направлено на то, чтобы прояснить главную цель: овладение методологией. Такое понятие как приобретение знаний даже не упоминается в официальном тексте. Форма превышает содержание!

И все же есть один нюанс: «Преподаватель полностью свободен в выборе формы преподавания и несет за нее всю ответственность. Он имеет возможность составлять учебный план по своему усмотрению, и рассматривать темы в последовательности, отличной от представленной выше, за исключением темы №1: «Отношение общества к своему

прошлому», которая всегда должна идти первой». Как видите, речь идет о свободе довольно ограниченной.

Дорогие коллеги, я довольно уже рассказал об институтах и структурах, регулирующих преподавание истории в старших классах. Время перейти к третьей части моего выступления: месту, которое занимает Ялтинская конференция в вышеописанных учебниках истории.

Ялтинская конференция в учебниках

Скажу прямо: история СССР и Российской Федерации просто-напросто вычеркнута из учебников истории для выпускных классов! Судите сами: первая часть: «Отношение общества к своему прошлому» разделена в учебнике издательства «Борда» на два параграфа:

1 – Историк и наследие. Рим, Иерусалим, Париж.

2 – Историк и память о Второй мировой и Алжирской войне (ни разу не упоминается о роли СССР во Второй мировой войне, однако много говорится о геноциде евреев в истории и Холокосте, а так же о «черных годах» Франции, под которыми подразумеваются годы угнетения Алжира).

То есть, подход и проблематика очевидно односторонние!

Вторая часть: «Идеологии, мнения и убеждения в Европе и США после окончания Первой мировой войны» поделена на два параграфа. Один из них: «Социализм и рабочее движение в Германии и Европе». Социализм коммунизм, профсоюзное движение изучаются исключительно на примере Германии. СССР даже не упоминается!

Третья часть посвящена мировым державам и очагам напряженности в мире после окончания Второй мировой войны и поделена на три основных параграфа. Первый исследует путь к мировому господству (с. 176-198 в учебнике издательства «Борда») и посвящен Соединенным Штатам Америки. В этом параграфе можно ожидать упоминания о Ялтинской конференции. Ни слова о России! Более того, весь следующий параграф посвящен Китаю (стр. 204-230 в учебнике издательства «Борда»), а последний – Ближнему Востоку как очагу конфликтов.

Наконец, четвертая часть посвящена структурам управления в мире после окончания Второй мировой войны до наших дней и поделена на три параграфа. Первый проводит анализ того, как управляется Франция на национальном уровне с 1946 г., второй – как ею управляют на континентальном уровне: «Проект единой политической Европы после Конгресса в Гааге 1948 г.», и, наконец, последний параграф исследует вопрос о том, как ею управляют на мировом уровне со времени создания Бреттон-Вудской системы.

Все учебники составлены, согласно плану, который я Вам сейчас представил. Каждый из них заканчивается справочником терминов и персоналий. На Ялтинскую конференцию нет ни одной ссылки, а имя Сталина не упоминается. Только в учебнике издательства «Атье» в справочнике

терминов содержатся такие слова как: «Совет экономической взаимопомощи», «десталинизация», «Коминформ», «Варшавский договор», «большевистская революция».

Однако нельзя сказать, что Ялтинская конференция не упоминается вовсе. Она является в форме иллюстраций: в учебнике издательства «Маньяр» это знаменитая фотография трех главных действующих лиц во внутреннем дворике Ливадийского дворца, а в учебнике издательства «Белэн» - карриатура журнала «Портридж Ланч» от 21 февраля 1945 г., изображающая Сталина, Рузвельта и Черчилля склонившимися над глобусом с целью раздела мира.

Когда, в порядке исключения, СССР все же упоминается, контекст обычно негативный («Атье», с. 58-59): «Соединенные Штаты защищают свободу и демократию, СССР устанавливает курс на вооружение, распределение ресурсов и террор».

Заключение

Как вы могли заметить, программа преподавания истории в выпускных классах рассматривает четыре основных региона – это Европа, где значительное место отводится Германии, Соединенные Штаты Америки, проводник свободы и демократии, Китай, не так давно ставший новой мировой державой, и Ближний Восток, зона конфликтов.

СССР и Российская Федерация в буквальном смысле вычеркнуты из программы. Знаменитая формула, приписываемая генералу Де Голлю «Европа от Атлантики до Урала» отныне устарела. Стратегия, заключающаяся в том, чтобы «давать представление» о предмете, оправдывает этот выбор и упрощает инструментализацию истории. Эти тексты не предназначены для того, чтобы передавать ученикам знания, позволяя им самим сформировать серьезное суждение, основанное на фактах, или способствовать развитию «подлинно исторического мышления» в традициях школы Анналов!

В отсутствие знаний историческое мышление исчезает. Образ мыслей навязать становится особенно легко, когда знания заменяют СМИ и Интернет.

На смену рациональному, аргументированному размышлению пришла пустая риторика!

Дорогие мои русские друзья, реформируя свои образовательные структуры, будьте внимательны, позаботьтесь о том, чтобы сохранить главную цель: получение знаний, чтобы молодое поколение смогло отметить столетнюю годовщину Ялтинской конференции в 2045 г. «Долг памяти» принимает в обществе должную форму, когда он опирается на «долг истории».

Спасибо за внимание.

В.Т. Третьяков

Вторая мировая война в перекрестье истории, политики и средств массовой информации

Я не историк и не могу добавить ничего нового к тем историческим фактам, которые изложены в докладах участников конференции. Но я журналист и человек, в последнее время много работающий с молодёжью. И хотел бы высказаться относительно того, что же сейчас определяет знания о Второй мировой войне (для нас – Великой Отечественной), её восприятие и понимание, в том числе и среди нашей, российской, молодёжи.

Бесспорно, это не наука история, к которой, особенно к некоторым её отечественным представителям, у меня особые претензии, и я о них скажу.

Место проведения нашей конференции – Ливадийский дворец, в котором в феврале 1945 года Большая тройка (Сталин, Черчилль и Рузвельт) определяли как архитектуру будущего мироустройства, так и, между прочим, систему гарантий (в том числе и географических) безопасности стран, внёсших наибольший вклад в разгром нацистской Германии. И понятно, что максимальные гарантии в этом смысле, что прекрасно понимали Черчилль и Рузвельт, должен был получить Советский Союз. Между прочим, Черчилль предлагал Сталину даже включение в СССР территорий нескольких балканских и восточноевропейских стран (из числа бывших союзников Гитлера), от чего Сталин отказался, правда, оставив эти страны в зоне советского влияния.

Это я к тому, что непосредственные участники Второй мировой войны, причём в лице своих высших руководителей, прекрасно понимали, кто начал войну и кто внёс решающий вклад в победу над гитлеровским нацизмом как агрессором и вооружённой силой.

То, что вскоре после 1945 года союзнические отношения между великими державами, образовавшими антигитлеровскую коалицию, переросли в конфронтацию, вопрос отдельный. А вот то, что ныне то украинский премьер-министр, то польский министр позволяют себе ставить под сомнение то, что было очевидно Рузвельту и Черчиллю, - роль Советского Союза, то есть России (на Западе и в советские времена нашу

страну чаще именовали Россией, чем СССР), во Второй мировой войне, вопрос прямо к трактовке конкретных исторических событий относящийся.

И получается, что современной политике западных участников антигитлеровской коалиции, в том числе и тех, чьи высшие руководители были здесь, в Ялте, нужна уже совсем другая трактовка той войны. Вот почему сегодня схетыны и яценюки осмеливаются на свои провокационные высказывания. Вот почему они не несут за это никакой ответственности.

Но ведь впереди них идут западные историки, да и историки многих стран Восточной Европы. А иногда и наши историки.

В этой связи я вообще давно уже ставлю под сомнение состоятельность истории как науки. Формула, согласно которой история не имеет сослагательного наклонения, может быть, и правильна применительно к тому, что уже случилось, но уж точно не к описанию истории, то есть к собственно науке. И в этой истории определенные трактовки сначала возникают в сослагательном наклонении, которое затем может превратиться в изъявительное, а затем стремительное и повелительным – когда эти трактовки прозвучат уже из уст тех, кто ныне занимает кабинеты, в которых когда-то работали Черчилль и Рузвельт. Вот чем вдохновляются схетыны и яценюки, зная, что всегда найдутся историки, которые облачат их бред в научные одежды. И политики следующих поколений будут ссылаться уже на эти «труды».

А для общества в целом, давайте, наконец, признаем это открыто, историю пишут вообще не историки, а средства массовой информации и кинематограф, прежде всего – Голливуд. Ориентируясь не на науку, а как раз на политику.

Если бы это накладывалось на основательность исторического знания, даваемого системой образования молодежи, беда была бы не столь велика. Но ведь мы в России и здесь умудрились сдать почти все наши исторические позиции.

И ещё одно мы должны признать и осознать. Наши отечественные, то есть российские, историки сдали свою родную (нашу) историю. Некоторые даже предполагают, что продали - за гранты, поездки и прочую мишуру. Мне в общем-то всё равно, за деньги, по внутренней убежденности, по причине болезненных фантазий или в эйфории открывшейся научной свободы наши историки (в целом, хотя исключения, конечно, были) капитулировали перед западными трактовками нашей собственной истории, в том числе и истории Великой Отечественной войны. Но считать таких историков учёными я не могу.

И, между прочим, именно в нашей стране вышел отвратительный двухтомик, в котором Великая Отечественная война названа «советско-нацистской». Его написали наши «историки» - дипломированные, с учёны-

ми степенями. И это, видимо, считается свободой научного творчества.

Кстати, о научной свободе. А что радикально нового об отечественной или мировой истории нам рассказали с 1985 года, с момента наступления этой самой свободы? Даже на уровне фактов я не могу припомнить ничего существенного, что не знал бы образованный советский человек 60-70-х годов прошлого века, о чём бы мы в своё время не спорили, что бы не рассматривали, сравнивая западные и советские трактовки. И в конечном итоге всё новое свелось как раз к замене советских исторических идеологем на западные.

Не могу я понять и опять же с Запада пришедшую к нашим историкам веру в то, что можно сочинить какие-то совместные учебники, в которых будет для школьников, например, России и Польши, «объективно» изложена история. А написание таких совместных «трудов и учебников» были брошены немалые академические силы. Ведь и с всё больше и больше впадавшими в идолопоклонство Бандере украинскими историками такие совместные учебники пытались создать. Надеюсь, сейчас прекратили.

Нельзя не видеть, что каждая обретшая независимость территория (например, бывшие колонии европейских держав) начинает писать «свою историю» фактически с чистого листа, замещая отсутствующие факты идеологическими и политическими фантазиями. И авторы таких трудов тоже признаются историками. Все это видят. Все это знают. Кроме самих историков.

То, что история, видимо, оставаясь наукой, является ещё и политикой, очевидно. А посему и «борьба за историю», в нашем случае – наша борьба за нашу историю, в которой мы в последние годы терпели поражение не только из-за того, что слишком объективные западные историки почему-то слишком в свою пользу трактуют историю мира, но и потому, что мы сами, повторюсь, кинули знамя нашей Победы к их кафедрам и ногам.

Не будучи историком, я знаю, что Россия умеет одерживать победы, но не умеет выжимать максимум материальной выгоды из своих побед. И ещё я знаю, что раз за разом Запад, да и многие не западные страны оказываются отвратительно неблагодарными по отношению к России даже тогда, когда она прямо спасала их ценою жизней своих солдат. Посему если какой-нибудь современный Гитлер захватит Польшу, я буду категорически против того, чтобы Россия её спасала.

ЯЛТИНСКАЯ СИСТЕМА
И СОВРЕМЕННЫЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ
ПРОЦЕССЫ

С.Е. Нарышкин

Обращение к участникам конференции

Уважаемые коллеги и друзья!
Уважаемые участники конференции!

Благодарю организаторов за приглашение на форум, который проходит в столь символическом для судеб всего мира месте – в Ливадийском дворце, в Ялте. Именно здесь ровно 70 лет назад лидеры стран антигитлеровской коалиции провели важнейшие переговоры, и не только о координации действий по окончательному разгрому гитлеровской Германии, но и о том, какими быть послевоенной Европе и всему миру.

Знаю, что вчера участники конференции уже активно работали, обменивались мнениями. Да, действительно, спустя 70 лет даются разные оценки принятым здесь решениям. Однако нельзя забывать, что главным итогом Ялты явились не столько очертания государственных границ, сколько судьба мира и международного права, его становление как единственно легитимного регулятора отношений между государствами и народами.

Чтобы не повторять уже сказанное здесь, остановлюсь лишь на некоторых уроках Ялтинской конференции, которые мне кажутся наиболее актуальными для современного мира.

Первый урок состоит в том, что лидерами ведущих держав была проявлена готовность к диалогу и умение вести этот диалог. Несмотря на разность политических взглядов и конкуренцию национальных задач у них было стремление найти согласие по ключевым вопросам и компромисс по остальным, что и дало приемлемый для всех результат.

Второе. Тогда, семь десятилетий назад, народы сумели сплотиться в антигитлеровскую коалицию, чтобы остановить агрессора и гарантировать долговременный мир. Так был предопределён успех судьбоносных переговоров в Тегеране, Ялте, Потсдаме.

Я хотел бы спросить: неужели политическим лидерам XXI века тоже нужно дожидаться всеобщей беды, чтобы вспомнить о ценности переговоров и возможностях дипломатии? Я верю, что сберечь мир на планете – в наших силах. И делать это нужно, не дожидаясь новых конфликтов, ставящих всех на грань катастрофы.

Третье. О необходимости существенно обновить систему глобальной безопасности, в том числе на европейском пространстве, Россия говорила задолго до украинского кризиса. Казалось бы, только слепой не видел угроз при создании американской системы Противоракетной обороны в Европе, расширении НАТО, целом ряде военных интервенций Соединенных Штатов Америки в обход Совета безопасности Организации Объединенных Наций. Однако зарубежные коллеги постарались не услышать своевременных инициатив России. Отказались даже думать над усовершенствованием общих институтов безопасности. И тем самым, по сути, готовили почву для «майдана», поощрили те самые радикальные силы, которые теперь взрывают изнутри одну из крупнейших стран Европейского континента.

Подчеркну, Россия всегда выступала за сохранение и усиление системообразующей роли Организации Объединенных Наций и её Совета безопасности. Ибо мы помним уроки двух глобальных войн прошлого века и твёрдо усвоили позитивный опыт международной политики тех лет, включая итоги Ялтинской конференции 1945 года.

Парадоксально, но этого не сделал целый ряд международных организаций, в том числе их парламентские структуры, призванные защищать своих избирателей и стоять на страже мира и безопасности. Недавно сессия Парламентской Ассамблеи Совета Европы явилась очередным тому доказательством. В отличие от событий 70-летней давности коллективные усилия европейских политиков сейчас брошены на разрушение общеевропейской системы доверия. Нормы международного права не просто подменяются, а целенаправленно вытесняются двойными стандартами: взгляните на резолюцию ПАСЕ, посвящённую отношениям с нашей страной. А вместе с правом отбрасывают и мораль, и память поколений. В той же ПАСЕ на официальной церемонии, посвящённой 70-летию освобождения узников Освенцима, об освободителях даже не упомянули ни слова. Как будто узников Освенцима освободила какая-то непонятная сила, а фашизм исчез сам по себе.

И последнее. Нынешний накал страстей в Европе, подогреваемый агрессивной западной пропагандой и информационной блокадой, вновь направлен на воссоздание образа врага. Выход из этой спирали недоверия только один – в открытом и честном диалоге по обсуждению действительно актуальных проблем и реальных, а не мнимых угроз европейской безопасности. В отказе от провокаций и односторонних действий, совершаемых по указке Соединенных Штатов Америки.

Сама природа международного права такова, что односторонними действиями его не защитить и не укрепить. Двусмысленные формулировки и противозаконные санкции – это балласт, мешающий движению вперёд. Лишь доверие, как бы трудно оно ни давалось, и взаимная готовность следовать договорённостям создают действительно стабиль-

ную архитектуру международного права и безопасности. И в этом – ещё один урок Крымской конференции 1945 года.

Я надеюсь, что такие международные дискуссии, как та, которая проходит здесь, в Ливадийском дворце, конечно, помогут росту взаимопонимания. И наши западные коллеги, наконец, прекратят использовать российский Крым в качестве повода для конфронтации, и увидят в его жителях свободных и ответственных за свой выбор людей, имеющих право определять и своё будущее, и судьбу родной земли. Попытки дискриминации миллионов людей по политическим мотивам – это путь в никуда, нарушающий не только букву и дух международного права, но и гуманистические идеалы Европы.

Спасибо.

А.А. Громыко

Значимость наследия ялтинских решений в сегодняшнем мире

В 2015 г. мир отмечает 70-летие со дня окончания Великой Отечественной и Второй мировой войны. Россия и союзники вышли из неё победителями, эта Победа — их бесценный вклад в развитие мироустройства не только в XX, но и в XXI веке.

Сегодня немало тех, кто считает Вторую мировую войну далёким событием, уже не связанным с настоящим. Говорят, что Ялтинско-Потсдамская система международных отношений разрушена и ей на смену следует нечто совершенно иное. Это сомнительная точка зрения. Несмотря на развал Советского Союза и изменение послевоенных границ, современная территориальная карта Европы – во многом наследие той войны.

Многие границы, проведённые в Европе после разгрома фашизма и нацизма или появившиеся как реакция на их нараставшую угрозу, существуют до сих пор. Примеров тому множество – Калининградская область, изменение территорий Украины, Молдавии, Белоруссии, Польши, Литвы, Болгарии и многих других государств.

Неверно и то, что послевоенная международная система устарела. Современное международное право по-прежнему во многом основано на международно-договорной системе, возникшей в результате Второй мировой войны. ООН – детище победы союзников над фашизмом, и сегодня является основополагающим элементом международных отношений и международного права.

Современный облик мира — это тоже во многом итог Второй мировой. Она дала мощный толчок антикоалиционной борьбе, в результате которой появились десятки государств.

И всё же, почему так важно не забывать о той великой войне? Не лучше ли перевернуть эту страницу истории, не будоражить сознание молодых европейцев?

Нет, не лучше. Дело в том, что события тех лет и тех дней не стали «чистой» историей, они до сих пор с нами и оказывают на нашу жизнь самое непосредственное влияние.

Уроки истории никогда не устаревают, а главным уроком Второй ми-

ровой войны стало грозное предостережение будущим поколениям, что отсутствие единства перед лицом общих угроз может привести к катастрофе глобального масштаба и стоить европейцам миллионы жизней.

Для России и для ряда других народов Победа была великим свершением и одним из краеугольных камней их национального самосознания. И дело здесь не в квасном патриотизме, а в том, что существуют моменты в истории, значение которых не стирается годами, десятками и даже столетиями.

Для проигравших народов, а таких было множество, вполне естественно постепенное забвение событий тех лет; им нечем гордиться. Однако для русских, белорусов, украинцев, для поляков, чехов, сербов, евреев и многих других то была не классическая война, а борьба за выживание, борьба за само право существовать.

Итак, Победа не превратилась в артефакт. Европа и мир продолжают во многом жить в системе координат, заложенных в 1945 г. Можно привести множество примеров связи времён, влияния великих событий прошлого на глубокие пласты будущего. Например, проблема Южных Курил: как можно считать Вторую мировую войну перевёрнутой страницей истории, если к нашей стране предъявляются конкретные территориальные претензии, причём со стороны побеждённого государства?

Или проблема «декретов Бенеша». Решение о депортации немцев с территории ряда государств было принято в Потсдаме и обсуждалось в Ялте. В дополнение к этому, власти Польши, Чехословакии и Югославии позже приняли свои законы. В Чехии они были названы именем президента Чехословакии, занимавшего этот пост в военные и послевоенные годы. «Декреты Бенеша» до сих пор являются частью законодательства Чехии и Словакии и предметом споров, особенно с Германией и Австрией.

В мае 1999 г. австрийский парламент принял постановление с требованием к Чехии отменить «декреты Бенеша». В марте 2001 г. глава МИД Австрии Бенита Ферреро-Вальднер заявила, что собирается добиваться их отмены до вступления Чехии в ЕС. В октябре 2007 г. президент Чехии Вацлав Клаус заявил, что «история должна оставаться историей». Он до конца октября 2009 г. отказывался подписать Лиссабонский договор, требуя от ЕС гарантий сохранения декретов. И его требование было удовлетворено. Клаус принципиальность продемонстрировал и позже, выступая против чрезмерной бюрократизации Евросоюза и против антироссийских санкций.

Необходимо сказать о преемственности, неразрывной связи между Тегераном, Ялтой и Потсдамом. Историю этих встреч «большой тройки» необходимо рассматривать как единое целое. И именно Ялта, с моей точки зрения, стала в их ряду центральным событием. Тегеран и Потсдам как бы обрамляли её.

В залах Ливадийского дворца Лондон и Вашингтон впервые признали право Советского Союза на безопасность своих западных границ. Ещё в Тегеране Черчилль, используя для наглядности спички, которые представляли у него Германию, Польшу и Советский Союз, сказал: «Эти спички должны быть передвинуты на Запад, чтобы разрешить одну из главных проблем, стоящих перед союзниками – обеспечение западных границ СССР».

Ялтинская конференция нашла широкое отражение в воспоминаниях одного из её активных участников – Андрея Андреевича Громыко, с 1943 г. посла СССР в США. Вот как он описывает начало первого заседания 4 февраля 1945 г.: «Февраль победного сорок пятого... Ливадийский дворец... Всё выглядело торжественно, величаво. В зал заседаний конференции вошёл Сталин. За ним — советская делегация. Стояла полная тишина. Почтительно, кивком его приветствовали Рузвельт и Черчилль, которые уже находились на своих местах. До этого они втроём на несколько минут уже встречались. Сталин подошёл к столу и поздоровался с шагнувшим ему навстречу Черчиллем и сидящим Рузвельтом – американский президент из-за своего физического недуга не мог быстро встать без помощи адъютантов».

В дни работы конференции А.А. Громыко внимательно наблюдал за поведением Рузвельта и Черчилля. Он отмечал, что они по-разному реагировали на заявления Сталина: Рузвельт – спокойно и с пониманием; Черчилль – подчас с выражением плохо скрываемого недовольства. Когда же он пытался скрыть свои чувства, его переживания выдавали сигары – он выкуривал их гораздо больше. Что касается Сталина, то он не скрывал своего расположения к Рузвельту.

Помимо официальных встреч в те дни проходила масса других мероприятий. Однажды Сталин устроил на западный манер «коктейль-пати» для членов советской делегации. Он переходил от одного столика к другому, за которыми стояли его сотрудники, задавал им вопросы, неторопливо беседовал. Подойдя к Молотову и Громыко, которые стояли вместе, он спросил у последнего: «На какие слои общества в основном опирается Рузвельт внутри страны?». Высказав свою точку зрения, Андрей Андреевич заключил: «Конкурента у Рузвельта как президента сейчас нет. Он себя чувствует прочно». Позже он вспоминал, что Сталин особое внимание обратил именно на эту фразу.

В другой день Сталин устроил обед для узкого круга лиц из состава советской делегации. Помимо прочего заговорили о предположительном вступлении Советского Союза в войну с Японией. В связи с этим была затронута проблема сложности железнодорожных перевозок по территории Советского Союза. Сталин сказал: «Необходимо проложить новую железную дорогу от Урала до Тихоокеанского побережья. И пройти она должна немного севернее теперешней Транссибирской магистрали».

Как известно при его жизни эта идея осуществлена не была. Однако позже, при Брежневe, она нашла своё воплощение в строительстве Байкало-Амурской магистрали.

Интересен и другой эпизод. Утром, судя по всему 8 февраля, А.А. Громыко был вызван из флигеля Юсуповского дворца в его главную часть, где размещался Сталин. Войдя к нему, он увидел, что тот один. Маршал протянул какую-то бумагу и сказал: «Вот письмо от Рузвельта. Я хотел бы, чтобы вы мне его перевели». Громыко с ходу начал вслух переводить. В письме Рузвельт сообщал, что США признают права Советского Союза на Сахалин и Курильские острова. В тот же день уже в беседе Сталина с Рузвельтом были в принципе согласованы условия вступления СССР в войну против Японии.

Чему нас учат события того времени? Какие уроки для сегодняшнего дня можно извлечь из встречи «большой тройки» в Ливадийском дворце в феврале 1945 г.? Остановимся на нескольких моментах.

Во-первых, важность использовать подходящий, удачный, благоприятный момент в истории для решения конкретной крупной проблемы. Если бы Ялтинская конференция была проведена чуть раньше или чуть позже, то эффект от неё по многим причинам был бы иным, не столь значимым. Успех конференции с точки зрения всех её участников был обеспечен в первую очередь ситуацией на фронтах, сложившейся к февралю 1945 г., а также личным желанием и возможностью лидеров трёх стран приехать в Ялту и провести там неделю. Жизнь Рузвельта уже клонилась к закату, и несколькими неделями позже он был бы уже не в состоянии путешествовать. 12 апреля его не стало.

Значение Ялты состоит и в том, что для долгосрочного решения сложных международных проблем требуются институты, механизмы, структуры, разработанные и утверждённые всеми основными игроками с учётом интересов большинства других участников международного процесса. Трудно себе представить, как в иных условиях, отличных от уникального периода 1944-1945 гг., могла бы появиться такая универсальная и всеохватывающая организация, как ООН. Только на основе такого рода организации могло появиться современное международное право, которое с тех пор и на всю обозримую перспективу XXI века служит фундаментом взаимодействия государств на мировой арене.

В-третьих, Ялта стала беспрецедентным примером того, как принимаемые решения направлены не только на изменение ситуации в масштабах текущего времени, но и на многие десятилетия вперёд. Фактически тогда, в Ливадийском дворце, зародился полицентричный мир XXI века. Долгое время разглядеть его было непросто в условиях противостояния двух сверхдержав. Однако параметры деятельности Совета Безопасности ООН, включая право вето, и его конфигурация сложились так, что Организацию Объединённых Наций не только не постигла судьба её

предшественницы – Лиги Наций, она не только пережила эпоху биполярности, но в её рамках были созданы благоприятные условия для следующего шага – складывания полицентричности. Шаблон последней был задан уже самим составом Совета Безопасности, куда вошли не только европейские державы, но и государства-лидеры других частей света – США и Китай. Причём Поднебесная тогда по своему международному весу и геополитическому калибру не могла даже близко сравниться с современным Китаем. И всё же Пекин был допущен в клуб избранных.

В-четвёртых, возможно, центральный урок Ялты – учёт интересов безопасности друг друга. После распада Советского Союза западные державы занялись реваншизмом и отбросили своё признание необходимости обеспечить безопасность западных границ теперь уже России. «Спички Черчилля» стали усиленно перемещать обратно, на Восток. Вначале исчез «пояс добрососедства» вместе с исчезновением восточноевропейских союзников СССР. Польша впервые с 1945 г. вновь превратилась во многом в антироссийское государство. Осуществлено продвижение НАТО вплотную к границам России. И в этих условиях последняя красная черта с точки зрения безопасности западных границ России – это Белоруссия, Украина, Молдавия, Закавказье. В 2008 г. в Грузии её попытались пересечь. Мы знаем, что из этого получилось. Однако уроки выучены не были.

Теперь разменной монетой глобального геополитического противоборства стала Украина. Если красная черта здесь сотрется и исчезнет последний «буфер» между Россией и военно-политическим альянсом, куда Россия не входит, Ялта будет окончательно предана, а значит и большая война в Европе вновь перестанет быть невозможной.

Джон Локленд

Идеология и геополитика в период двух холодных войн

На конференциях вроде сегодняшней принято связывать исторические события с текущими. Название нашей конференции призывает нас именно к этому. И мало какое место в мире столь же отчетливо, как Ялта, связывает то, что я призываю называть Первой и Второй холодными войнами. Первая война длилась с 1946 или 1948 года по 1989-й, а Вторая началась в 2014 году.

Ялтинскую конференцию в 1945 году так не называли. Ее называли Крымской конференцией, и именно это название значится в договоренностях, обнародованных по ее итогам. Однако слово «Ялта» с тех пор используется в историческом дискурсе, особенно теми многими, для кого конференция 1945 года – позор, предисловие к несправедливостям холодной войны - разделению Европы на две части, предопределению судьбы Восточной Европы, включенной в советскую орбиту и оставшейся там до 1989 года.

Десять лет назад в Риге президент США Джордж Буш довольно точно выразил это негативное чувство: «Ялтинские соглашения унаследовали несправедливую традицию Мюнхена и пакта Молотова-Риббентропа. Снова получилось так, что никто не дорожил свободой малых стран, когда договаривались правительства сверхдержав. Эта попытка принести свободу в жертву стабильности разделила континент и дестабилизировала. Неволя, в которой оказались миллионы жителей Центральной и Восточной Европы, стала одной из величайших исторических несправедливостей» [2].

Таким образом, о «Ялте» вспоминают как о большом зле, которое государства причинили народам. Я не буду останавливаться на откровенно антиисторической природе высказываний президента Буша: ему следовало бы знать, что события, положившие начало холодной войне, начали происходить, по меньшей мере, спустя год после февраля 1945 года. Фултонская речь прозвучала в 1946 году. Блокада Берлина и Пражский переворот – это события 1948 года. НАТО была создана в 1949 году. При этом так называемое «соглашение о процентах», то есть договоренность

о разделении Европы на сферы влияния была достигнута в Москве в октябре 1944 года.

Мне же кажется интересным содержащаяся в этом негативном суждении о Ялте презумпция эгоизма и цинизма держав. Буш, как и многие другие, утверждает, что сфера международных отношений должна быть подчинена универсальной либеральной идеологии. Согласно такой примитивной схеме, геополитика – это плохо, а идеология – хорошо.

Действительно, Джордж Буш часто заявлял, что для защиты американской свободы необходимо ее распространение по всему миру. В его второй инаугурационной речи были такие слова: «Выживание свободы в нашей стране все больше зависит от того, насколько успешно она приживается в других странах» [1]. Это заявление сделано в традициях доктрины «открытых дверей» в американской дипломатии. Уильям Эпплман Уильямс (1921–1990), характеризую эту доктрину, писал, что главным в ней является убежденность в том, что другие народы не могут решить свои проблемы и улучшить свою жизнь до тех пор, пока не пойдут по американскому пути [6, р. 12]. В последнее время это учение вполне эксплицитно развивает Джо Байден, действующий вице-президент США. «Пока вы не поймете, как жить вместе по нашему образцу, - сказал он в прошлом году своему водителю – косовскому албанцу, - вы этого никогда, никогда не достигнете»*.

Очевидно, что такая идеология несовместима с типом государственно-го управления, сделавшим Ялтинскую конференцию 1945 года возможной и успешной. В представлениях Джо Байдена или Джорджа Буша нет места для основанных на собственных интересах переговоров между государствами, чьи политические идеологии настолько различны, какими были идеологии СССР и США или Великобритании. В сущности, идеология «открытых дверей» предполагает отвержение самой возможности политического плюрализма на международной арене – Америка может чувствовать себя в безопасности, только если все остальные страны станут как Америка. Идеи сфер влияния или зон безопасности становятся бессмысленными или даже неприемлемыми в свете соблазнительной фантазии о том, что однажды все государства будут идеологически идентичными. Доктрина «открытых дверей» подразумевает избыточность дипломатии. Суждения, высказанные Джорджем Бушем и Джо Байденем, напоминают мне высказывание Ленина по поводу назначения Троцкого наркомом иностранных дел: «Какие у нас теперь будут иностранные дела?» [5, р. 341].

Американцы, конечно, связывали начало холодной войны с советской идеологией. Эта идеология, как писал Джордж Кеннан в своей длинной телеграмме 22 февраля 1946 года, делает СССР систематически экспансионистским государством. В действительности американская идео-

* Из выступления вице-президента США Джозефа Байдена на форуме Джона Кеннеди 3 октября 2014 года.

логия, и особенно доктрина «открытых дверей», сыграла в развязывании холодной войны равнозначную, если не более важную роль. Она вынудила СССР занять оборонительную и неуступчивую внешнеполитическую позицию, чего в иных условиях могло и не произойти. Парадоксально, что негативная память о «Ялте» приписывает этой конференции разделение Европы, хотя это, напротив, был тот момент, когда идеологии, разделяющие государства, были (временно) оставлены в стороне во имя общей геополитической цели – победы над нацистской Германией.

Если мы обратимся к настоящему времени, то становится очевидно, что не только Ялта, но Крым в целом сыграл ключевую роль в том, что нам со всей определенностью стоит называть Второй холодной войной. Включение Крыма в состав Российской Федерации 18 марта 2014 года спустило взаимоотношения Востока и Запада вниз по очень длинной спирали, и конца этому движению сегодня не видно. Причину, по которой именно Крыму досталась такая роль, следует искать в радикальном различии между идеологическими перспективами, господствующими в Европе и России. Именно этими идеологическими различиями объясняется глубина нынешнего кризиса. На данном этапе они делают невозможным какой-либо содержательный диалог между Россией и Западом.

Радикальные идеологические расхождения заключаются в следующем: на Западе, и особенно в странах Европейского союза, крепка вера в постполитический мир. Они верят в то, что можно оставить позади грязную сферу политики, и хотят этого. Они желают перейти на более высокий цивилизационный уровень политически нейтрального «управления» или «управления без правительства», если вспомнить заголовок академической статьи, которую весьма благожелательно цитируют на официальном сайте Европейской комиссии [4, р. 652]. Согласно этой точке зрения, европейское правительство не только постмодернистично, постнационально, постисторично и, очевидно, является постхристианским – оно еще и политически нейтрально. Решения ЕС, например, соглашения об ассоциации с третьими странами, не касаются, таким образом, политики или сфер влияния. Напротив, они касаются исключительно «ценностей», универсальных ценностей, которые ни одно разумное государство не станет оспаривать. И действительно, любое государство или элита, оспаривающая эти ценности, обозначает опасный возврат в темную эпоху неприкрытой политики и великодержавного преследования собственных интересов – то есть именно к тем самым ценностям модерна или эпохи, ему предшествовавшей, которые Европа оставила позади. Такие государства объявляются реакционными, их обвиняют в том, что Михаил Горбачев и Гельмут Коль называли «старорежимным мышлением» [3]. Представляя Бундестагу Маастрихтский договор в декабре 1991 года, Коль заявил, что это соглашение объединило Европу таким образом, что возвращение к «мышлению» государств-наций уже невозможно*.

* Из выступления Гельмута Коля перед Бундестагом 13 декабря 1991 года: «Государ-

Присоединение Крыма к РФ разрушило это видение. Целое поколение европейских, особенно немецких, политиков выросло на вере в правдивость слов Коля о том, что соглашения ЕС буквально представляют новый путь мышления и действия. На мой взгляд, все они оказались вовлечены в акт грандиозного массового самообмана. Впрочем, я почти готов поверить в то, что обманывались они искренне. Эти люди на самом деле перестали мыслить таким образом, который мне кажется рациональным. Помимо этого, они убеждены в том, что никто не может или не должен мыслить иначе.

Если бы Автономная республика Крым провозгласила фиктивную независимость под российской протекцией, аналогично тому, как Косово в 2008 году стало протекторатом НАТО и ЕС, у многих это вызвало бы скепсис. Однако им было бы легче притвориться, что они в это поверили. Я вовсе не выступаю за такое решение, совсем наоборот. Я хочу подчеркнуть, что решение России присоединить к себе территорию Крыма как раз и отражает государственно-ориентированную идеологию, к которой нынешние Европа и Америка питают отвращение.

Крым был присоединен по двум причинам, которые в высшей степени отражают интересы государства и нации. Во-первых, это вызвано интересами национальной безопасности, в частности, чтобы Черноморский флот не оказался в руках НАТО. Во-вторых, Крым имеет особое историческое звучание в памяти российской нации. Расчеты такого рода испарились из европейского сознания. Европа мыслит исключительно в терминах пост-историцизма и коллективной безопасности. Старая марксистско-ленинская концепция угасания государства завершила свое победоносное шествие по институтам Западной Европы и полностью захватила умы западных лидеров и интеллектуалов. Начиная, по меньшей мере, с 1960-х годов они верят в «мечту» Джона Леннона: «Представь, что нет никаких стран, не за что убивать и умирать, что нет никакой религии». Западная Европа принимает завершение эпохи национальных государств как данность. Однако случай Крыма показывает, что в России эта идея по-прежнему жива, а возвращение полуострова на родину имеет огромное идеологическое и символическое значение. Ялта – не символ предательства. Напротив, она символ той решающей роли краеугольного камня, которую государства играют и должны играть в системе международных отношений.

Источники и литература

1. Вторая инаугурационная речь президента США Джорджа Буша 20 января 2005 года // URL: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2005/01/20050120-1.html>

ства-члены Европейского Сообщества отныне объединены таким образом, что ни их разъединение, ни возврат к старому мышлению в логике государств-наций... уже невозможны». // http://www.cvce.eu/content/publication/2002/2/22/12090399-dc71-42ee-8a3d-daf2420c0a9a/publishable_de.pdf

2. Обсуждение тем свободы и демократии в Латвии в здании Малой Гильдии в Риге 7 мая 2005 года // URL: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2005/05/20050507-8.html>
3. Gorbachev M.S. Perestroika: New Thinking for Our Country and the World. – Harper Collins, 1987.
4. Rhodes R. The new governance: governing without government // Political Studies. – 1996. – Vol. 44.
5. Trotsky L. My Life. An Attempt at an autobiography. - New York: Charles Scribner's Sons, 1930, reprinted by Dover, 2007.
6. Willams W.A. The Tragedy of American Diplomacy. – New York: WW Norton, 2009.

С.Н. Бабурин

Ялтинские договоренности великих держав в 1945 году и их уроки для XXI века

70 лет назад, в феврале 1945 года, в ходе Ялтинской (Крымской) конференции руководителей держав Антигитлеровской коалиции были согласованы основы Ялтинско-Потсдамского мирового устройства, закрепленные совместным Заявлением У. Черчилля, Ф.Д. Рузвельта и И.В. Сталина и Протоколом работы Крымской конференции от 11 февраля 1945 года, а также серией соглашений.

«Нет пророка в своем отечестве», поэтому своё выступление, посвященное тем событиям, я начну цитатой из выступления президента США. Ф.Д. Рузвельт, выступая после возвращения из Ялты перед Конгрессом США, заявил:

«Крымская конференция стала поворотным пунктом, я надеюсь, в нашей истории, а значит, и в истории всего мира... Мы должны либо взять ответственность за мировое сотрудничество, либо нести ответственность за следующую мировую войну... Уверен, для конгресса и всего американского народа результаты этой конференции станут началом долговременного мира, при котором мы с Божьей помощью построим лучший мир, где должны жить и будут жить наши дети и внуки, дети и внуки всего мира» [6, С. 191].

Среди основ, на которых сложились решения конференции – Атлантическая хартия, подписанная Ф.Д. Рузвельтом и У. Черчиллем 14 августа 1941 года. Особо хочу отметить, что среди них и принципы, обозначенные И.В. Сталиным в 1943 году в качестве задач антигитлеровской коалиции:

- освобождение народов Европы от фашистских захватчиков и оказание им содействия в воссоздании своих национальных государств;
- предоставление освобождённым народам полного права и свободы самим решать вопрос об их государственном устройстве;
- возмездие фашистским преступникам за все совершенные им злодеяния;
- установление такого порядка в Европе, который бы полностью исключал возможность новой агрессии со стороны Германии;

- создание длительного экономического, политического и культурного сотрудничества народов Европы, основанного на взаимном доверии и взаимной помощи [4, С. 623].

Таковы были планы И.В. Сталина. Что же дала миру Ялта 1945 года?

Ялтинская конференция наметила черты нового порядка международной безопасности, начиная с создания державами антигитлеровской коалиции на территории Германии особых зон оккупации и заканчивая распределением между державами-победительницами территориальных зон геополитической ответственности. Была принята Декларация об освобожденной Европе, в которой подчеркнуто: «В наши цели не входит уничтожение германского народа. Только тогда, когда нацизм и милитаризм будут искоренены, будет надежда на достойное существование для германского народа и место для него в сообществе наций» [3, С. 266].

Конференция приняла окончательное решение учредить всеобщую международную организацию для поддержания мира и безопасности, были намечены ключевые принципы ООН, достигнута договоренность собрать 25 апреля 1945 г. в Сан-Франциско конференцию Объединенных наций для принятия Устава новой организации. Были согласованы позиции по Югославии, Польше, ряду других государств. Именно в Ялте был сделан шаг к решению одного из наиболее спорных вопросов послевоенного устройства мира — намечены границы Польши. Подтвердив, что восточная граница Польши должна идти вдоль линии Керзона, главы трех правительств признали, «что Польша должна получить существенные приращения территории на Севере и на Западе» [3, С. 270, 280; 2, С. 128 — 136].

Руководители США и Великобритании добились в Ялте от СССР обязательства вступить в войну против Японии, взяв на себя обязательства сохранять независимый статус Внешней Монголии; восстановить принадлежащие России права, нарушенные вероломным нападением Японии в 1904 г., а именно вернуть Советскому Союзу южную часть о. Сахалин и все прилегающие к ней острова, гарантировать как интернационализацию торгового порта Дайрен с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза в этом порту и восстановление аренды на Порт-Артур как на военно-морскую базу СССР, так и совместную эксплуатацию Китайско-Восточной железной дороги и Южно-Маньчжурской железной дороги, дающей выход на Дайрен с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза при сохранении суверенитета Китая над Маньчжурией. США и Великобритания письменно гарантировали передачу Советскому Союзу Курильских островов [3, С. 273].

Подписывая 11 февраля 1945 г. соответствующее соглашение, США и Великобритания согласились, что эти претензии Советского Союза должны быть удовлетворены после победы над Японией без каких-либо условий.

Решениями Ялтинской конференции за государствами — будущими постоянными членами Совета Безопасности ООН было закреплено право установить режим территориальной опеки, определены территории, к которым он мог применяться [там же, С. 276].

Двадцать лет назад, выступая 6 февраля 1995 года в зале Ливадийского дворца в связи с 50-летием Ялтинской конференции лидеров антигитлеровской коалиции, я отметил, что среди уроков Ялты — и урок политической воли, когда смогли достичь соглашения лидеры идеологически несовместимых общественных систем, и урок исторической ответственности, в том числе ответственности держав-победительниц за международную безопасность и стабильность. Ялтинские договоренности Ф. Рузвельта, И.В. Сталина и У. Черчилля — поучительный пример реалистической политики и того, какие преимущества такая политика дает государствам, имеющим силу, возможности и внутреннее достоинство отстаивать свои интересы [1, С. 287–291].

Ныне уроки именно «той» Ялты актуализировались как никогда.

Лидеры США, решив при разрушении СССР закрепить за Соединенными Штатами роль единственной сверхдержавы, забыли предостережения своих великих предков. Напомню слова президента США Джона Куинсли Адамса, который 4 июля 1821 года, осуждая английский колониализм, предостерегал: «Да не станет Америка искать зло на чужбине, ибо ввергнет ее это в пучину несправедливых войн и интриг, алчности, зависти и амбиций, стирающих грань между добром и злом и разрушающим сами основы свободы, на которой построена американская политика, и политика эта незаметно станет политикой силы». Америка может «стать мировым диктатором, но лишь ценой потери своей души» [6, С. 13].

Ялтинско-Потсдамская система мирового порядка, контуры которой были намечены здесь 70 лет тому назад, разрушена. Что может дать миру извлечение уроков и учёт опыта Ялтинских договоренностей 1945 года? Главное — войну и разрушения.

Мир, который она обеспечила Европе почти на 50 лет, сменился целой чередой вооруженных конфликтов. Первым таким конфликтом стало кровавое разрушение СФРЮ, завершившееся беспрецедентной агрессией НАТО против Союзной Республики Югославии. Одновременно началось с периодическим обострением межнациональное противостояние в различных регионах Советского Союза, которое практически сразу привело к разъединению Молдавской ССР на Республику Молдову и Приднестровскую Молдавскую Республику. В 2014 году запольхала Украина, наследники бандеровцев схватились с наследниками украинских антифашистов. В пожарищах войн и конфликтов Афганистан, арабский мир.

Что может дать миру извлечение уроков и учёт опыта Ялтинских договоренностей 1945 года?

Первое. Ялтинские договоренности 1945 года могут стать той моделью демонтажа недостроенного, но уже обрушающегося Мальтийско-Мадридского мирового порядка. Однополярность рухнула, несмотря на состоявшееся после саммита 1996 года в Мадриде расширение НАТО на восток. Эпоха односторонних решений продлилась лишь около 20 лет. В Ялте 1945 года консерватор У. Черчилль, либерал Ф.Д. Рузвельт и коммунист И.В. Сталин смогли прийти к хрупкому, но балансу интересов. Не без локальных конфликтов этот баланс продержался почти 50 лет. Эпоха Горбачева-Ельцина с её тотальными уступками Западу сформировала у евроатлантических лидеров ложное впечатление, что так будет всегда. Россия не боролась за Прибалтику, за сам Советский Союз и эффективность СНГ, кое-кто посчитал, что на мировой сцене она будет присутствовать лишь в качестве тени прошлого. Преждевременный вывод.

Второе. Мир между народами и государствами может быть обеспечен только через взаимные договоренности и общий компромисс. Общение через взаимные ультиматумы и санкции контрпродуктивно, не способно стать основой надежного мира. При крахе односторонней попытки США и НАТО поглотить Украину, включив её в свою геополитическую систему, логично было бы ожидать противодействия и пророссийских сил самой Украины. Тем удивительнее возмущение лидеров США и ряда стран Европы несогласованными с ними действиями России по возвращению Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации, а потом и восставшим антифашистским Востоком Украины. Гегемонизм единственную сверхдержаву не только развратил, но и расслабил.

Роковую роль для мировой безопасности сыграла и попытка приучить общественное мнение к двойственности мировых стандартов. Говоря именно об этом 18 марта 2014 года перед Федеральным Собранием РФ, В.В. Путин обоснованно отметил, что, отрывая Косово от Сербии, наши западные партнеры сами создали прецедент, доказывая всем, что никакого разрешения центральных властей страны для одностороннего объявления независимости не требуется. Президент России процитировал Письменный меморандум США от 17 апреля 2009 года, представленный в Международный Суд ООН в связи со слушаниями по Косово, в котором четко заявлено: «Декларации о независимости могут, и часто так и происходит, нарушать внутреннее законодательство. Однако это не означает, что происходит нарушение международного права». И привел цитату уже из решения Международного Суда ООН по Косово от 22 июля 2010 года: «Никакого общего запрета на одностороннее провозглашение независимости не вытекает из практики Совета Безопасности... Общее международное право не содержит какого-либо применимого запрета на провозглашение независимости» [5, С. 8].

Таким образом, эгоизм наших западных партнеров ныне даже не скрыт. Требуя «вернуть Крым в Украину», они не только далеки от реализма, да-

леки от международного права, но они перечеркивают все собственные правовые позиции последних лет. Они забыли уроки Ялты и даже уроки войны.

Между тем, именно крах Мальтийской односторонности и стихийное обращение многих сегодня к Ялте 1945 года дает возможность через опыт Ялтинско-Потсдамской системы наметить основные черты новой, более сбалансированной и справедливой системы международной безопасности.

Во-первых, признание многополярности мира и учета равноправных интересов всех государств и народов планеты. Баланс в Европе и мире сил и интересов, предполагающий ответственность за политическое, экономическое и территориальное равноправие государств – постоянных членов Совета Безопасности ООН. Даже в среде мировых пацифистов признается, как отмечает Р. Макнамара, необходимость обеспечения всех государств гарантиями против внешней агрессии [7, р. 3-4].

Во-вторых, укрепление пошатнувшейся роли Организации Объединенных Наций с наделенным властными полномочиями Советом Безопасности во главе, прекращение одностороннего попраiania международного права и напоминающего недобросовестную конкуренцию объявления санкций одними государствами в отношении других.

В-третьих, восстановление значения международного правопорядка как системы глобальных общественных отношений, урегулированных правом.

И, наконец, в-четвертых. Пора осознать тупиковость формирования современных межгосударственных отношений вне общей цели формирования системы устойчивого развития человечества. Эпоха неустойчивого развития государств себя исчерпала. Как никогда ранее очевидно, что только глобальный мир может обеспечить сохранение глобальной окружающей среды в качестве основы существующего развития всех.

Это первоочередные выводы, которые хотелось бы наметить, приложив к сегодняшней международной ситуации уроки Ялтинской конференции лидеров Антигитлеровской коалиции в феврале 1945 года.

Источники и литература

1. Бабурин С.Н. Геополитический смысл Ялтинской (1945) конференции // Российский путь: утраты и обретения. – М., 1997.
2. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941 - 1945 г. Т. 5. – М., 1963.
3. Крымская конференция руководителей трех союзных держав - СССР, США и Великобритании (4 - 11 февр. 1945 г.): Сб. док. – М., 1979.
4. Ленин В.И., Сталин И.В. О социалистическом государстве и советской демократии.

5. Послание Президента РФ Путина В.В. к Федеральному Собранию от 18 марта 2014 г. – М., 2014.
6. Стоун О., Кузник П. Нерассказанная история США: пер. с англ. – М., 2015.
7. McNamara R. The Changing Nature of Global Security and Its Impact on South Africa. Address To the Indian Defense Policy Forum. – New Delhi, 20 November, 1992 (Washington D. C., December, 1992).

Анри Тампль

Национальное государство как основа существования новой Европы в современных геополитических условиях

Я присутствую здесь, на этой конференции, как философ и юрист, друг рода человеческого, и я глубоко опечален, что и спустя 70 лет в Европе ведутся войны, – недавно в бывшей Югославии и теперь на Украине. Прослеживаются аналогии в двух случаях. Бессмысленные жертвы невинного гражданского населения и детей. Мы никогда с этим не смиримся.

Я европеец, и я им чувствую себя повсюду в моей Европе. Я не нуждаюсь в чужом одобрении, особенно со стороны тех, кто льет масло в огонь, из Брюсселя или Вашингтона. Европа принадлежит европейцам, и Россия является ее частью, беря за основу ее историческую территорию.

Но это не означает, что я безоговорочно поддерживаю все, что происходит на Украине, с той или другой стороны. Мы, народы Европы, должны со всей самостоятельностью и уважением говорить друг с другом и заложить основы нового сотрудничества. Мы договоримся о его формах и будем его обеспечивать.

Наконец, – и я взвешиваю каждое слово, произнося, – что права России на Крым – основательные и давние. Индоевропейский в течение тысячелетий, силой присоединенный к Османской империи в течение трех веков, снова завоеванный в XVIII столетии, потом оказавшийся в советском административном пространстве, где границы и присоединения не имели политического значения, Крым стал после распада СССР частью Украины. Населенный русскими и русофилами на 70% в течение двух веков, Крым вернулся в Россию. И если в юридическом плане это может вызвать недоумение у некоторых, то по форме, с исторической точки зрения, это может быть оправдано. Так как нации не могут быть расколоты или силой принуждены жить вместе, если у них на это нет консенсуса.

Ну, а теперь подходящий момент сказать о Ялтинских соглашениях и о будущем Европы:

1. Мир 1945 года и связанные с ним риски больше не существуют.

2. Современный мир и связанные с ним риски не существовали в 1945 году.

3. Мир и новая Европа находятся в ожидании нужных решений, соответствующих новому времени.

4. Элементы новой парадигмы.

1. Мир 1945 года и связанные с ним риски больше не существуют. Если говорить о том, что мир в соответствии с ялтинским договором продержался до 1993 года, то это было сделано искусственным образом. За основу была выбрана политическая и военная форма, но не гуманная и национальная.

Впрочем, так называемый «раздел мира» с февраля 1945 года был неприемлем для свободной Франции генерала де Голля, отсутствующего в Ялте в момент, когда Франция окончательно присоединилась в борьбе против фашизма к тем, кто позже станет маршалом Леклерком и маршалом де Латром де Тассиньи и возьмет Страсбург, и прорвет немецкий фронт вплоть до Штутгарта.

Железный занавес и холодная война больше не существуют. С исчезновением СССР и прекращением действия Варшавского договора, НАТО выглядит аномалией.

Нет ни нацистских, ни фашистских, ни коммунистических режимов.

После 1945 года половина стран планеты в Африке, на Среднем Востоке, в Азии, Индии, на островах Тихого океана получили национальную независимость... СССР также принимал участие в этом процессе.

2. Современный мир и связанные с ним риски не существовали в 1945 году.

2.1. Появились новые гиганты, еще неустойчивые, но пытающиеся конкурировать с давними супердержавами: Китай, Индия, Бразилия... Может быть, завтра это будет Африканский континент?

А Западная Европа сама выбрала себе экономическую и политическую конструкцию. Пока еще не военную. Но этот технократический и бухгалтерский каркас вызывает все больше резкой критики, а теперь даже пересмотра (Греция, Испания, Италия, Франция, Великобритания и даже Германия). Ее зависимость от международной финансовой системы, от НАТО, от ВТО является рекуррентной проблемой. Проблемой с большой буквы.

2.2. Но вот появляются новые риски, глобальные, о которых и думать не могли в 1945 году.

- перенаселение нашей планеты. 1 млрд в 1910 году; 2,2 млрд в 1945; 7,2 млрд в 2015 году.

И 15 млрд в 2050 году...

- массовая миграция дестабилизирует принимающие народы и вновь прибывшие и приводит к драмам.

- эта огромная масса населения и новые технологии в промышленности и сельском хозяйстве приводят к соответствующему загрязнению планеты.

- быстрая и неуклонная урбанизация уничтожает земли и социальные связи и ведет к потеплению климата.

- истощение природных ресурсов, под землей, в море, в воде.

2.3. Но наихудшее – это угрозы морального порядка. Они подвергают опасности само Человечество в своей сущности:

- исламский терроризм и проявление экстремизма,

- космополитическая финансовая олигархия, циничная спекулятивная деятельность финансовых и коммерческих структур свели на нет национальную самобытность и общечеловеческие ценности,

- безработица и в то же время неоправданное и возмутительное богатство,

- аморальность и трафик всякого рода, наркотики, коррупция,

- отход от демократических правил, например, дважды в самой Европе. Вопреки тому, что народы Европы проголосовали против так называемой «Европейской Конституции», она была навязана в 2008 году европейцам. И второй пример, когда народу Греции было отказано в праве в 2011 году провести референдум по евро...

NB: Лишь одна угроза, начиная с 1949 года, была и существует по сей день, в 2015 году, это желание господства США и доминирования НАТО.

3. Мир и новая Европа, которую нужно строить, находятся в ожидании нужных решений, соответствующих новым временам.

Может быть, сегодня, в Ялте, в феврале 2015 года увидят свет новые идеи и чаяния, чтобы успокоить взаимоотношения в большой и старинной европейской семье, принадлежащей к христианской культуре. Европа так много принесла человечеству: философию, роскошную литературу, музыку, великолепную живопись и скульптуру, науку и технику, моральные, человеческие и социальные ценности. Сможет ли она, эта Европа, неспособная сегодня, сама распорядиться своей судьбой, без иностранного вмешательства, без уступок и без чрезмерной гордыни? Сможем ли мы, мужчины и женщины этой Европы, быть преемниками наших созидателей, благотворителей, всемирно признанных гениев?

3.1. Выход из нашего кризиса должен непременно решаться философскими, мирными, суверенными, независимыми, демократическими путями.

Надо уважать нации, их чаяния быть самими собой, сохранять свой язык, свою историю, свою культуру, свое своеобразие, основанное на консенсусе.

Право народов на самоопределение будет философской основой для любого разрешения, будь это Украина или еще где-то. Как говорил Джон

Стюарт Милль по поводу «национального чувства»: «есть суверенное право выбора, с кем объединиться в нацию... чтобы соединить всех членов одной национальности под одним руководством... это означает, что вопрос об управлении должен решаться управляемыми...»

3.2. Принцип невмешательства будет вторым столпом новой Европы. НАТО сыграло в опасную игру на Майдане, и факт применения санкций против России является отклонением от нормы, цель которых усугубить кризис; от этого не выигрывают ни западные, ни восточные европейцы и, напротив, приводит к их искусственному расколу с одной лишь целью – господствовать. Весь этот задуманный хаос – идея вступления Турции в ЕС, война в Югославии – лишает силы такого серьезного конкурента США как Европа, способного организовать сотрудничество в своих рамках, от Запада до Востока.

В то же время не следует забывать о возможном появлении зон вне права и вне демократии. Потому что принцип невмешательства должен быть совместным.

Недоверие должно быть отброшено с обеих сторон.

4. Элементы новой парадигмы

4.1. Высшая цель – это мир и демократическая свобода народов и наций. Это предполагает, что мы не станем возводить в догму неприкосновенность границ, если они разделяют нации или, напротив, объединяют их силой. Нация более значима, чем государство, которое является ее политическим костюмом. Ни один человек не должен быть вынужден страдать в своей нации, а именно, если эта нация переполнена миграционными потоками.

4.2. Последняя цель нашего хода рассуждений, – как мечтали древние греческие философы, которые, может быть, наведывались в Крым, – дать возможность европейскому человеку, освободившись, наконец, от неестественного и устранимого политического и экономического стресса, найти пути счастья. Реализуя себя в понимании чудесного мира, которым он владеет. Потому что познание приближает нас к истине (Спиноза) и Истина сделает вас свободными (евангелие от Иоанна). И нет счастья без свободы. Мы должны избавиться от идеологий и политических расчетов ушедшего прошлого, которое некоторые хотели бы сохранить навсегда для того, чтобы поддерживать планы порочного господства и финансовых спекуляций. Как сказал французский писатель Ромен Роллан, «есть только один в мире подвиг – это видеть мир таким, какой он есть, и любить его». Так полюбим же его!

В.П. Козин

Особенности «холодной войны 2.0» и пути ее преодоления

Хотя «холодная война» была официально завершена принятием «Парижской хартии для новой Европы» 21 ноября 1990 года, этот особый вид войны никогда не прекращался. Более того, первая «холодная война» на рубеже 2014-2015 годов приобрела принципиально новое измерение. Она вступила в свою новую фазу или в «более холодную войну», чем прежняя (по-английски «the Colder War»).

Итак, мечты многих государственных деятелей, что после проведения Ялтинской конференции лидеров Советского Союза, США и Великобритании 70 лет тому назад, эта «тройка» создаст прочные основы союзничества и в послевоенные годы, оказались нереализованными. Желание трех держав-победительниц перенести опыт взаимодействия, достигнутый в годы войны, на мирный послевоенный период, о чем говорилось в итоговом документе Ялтинской конференции, оказалось забытым. Фултонская речь Уинстона Черчилля в марте 1946 года, создание НАТО в апреле 1949 года и подписание директивы Трумэнном о развертывании ядерного оружия США Европе в сентябре 1950 года окончательно похоронили эти иллюзии.

Был забыт и более поздний лозунг, провозглашенный Советом Россия-НАТО в Лиссабоне в ноябре 2010 года, который призвал создавать между сторонами «подлинное стратегическое и модернизированное партнерство, основанное на принципах взаимного доверия ..., с целью внести свой вклад в создание единого пространства мира, безопасности и стабильности в Евроатлантическом регионе».

Но ради возвращивания еще одного антироссийского союзника в лице Украины и решения еще ряда задач усилиями ведущих стран трансатлантического альянса на рубеже 2014-2015 годов была начата новая фаза «холодной войны», которая стала более непредсказуемой и более опасной, чем ее послевоенный вариант.

Отличительными чертами новой фазы «холодной войны» являются:

Отличие первое. Это участвовавшие попытки незаконной смены власти на постсоветском пространстве, в особенности, с помощью специаль-

ных служб ведущих стран НАТО, с широким использованием СМИ, информационных и коммуникационных технологий, а также некоммерческих (неправительственных) организаций.

В частности, на Украине с целью свержения президента Виктора Януковича в феврале прошлого года были выделены не только 5 млрд долларов по линии открытых государственных структур США, но и еще 5 млрд. долларов по каналам ЦРУ. Неизвестно, сколько миллионов долларов было доставлено в период «майдана» в Киев диппочтой из Варшавы и Вашингтона. Но хорошо известно, что для обеспечения победы прозападного кандидата на президентских выборах 2004 года на Украине Вашингтон активно финансировал до 400 различных украинских НКО, связанных с проведением выборов и распространением общественно-политической информации.

Второе отличие. Это достигнутая качественно более высокая степень массированного наращивания военного потенциала и военной активности НАТО по периметру границ Российской Федерации – по явно заниженным данным генерального секретаря НАТО Йенса Столтенберга, такое усиление преодолело пятикратный рубеж. Только активность ВВС 15 стран-членов НАТО в рамках операции «Балтийское воздушное патрулирование» в государствах Балтии возросла более чем 1200 раз при расчетах в самолето-днях и если учесть, что эта операция проводится круглосуточно и круглогодично. Россия не может не учитывать, что четыре типа самолетов, используемых в ходе этой операции, имеют двойное назначение, то есть являются потенциальными носителями тактического ядерного оружия.

К 150 военным базам Соединенных Штатов и их союзников, расположенным в непосредственной или относительно близкой удаленности от российских рубежей, добавились еще восемь военных баз, а также два командно-управленческих центра НАТО (будут добавлены еще четыре). Появляется тяжелая американская военная техника, самолеты дальнего радиолокационного обнаружения. Возросло количество военных учений и маневров ведущих стран альянса у российской территории: каждое новое учение начинается через день.

Произошло увеличение общего количества внешних угроз и опасностей против России: с 13 угроз в период принятия Военной доктрины в 2010 году до 17, что нашло свое отражение в актуализированной Военной доктрине Российской Федерации, одобренной 26 декабря прошлого года.

Наибольшая военно-стратегическая опасность появится в ближайшие годы. Предположительно через 5-6 лет Соединённые Штаты произведут больше ракет-перехватчиков глобальной системы ПРО наземного и морского базирования, чем останется у России стратегических ядерных средств в соответствии с положениями Пражского договора

СНВ-3 после его полной реализации в 2021 году. Прикрывшись мощным «противоракетным щитом», США могут нанести первый ядерный удар по любому из семи государств, которые перечислены как объекты «инициативного» ядерного нападения в их «генеральном плане ведения всеобщей ракетно-ядерной войны». Создание такого специфического американского «щита» с помощью ряда других государств-членов НАТО не ограничивается никакими международно-правовыми обязательствами. Если не принять соответствующих ограничительных мер, то стратегическая стабильность в мире может быть основательно подорвана.

Описанная ситуация усилится тем обстоятельством, что в соответствии с решениями саммита трансатлантического альянса, состоявшегося в Чикаго в мае 2012 года, такая противоракетная инфраструктура в стратегически-оперативном плане стала «сцепленной» с ракетно-ядерными и обычными средствами США и НАТО. Формулировка о создании такого механизма вновь появилась в итоговом документе недавнего саммита Североатлантического союза, проведенном в британском Ньюпорте в сентябре прошлого года.

Третье отличие, которое самым непосредственным образом связано с предыдущим пунктом. Это полный застой в решении проблем контроля над вооружениями в условиях, когда между Россией и США имеется целый ряд нерешенных проблем в этой сфере.

В частности, нет никаких переговоров ни в ракетно-ядерной сфере, ни по запрещению противоспутниковых систем, ни по сокращению избыточных обычных вооружений, ни по ограничению масштабной военной деятельности, ни в других сферах.

Следует напомнить, что в период «холодной войны 1.0» было заключено в общей сложности семь соглашений об ограничении и сокращении стратегических наступательных вооружений, две конвенции о запрещении двух классических видов оружия массового поражения, соглашение о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, несколько международных договоров об использовании космического пространства в мирных целях, о мерах доверия в военной деятельности на суше и на море, многосторонний договор об ограничении обычных вооружений в Европе.

Четвертое отличие первой фазы «холодной войны» от второй заключается в том, что западные страны стали использовать финансово-экономические санкции против России в гораздо более широких масштабах, чем прежде – как по объему, так и по отдельным направлениям секторального и даже персонального характера.

Если бы такие санкции были введены в отношении Украины, то необъявленная война нынешних киевских лидеров против народа Донбасса уже была бы давно прекращена.

С другой стороны, любое усиление названных санкций против России

никогда не приведет к отказу ее граждан от нынешнего статуса Крыма, который навечно «вернулся в родной дом». Крым был, есть и навсегда будет оставаться российской землей. Он больше никогда и никому не будет передан или подарен. Если этого еще не поняли в Вашингтоне и в столицах многих европейских государств, то это их собственные проблемы.

Пользуясь случаем, поздравляю всех крымчан с долгожданным воссоединением Республики Крым с ее исторической, экономической, культурной и духовной Родиной. Честь и слава мужеству и стойкости ваших граждан, столь широко и динамично проявленные в те драматические весенние дни прошлого года.

Пятое отличие. Появилась более милитаристская и воинственная антироссийская риторика, зачастую с прямыми угрозами в адрес России. Применительно к ней повсеместно используются термины: «агрессия», «аннексия», «нарушения международного права», предупреждения, что Россия за свою политику на международной арене «заплатит высокую цену». Барак Обама уже трижды публично делал одно и то же заявление о том, что из-за своих действий Россия занимает промежуточное место между лихорадкой Эбола и террористическим псевдогосударственным образованием ИГИЛ. Известное высказывание Рональда Рейгана, произнесенное 11 августа 1984 года перед включенным микрофоном о том, что он объявил Советский Союз «вне закона» и отдал приказ начать его бомбардировку «через пять минут» на фоне этих высказываний Барака Обамы выглядит просто глупой шуткой.

Но подобные высказывания нынешнего американского президента в адрес России – это не шутка. Это крайне опасные высказывания, имеющие далеко идущие негативные последствия. Похоже, что менталитет «холодной войны» в военно-политическом руководстве США и НАТО не исчез. Наоборот, он крепко засел в их представлениях о развитии мира и своей роли в нем.

Результат: нынешняя новая фаза «холодной войны» может оказаться долговременной и более опасной, чем «холодная война», продолжавшаяся почти 70 лет. Она порождает новые опасности: новая фаза «холодной войны» приведет к дальнейшей милитаризации США и Североатлантического союза и к усилению их агрессивности.

Эта новая фаза затормозит процесс общения лидеров великих держав, который является крайне необходимым, в особенности, в периоды кризисов. Эта фаза негативно скажется на продвижении сбалансированного контроля над вооружениями и на общемировых военных расходах. Эта фаза отложит на долгие годы реализацию идеи о создании безъядерного мира.

Как недавно отметил ветеран американской дипломатии и политологии Генри Киссинджер «новая холодная война» существует и представ-

ляет собой опасность, игнорирование которой может превратиться в «трагедию».

Эта трагедия заключается в том, что новая фаза «холодной войны» может постепенно трансформироваться в «горячую войну». Ее критическая масса для этого изо дня в день накапливается. Она не исчезает и не уменьшается.

Пример пока ограниченной «горячей войны» – геноцид, развязанный нынешними антиконституционными руководителями Украины на Донбассе. Такого безжалостного примера уничтожения своих собственных граждан с помощью тяжелых вооружений, запрещенных кассетных и фосфорных боеприпасов Европа давно не знала. Свыше 5 тысяч убитых и более 12 тысяч раненых мирных граждан Донбасса (по состоянию на 3 февраля 2015 г.), а также свыше миллиона внешних беженцев из Украины в различные страны, но в основном в Россию (900 тыс. человек по состоянию на 20 января 2015 г.) – это прямой укор не только Киеву, но и Вашингтону, Лондону, Берлину и Парижу.

При полной моральной и военно-технической поддержке США и их союзников по НАТО Киев не желает прекращать преступную и масштабную необъявленную войну против народа Донбасса, которая однозначно подпадает под определение «военные преступления», под термин «преступления против человечности», под политику геноцида. Это не гражданская война. Ополчение воюет не с гражданским населением Украины, а с армией Украины и разного рода террористическими вооруженными группировками типа «Азова», «Айдара» и т.д. Употреблять термин «гражданская война» в данном контексте – это значит ставить на одну доску киевских военных преступников и защитников Новороссии – самоотверженных борцов за свободу.

Фактически именно Украина является государством-агрессором – агрессором против своего собственного народа. В Киеве и во многих западных столицах не понимают двух основополагающих вещей: 1) безжалостно убивая своих собственных граждан, Украина убивает свое собственное геополитическое и экономическое будущее: в огне необъявленной войны гибнет самая активная и трудоспособная часть населения страны; 2) огнем и мечом украинские лидеры не решат в свою пользу проблему Донбасса, не желающего жить в составе столь антигуманного государства, каковым себя проявляет Украина.

Реализуя такую политику, Украина грубо нарушает Устав ООН, Хельсинкский Заключительный акт, документы ОБСЕ и Будапештский меморандум 1994 года. К сожалению, страны НАТО и ЕС помогают ей в этом. Не только морально или экономически, но и поставками летальных, смертоносных видов вооружений.

Ни президент Барак Обама, ни его министры так и не ответили на простой вопрос: для чего они совершили антиконституционный переворот в

Киеве в феврале прошлого года, ради каких целей они стали поставлять смертоносные вооружения украинским вооруженным силам. И не ответят. А тем временем ВСУ уже поставляются не только автоматические винтовки и оптические прицелы, но и противотанковые и переносные зенитные комплексы, минометы и боеприпасы к ним.

Но и без разъяснений Вашингтона ответ предельно ясен – для чего он и его союзники военно-политическим путем вмешались в дела Украины.

Вмешались, преследуя свои долговременные стратегические цели широкого спектра.

Применительно к России: это геополитические цели – ослабить ее военно-политический и финансово-экономический потенциал и впоследствии дезинтегрировать ее, а также создать как можно большее количество прозападных, антироссийских государств по периметру российских границ. Применительно к России – это также желание США и НАТО внедрить даже не «замороженный конфликт» на Украине поближе к российским рубежам, а поддерживать постоянно разгорающийся конфликт для оправдания своей военной активности у нашего порога и в качестве средства сталкивания славянской цивилизации во взаимно уничтожающем противоборстве.

Как отмечал в прошлом году американский политолог Стивен Коэн: «Нынешний кризис – наихудшая и потенциально самая опасная конфронтация между США и Россией после окончания Карибского кризиса. Это новая “холодная война”, и ее эпицентр в настоящее время находится не в Берлине, а ближе к границам России».

Применительно к России – это одновременно стратегическая цель персональной направленности: подорвать престиж президента Владимира Путина (задача минимум) и добиться его свержения (задача максимум), заменив на более либерального лидера, безропотно воспринимающего решения Запада. В более широком контексте – давно ставится задача создать в научно-интеллектуальных и производственных сферах России элиту, устойчиво ориентированную на Запад.

Применительно к НАТО – это постановка перспективной цели: укрепить трансатлантические связи, повысить военные расходы альянса и его силовой потенциал в глобальном масштабе в виде Объединенных оперативных сил повышенной степени развертывания.

Применительно к Европе ставится параллельно иная стратегическая задача: ослабить конкурентоспособность европейской торговли и экономики относительно американской, но без их глубокого подрыва. В частности, применительно к России и Германии – это не допустить «опасный» для США союз немецких технологий и капитала с громадными российскими природными и человеческими ресурсами.

Нынешняя конференция в Ливадии проводится накануне очередной Мюнхенской конференции по вопросам безопасности, которая состоит-

ся 6-8 февраля. Ее председатель, бывший высокопоставленный немецкий дипломат Вольфганг Ишингер, распространил специальный «Мюнхенский доклад по безопасности-2015».

Но доклад не содержит рекомендаций по укреплению европейской безопасности. Да и на самой Мюнхенской конференции, за редким исключением, вообще не даются рецепты в этом направлении. На 70 страницах документа проигнорированы такие важнейшие для глобальной и европейской безопасности темы, как продолжающееся развертывание системы ПРО США в Европе; сохраняющееся на европейском континенте американское тактическое ядерное оружие, которое подвергается глубокой модернизации; наличие у США стратегий «наступательного ядерного сдерживания» и «расширенного ядерного сдерживания», которые предусматривают нанесение первого ядерного удара по большой группе государств; забыта важность выработки принципиально нового Договора об обычных вооруженных силах в Европе.

Резюме: новая фаза «холодной войны» реально может превратиться в «горячую войну». Инициаторами качественно новой фазы «холодной войны» являются США и ведущие страны НАТО, несмотря на их заявления о полной непричастности к ней и о том, что такая война закончилась 25 лет назад. Их причастность к ней налицо. Острие такой войны направлено не только на Россию. Пагубность негативных последствий такой войны проецируется не только на российско-американские и российско-натовские отношения, но и на глобальную ситуацию в целом.

Россия не может позволить появления ни новой фазы «холодной войны», ни какой-то «горячей войны» – ни для себя, ни для всего остального мира.

Срджа Трифкович

Россия и Запад:
геополитический и культурный раскол в прошлом,
настоящем и будущем

Прошлое: допущенная, но не принятая Россия

При Петре I Россия, наконец, обрела статус крупной европейской державы. По словам Гавриила Головкина, «Россия была допущена в круг политически мыслящих стран». Однако так ли было на самом деле? Россия была допущена, но едва ли когда-либо была принята остальной Европой. Ее роль в кругу «политически мыслящих стран» оставалась амбивалентной. До Революции Россия стремилась стать полноправным членом клуба, соблюдая его установленные правила и время от времени стараясь помочь в деле их выработки и претворения в жизнь, как это было в Вене в 1815 году и после.

В то же время европейские политики последовательно воспринимали Россию как аутсайдера, которого неохотно, скрепя сердце пустили к столу. Причиной этого допуска стала растущая военная и политическая мощь России. Другие действующие лица вовсе не считали, что у России есть такое же право сидеть за общим столом, как у Англии, Франции, Пруссии или Австрии. Это глубокое предубеждение, зачастую выливавшееся в открытую антипатию, основывалось на имплицитном допущении, что Россия не является «нормальной» державой.

В лаконичной форме это отношение изложил Генри Киссинджер, заявивший, что экспансионизм имперской России был лишен каких-либо внутренних ограничений, следовательно, сдерживать его можно было исключительно силой («Россия всегда предпочитала риск потерпеть поражение компромиссу»):

«Абсолютный характер царской власти позволял правителям России вести своевольную и идиосинкразическую внешнюю политику... В целях укрепления своей власти и прекращения конфликтов между различными народностями, населявшими империю, все правители России активизировали миф о некоей серьезной иноземной угрозе, накликав со временем беду, погубившую европейскую стабильность».

Это поразительное утверждение. Его произнес ученый и государ-

ственный деятель, сведущий в вопросах истории. При этом неточность высказывания шокирует. Прежде всего, «серьезная иноземная угроза» – не миф, а историческая константа. Центральная часть России лишена природных барьеров, и это обстоятельство искушало разных западных захватчиков в разные времена: тевтонских рыцарей, поляков, шведов, Наполеона, кайзеровскую Германию, Гитлера... Однако если опасение царей относительно внешней агрессии считается «накликиванием беды», то такой вердикт априори лишает всякой рациональности вполне разумное стремление российских правителей добиться стратегической глубины, выиграть время, приобретя пространство.

Утверждение, что «все российские правители» активизировали этот «миф», опровергается устойчивыми попытками Екатерины II, Александра I и всех четверых следовавших за ним императоров действовать в рамках европейской парадигмы баланса сил. Во времена их царствования правительство в России было, возможно, не столь умелым и успешным, как в странах континентальной Европы, но фундаментально ничем от западных не отличалось. Внешняя политика России проводилась в соответствии с принципом баланса сил – краеугольного камня всеобщей дипломатии.

Целое столетие постоянной российской экспансии – от Петра I до Александра I – может быть охарактеризовано как прагматическое упражнение в управлении геополитическими рисками. Даже в перспективе Россия не задумывалась о глобальных границах, чего не скажешь об амбициях и размахе военно-морских держав (тогда Британии, сейчас Америки). Амбиции России были ограничены Вислой на западе, проливом Босфор на юго-западе, Кавказом и Персией на юге, рекой Ялудзыан на Дальнем востоке. Именно это имел в виду Василий Ключевский, когда писал, что при Екатерине международный горизонт России расширился дальше ее новых пределов: «Держава второго класса стала считаться первою военной державой в Европе и даже, по признанию англичан, «морским государством, очень почтенным».

Российскую силу уважали, но уважения к самой России не было. В 1814-1815 годах Россия вполне могла претендовать на европейскую гегемонию. Для этого у нее были все военные, материальные, логистические и психологические предпосылки, о чем свидетельствует смор царем 160-тысячной русской армии в полях под Парижем. Если бы Киссинджер был прав, то Россия попыталась бы стать гегемоном. Однако Александр I предпочел воссоздать систему баланса сил, пусть и не без идеологического фундамента, подложить который было разумно – в качестве противовеса революционной идеологии, способной подорвать установленный порядок. Как сказал царь Шатобриану, политика в Европе должна была стать не английской, французской, русской, прусской

или австрийской, но «общей политикой, которая ради всеобщего блага должна быть принята всеми государствами и народами».

У некоторых стремление Александра установить новые институциональные рамки международных отношений вызвало немалое удивление. Так, Меттерних писал о царе: «В его характере не было достаточной силы для настоящего честолюбия, как не хватало ему и слабости для простого тщеславия». Талейран намекал на психическую неуравновешенность монарха: «Неслучайно он сын императора Павла». Спустя почти две сотни лет Киссинджер написал, имея в виду проект Священного союза: «Даже когда Россия стремилась добиться легитимности в глазах Европы, ее подход был более мессианским – а, следовательно, империалистическим – чем у других, более консервативных правительств».

Так вот в чем дело. С одной стороны, Россию следует осуждать и сдерживать силой, когда она расширяет границы в целях собственной безопасности, поскольку предполагается, что побудительным мотивом для ее экспансии является бредовый миф о внешней угрозе, призванный скрыть необузданную манию величия. С другой стороны, ее нужно столь же гневно бранить, когда она воздерживается от экспансии в пользу создания и поддержания всеобщего миропорядка (как Александр в Вене). Когда превосходящая сила России была направлена на службу согласованному статус-кво с целью защитить принцип династической легитимности, это, оказывается, было проявлением «мессианства, а следовательно имперской амбиций».

Сравните это беспощадное определение с тем, как одобрительно тот же Киссинджер пишет об американской исключительности в своей книге «Мировой порядок» (2014 год): «Исключительность Америки следует постоянно утверждать... Америка, являя собой решительную артикуляцию стремления современного мира к свободе и будучи необходимой силой, способной защитить ценности гуманизма, должна сохранять умение ориентироваться». Это четкое выражение идеи, согласно которой Америка является «проектным государством», «светом миру». Америка – не «нормальная» страна, чьи интересы безопасности рационально очерчены, а политика определяется балансом издержек и выгод, а идеологический проект, самоотверженный спаситель человечества.

Киссинджер обвиняет Россию в том же самом, но в ее случае это скорее грех, чем добродетель. Он пишет, что Россия была склонна необоснованно утверждать свою исключительность, действовать как государство, которое, в отличие от западноевропейских держав, воспринимало себя не в категориях нации, а в категориях самоцели, движимой верой и внеположной геополитике». Это пылкое «мессианское чувство» стало проклятием для России и всего мира, заключает Киссинджер, и проложило путь к большевистскому всемирному миллениаризму.

Дуайен американского внешнеполитического истеблишмента убива-

ет таким образом двух зайцев. Если глобальный миропорядок находится в кризисе, то Исключительная Америка должна сыграть решающую роль в создании нового. Когда же Россия пыталась сделать нечто похожее два века назад, не в качестве гегемона, а в качестве партнера в общем предприятии, это было лишь очередным доказательством ее имперских замыслов. Этот подход сжимается до идеологии и эмоций: наша декларированная исключительность – это «необходимая геополитическая сила для защиты ценностей гуманизма», а ваша – психоз, бред и угроза миру в Европе.

На самом деле, главной стратегической ошибкой XIX века (а, возможно, и единственной!) стало подавление Николаем I венгерского восстания и поддержка Габсбургов. Но и эта ошибка была совершена не под знаменем мессианской страсти, а во имя сохранения династической преемственности и европейской стабильности. Более того, это вмешательство в венгерские дела противоречило национальным и государственным интересам России. О венской «признательности» очень точно высказался князь Шварценберг: «Австрия потрясла мир глубиной своей неблагодарности». Речь идет о Крымской войне, поднявшей первую волну управляемой русофобии на Западе и особенно в Британии. Эта волна была расистской и оскорбительной и сопровождалась демонизацией России и русских. О Франции и французах в Лондоне ничего похожего не говорилось и не писалось даже в разгар робеспьеровского террора или во время войн против Наполеона. Русофобия стала яркой чертой имперского мироощущения викторианской Британии. Как писал Мартин Малиа в 1999 году в своей книге «Россия в глазах Запада», «чемпионы современного мира по империализму, британцы, находились в перманентном состоянии истерии, вызванном фантазиями о России, переваливающей через Гималаи в Индию».

В конечном счете, современный западный невроз в отношении России можно связать с долгоиграющим европейским беспокойством по поводу «азиатской, деспотичной России», бастиона примитивной архаичности, чье сопротивление «европейским ценностям» невыносимо и опасно. Эта прочно укоренившаяся враждебность по отношению к России как «совершенно иному» нашла отражение в опубликованных в начале XIX века «Письмах из России» маркиза де Кюстина, который писал, что «налет европейской цивилизации здесь слишком тонок, чтобы считаться заслуживающим доверия».

Расчеты Сталина семидесятилетней давности также не имели ничего общего со «страстным мессианским чувством», о котором пишет Киссинджер. Он отправился в Ялту не выторговывать для Советского Союза сферу политического и военного влияния в Восточной и Центральной Европе, но, скорее, для того, чтобы включить эти последствия (если это было возможно) в рамки трехстороннего сотрудничества после войны.

Для него главной задачей встречи было достичь соглашения о послевоенной имплементации договоренностей, уже достигнутых в Москве, а не развивать их. У Сталина не было никаких иллюзий относительно того, каким будет мировой порядок после войны. На мир он смотрел в духе Гоббса и был готов поддерживать неовильсоновскую модель, предложенную Франклином Рузвельтом, до тех пор, пока она отвечала его пониманию безопасности советского государства.

Из меморандума Литвинова 11 января 1945 года («К вопросу о блоках и сферах влияния») следует, что Сталин и советская дипломатия избрали реалистичную позицию обеспечения безопасности своей страны, в которой не было ничего из старого марксистского риторического багажа. Литвинов вновь предложил разделить Европу на британскую и советскую сферы интереса. По его мнению, запланированные трехсторонние дискуссии с участием американцев не исключали возможности заключения двухсторонних договоренностей между Лондоном и Москвой. Литвинов считал, что такие соглашения не стоило заключать с США из-за их известной нелюбви к идее традиционных сфер влияния. Двухсторонние соглашения, как утверждал Литвинов, имея в виду уже предложенное образование ООН, не должны зависеть от устройства любых будущих международных организаций безопасности.

Этот язык хорошо бы поняли Меттерних или Бисмарк. В то же время Вудро Вильсон и Ленин или другие большевики-интернационалисты нашли бы его отвратительным 25 лет назад, причем каждый по своим причинам. Можно держать пари, что такой бывалый сотрудник, как Литвинов, не использовал бы этот язык, если бы не был уверен в том, что он соответствует общей позиции Кремля.

Настоящее: холодная война так и не закончилась

Прошло 70 лет. Россия подвергается многочисленным и опасным вызовам со стороны Запада в целом и США в частности. В обозримом будущем ей продолжат их бросать. Некоторые аналитики назвали прошлогодние события «новой холодной войной», однако они не правы: холодная война так и не закончилась, и свидетельством тому стали два этапа расширения НАТО после распада СССР и второй украинский кризис за последнее десятилетие.

Вызовы, на которые вынуждена отвечать Россия, не связаны с ее актуальной политикой. Они отражают то глубокое отвращение, которое питают к России западные политические и медийные элиты. Эта враждебность реальна, в своем нынешнем виде она развивалась начиная с Крымской войны.

Можно говорить о двух столпах западной и, в первую очередь, англо-американской русофобии. Во-первых, это геополитика, а именно стремление морских империй (Британии до Первой мировой войны и

США после Второй) сдержать и, если удастся, удушить так называемый Хартленд, в центре которого, конечно, находилась Россия. Во-вторых, это культурная неприязнь, восприятие России как «совершенно иного» западной элитой и вытекающее из этого желание не просто повлиять на российскую политику и нравы, но и произвести необратимую смену режима в Москве – и целиком трансформировать российскую идентичность в русле западного постмодерна.

Что касается геополитики, то основная формула Маккиндера, которой уже больше ста лет, по-прежнему актуальна: кто владеет Восточной Европой, тот владеет Хартлендом; кто владеет Хартлендом, тот владеет «мировым островом»; кто владеет «мировым островом», тот владеет всем миром.

В 1942 году Николас Спикмен писал, что в XIX веке российскому натиску со стороны Хартленда противостояла военная мощь Британии. Это была «большая игра». Судьбой Америки было занять в ней место Англии после Второй мировой войны. За 6 месяцев до Сталинградской битвы Спикмен писал, что «русское государство от Урала до Северного моря ничем не лучше немецкого в тех же границах». Для Спикмена ключевым было побережье на границе с Хартлендом, которое он называл «Римлендом». Он соответствующим образом изменил формулу Хэлфорда Маккиндера: «Кто владеет Римлендом, тот владеет Евразией; кто владеет Евразией, тот владеет судьбами мира».

Спикмен умер в 1943 году. Однако его идеи спустя 4 года нашли отражение в стратегии сдерживания Гарри Трумена. Основой американской стратегии в холодной войне было удерживать Римленд, начиная с Норвегии, сквозь Центральную Европу до Греции и Турции (НАТО), начиная с Турции, сквозь Ближний Восток до северного побережья Индийского океана (ОЦД), а также на Дальнем Востоке (в Корее и на островах от Хоккайдо до Формозы). Сдерживание быстро сменилось мощным откатом, стоило Советскому Союзу распасться. В 1996 году Билл Клинтон нарушил договоренности об отказе НАТО от расширения, заключенные его предшественником. После этого Альянс подобрался к границам царской России. В 2004 году он дошел чуть ли не до пригородов Санкт-Петербурга.

Все это время Украина считалась самым лакомым куском, что, собственно, признал Збигнев Бжезинский. Украина имела ключевое значение для ограничения России выхода к Черному морю. Она была потенциальным геостратегическим ножом, приставленным к российскому горлу. Нынешний *Drang nach Osten*, вдохновляемый американцами, обретает, таким образом, талассократический геополитический смысл. Для Вашингтонской либеральной интервенционистско-неоконсервативной дуополии нет лучше способа обеспечить постоянный контроль США над европейским Римлендом, чем вовлечь Европу обратно в орбиту амери-

канской системы безопасности, а также помешать возможности полного российско-германского сближения.

В ближайшие два года – последние для Барака Обамы в Белом доме – глобальные кризисные явления, порожденные США, не будут преодолены. Вашингтон по-прежнему будет подталкивать своих протеже в Киеве к военному эндшпилю на Востоке. На Украине Исключительная Америка бросила России самый серьезный вызов за последнюю четверть века. Россия ответила на него недостаточно энергично. Неожиданным образом, надо сказать, российская разведка и специальные службы не смогли предотвратить майдан или противостоять ему. Особенно удивительно в этом то, что репетицию майдана мы видели чуть более десяти лет назад во время «Оранжевой революции».

Теперь России предстоит исправить эту ошибку, запустив долговременную стратегию смены режима в Киеве. Запад никогда не согласится с тем, что интересы России в «ближнем зарубежье» носят законный характер. Следовательно, Россия со стальной решимостью должна отстаивать свои государственные и национальные интересы, ясно осознавая, что санкции и общая демонизация продолжатся вне зависимости от того, что будет или не будет делать Москва. Если Москва не сможет предотвратить превращение Украины в русофобский Бандеристан, то прошлогоднее возвращение Крыма станет слабой компенсацией за общее ослабление российского геополитического положения.

Россия должна противостоять киевскому режиму повсюду, неустанно, явно и тайно, дипломатическими и другими средствами. Она должна вести более интенсивную информационную войну. Киевский режим навсегда утратил право владеть Новороссией. Теперь нужно способствовать необратимым изменениям в этом регионе, чтобы обеспечить его выживание в будущем. Кроме этого, Россия должна политически и финансово помогать становлению украинской оппозиции, помогать гражданским организациям и СМИ, не поддерживающим бандеровскую парадигму. Сейчас такой оппозиции, гражданских организаций и СМИ на Украине нет. Однако грядет украинский экономический коллапс, и у России может появиться возможность проводить такую политику, особенно к востоку от Днестра. России следует разработать общую стратегию распространения своей «мягкой силы» в этом регионе.

В то же время Россия должна закрутить на Украине экономические гайки. Москве нужно осознать, что до тех пор, пока нынешний режим находится у власти в Киеве, никакой стабильности и безопасности ждать не приходится. Лучший способ добиться утраты доверия путчистами – способствовать финансовому и экономическому коллапсу Украины. Россия должна сделать все возможное для того, чтобы ускорить и углубить этот процесс.

Я повторюсь: смена режима на Украине и ее денацификация являют-

ся для России экзистенциальным стратегическим императивом. И этой цели можно достичь. Расчленение, разделение Украины не станет жизнеспособной альтернативой. Даже если границы Новороссии удастся расширить до Харькова на северо-востоке и побережья от Мариуполя до Крыма на юге (что является довольно трудной задачей), оставшиеся под контролем бандеровцев регионы будут заряжены беспощадной русофобией. Более того, бандеровцам будет по-прежнему подчинена значительная часть территории центральной Украины к востоку и западу от Днепра. Следовательно, куда правильнее иметь дело с Украиной в ее нынешнем виде, хронически неконсолидированной и в настоящее время, и в обозримом будущем, и создавать условия для смены режима и денацификации.

Что касается сил НАТО и ЕС, то первым шагом должен стать отказ от дискредитировавшего себя «партнерства». Вводя санкции и совершая другие агрессивные действия, они сами напросились на решительный ответ. Российское правительство должно принять ряд мер, которые могли бы нанести ущерб коммерческим интересам стран, введших санкции. Это самый действенный способ добиться давления на власти этих стран со стороны бизнеса и профсоюзов с тем, чтобы они отказались от антироссийской политики. Прежде всего, Россия должна выработать стратегию дедолларизации глобальной финансовой системы. Москва должна задать всеобщий тренд, заменив нынешнего главу Центрального банка, национализировав его, продав все американские ценные бумаги, объявив о том, что никогда больше не станет их приобретать, а также заявив, что самое позднее к 2020 году она перестанет принимать оплату за газ и нефть в долларах.

Это необходимо сделать, поскольку Америка постоянно провоцирует кризисные явления по всему миру и продолжит это делать с удвоенной энергией, если республиканцы выиграют президентские выборы в 2016 году. Уже не в первый раз Россию втягивают в войну, которую она сама не провоцировала. Однако она должна признать, что участвует в войне, и действовать соответствующим образом – в собственных интересах и в интересах многополярного и более стабильного мира.

Эта война порождена не одними лишь геополитическими соображениями. Другая причина – внутренняя эмоциональная и культурная антипатия западной элиты по отношению к России. Джон Мейнард Кейнс, побывав в СССР в 1925 году, задавался вопросом, является ли «подавленность», которую он ощутил, «плодом некой чудовищности в природе русских». «Никакие люди, чернокожие, желтокожие или белые, не являются столь же лживыми, бесчестными и заносчивыми, как русские», - писал в 1905 году президент Теодор Рузвельт. Джулиус Роберт Оппенгеймер, физик-ядерщик, заявил в 1951 году, что в России «мы имеем дело с отсталыми варварами». Согласно определению, которое дал прошлой

весной сенатор Джон Маккейн, «Россия – это бензоколонка, замаскированная под страну». Энн Эпплбаум, журналистка и супруга польского политика Радослава Сикорского, написала в журнале Slate в 2013 году, что «Россия – антизападная держава со своим отличным, более мрачным видением глобальной политики».

Однако самые безумные и полные ненависти стереотипы о русских порождаются внутри самой России. Они исходят из среды московской «интеллигенции», которая люто ненавидит свою страну и народ. Анна Политковская писала в Los Angeles Times 10 лет назад, что «природная иррациональность русских общеизвестна». Представьте себе, что было бы, опубликуй какое-нибудь мейнстримовое издание нечто подобное о евреях или темнокожих...

Будущее: мультиполяризация

Не так уж много изменилось с 1204 года. Тогда православофобский проект был реализован под видом Четвертого крестового похода. Сегодня лицемерие является не менее отчаянным и угнетающе знакомым. Точно так же в 1999 году натовские наследники крестоносцев поддерживали торговцев наркотиками и человеческими органами из Косово, сжигавших православные храмы. В 2003 году у них были готовые алиби для убийц детей в Беслане. Они высмеивали заявления о том, что Россия сражается с тем же врагом, что осуществил теракт 11 сентября 2001 года. Если оставить за скобками некоторые различия в акцентах, политический, академический и медийный классы в Европе и Америке демонстрируют потрясающее сходство культурных установок и идеологических предпочтений. Тон и содержание их риторики и пропаганды сохраняются вне зависимости от стороны спектра, идет ли речь о неолибералах или неоконсерваторах.

Для дуополии в США является аксиомой то, что как внутренняя, так и внешняя политика «демократической» России должны подчиняться западным требованиям. Джордж Сорос предупреждал, что «сильное централизованное правительство в России не может быть демократичным по определению», а «российские граждане должны принять идеологию открытого общества». В таком виде «демократия», скорее, имеет отношение к положению внутри идеологической иерархии, чем в выражении электоральной воли. Это прекрасно сочетается со словами В.И. Ленина о том, что моральная ценность любого действия определяется тем, какой вклад оно вносит в ход истории.

Пытаясь сжать Россию до границ Московии изнутри и подорвать ее силу извне, «Запад» действует иррационально и себе во вред. Такое впечатление, что Запад просто не может удержаться от такого рода действий, как будто идея «цивилизационных блоков» Сэмюэля Хантингтона предопределяет западный подход. Восточноевропейские христи-

ане пострадали так сильно от турок и коммунистов, что их выживание, не говоря уже о возрождении, 20 лет назад было едва представимо без преданного подражания и растворения в постмодернистском, постхристианском и постнациональном Западе. В 1204 году «франки» потребовали такой же угодливости от греков. И сегодня, когда все повторяется, разница между левыми соросовцами и правыми империалистами, США и Европой, старой и новой Европой стирается. Это единственный крестовый поход, который джихадисты поддержали бы с ликованием. Это хуже, чем преступление. Это ошибка.

Едва ли стоит рассчитывать на то, что Америка придет в чувство, и всемирная власть ее неолиберально-неоконсервативного режима разветвится. Конечно, рано или поздно она будет сломлена, но, вероятно, цену за это заплатят все. России нужно спокойно и трезво осознавать, с каким вызовом она столкнулась. Важно отказаться от иллюзий о «партнерстве» и «дружбе», а в артикуляции и осуществлении контрстратегий важна твердость. Такова цена выживания и ключ к достижению нового миропорядка. Семен Воронцов, хорошо знавший Запад, писал более двух веков назад, рассуждая о том, какой должна быть российская дипломатия: «Твердость есть наипервейшее качество человека; разум и знание без твердости ничего не значат». Он также понимал, что «чем больше ты унижаешься, тем больше унижают тебя другие».

Путин тоже это понимает. В рамках большой геополитической перестройки опорная точка России в 2015 году должна сместиться в Азию. Это должно стать отражением стратегического решения Москвы отказаться от обманчивой идеи партнерства с Европейским Союзом. Такое решение – результат пассивного приятия Германией, Францией и другими ключевыми государствами ЕС вашингтонского политического, экономического и военного диктата в 2014 году. Новая стратегия России символически была представлена широкой публике в Анкаре в ноябре прошлого года, когда Путин объявил, что Россия отказывается от строительства газопровода «Южный поток», а взамен ему готовит крупный российско-турецкий энергетический проект. Еще более значимо то, что Китай и Россия теперь являются стратегическими экономическими, политическими и военными партнерами и во взаимных расчетах они постепенно отказываются от доллара. Визиты Путина к премьер-министру Индии Нарендре Моди и активные связи с Ираном показывают, что попытки строительства нового евразийского блока принесут дивиденды. Нарастающее безразличие российского президента к взаимоотношениям с Брюсселем получили геополитическое обоснование высочайшего порядка.

Мы с вами становимся свидетелями заката идеи «Европы от Ла-Манша до Владивостока». Экономические последствия этого процесса для Западной Европе в долгосрочной перспективе окажутся катастрофиче-

скими. На глобальных гегемонов из Вашингтона это также окажет серьезное воздействие – преимущественно из-за того, что прогрессирующая дедолларизация финансовых переводов среди стран мира может опрокинуть Империю без единого выстрела. Новый евразийский блок с панконтинентальными измерениями, включающий в себя половину человечества и две трети мировых экономик, находится в процессе становления.

Непрекращающиеся претензии Вашингтона на исключительность и незаменимость, на лидерство в некоем выдуманном «международном сообществе» всегда вызывали исключительно смех. Сейчас, на фоне новых альянсов Путина с Пекином, Дели, Анкарой и Тегераном, они выглядят просто жалко. Как если бы престарелая звезда истерически добивалась внимания публики, которая о ней забыла.

Мы станем свидетелями тектонических сдвигов, которым еще потребуется дипломатическая кодификация. Конец однополярности взывает к новой Ялте... Но если и будет новая «Ялта» спустя несколько лет, если и будут очерчиваться контуры нового мирового порядка на грядущие десятилетия, то России необходимо заставить «Запад» - и быть при этом твердой – признать ее равной, в качестве сверхдержавы с законными интересами, касающимися безопасности и территориального влияния. Такого признания Россия не добьется попытками умиротворить Запад, жестами доброй воли, уступками или апелляцией к разуму.

Ксавье Моро

Роль СССР в восстановлении Франции генералом де Голлем во время Ялтинской конференции

В 1943 году Франция не играла исторической роли в глазах союзников, то есть Великобритании, США и СССР. К тому времени она растеряла славу, которую снискала, одержав в 1918 году победу над Германией. В 1940 году ее армия, которая считалась самой сильной в мире, потерпела сокрушительное поражение от Германии. Она оказалась плохо подготовленной, а ее командование совершало ошибку за ошибкой, в результате чего Франция потерпела одно из самых постыдных поражений в своей истории. Судьба страны оказалась в руках Германии и коллаборационистов в лице престарелого маршала Петена, героя Первой мировой войны, и Пьера Лавалья, политика левого толка и бывшего депутата парламента от социалистической партии. Того самого Лавалья, который покрыл себя позором, заявив 22 июня 1941 года, что желает победы Германии.

Однако 9 мая 1945 года Франция вошла в число держав победительниц и подписала вместе с ними акт о капитуляции Германии в Реймсе и Берлине. Она стала также постоянным членом Совбеза ООН. Всем этим Франция была обязана одному человеку, а именно генералу де Голлю, который позволил ей снова занять свое место на международной сцене, поочередно опираясь на СССР и Великобританию. Далее мы постараемся понять, как такое стало возможным.

От «Свободной Франции» 1940 года до Тегеранской конференции

Из архивов Коминтерна нам известно, что уже с конца 1940 года, советское руководство сознавало, что голлистское движение пользуется все большим влиянием у населения Франции. После вступления Германии в войну с Россией, Москва решила поддержать генерала де Голля в рамках политики союза против немецких захватчиков.

1 июля 1941 года генерал де Голль обратился к послу Ивану Майскому с просьбой об установлении дипломатических отношений между «Свободной Францией» и СССР. Положительный ответ был получен 26

сентября 1941 года. Де Голль был признан руководителем всех «свободных французов» и советское правительство заявило о своей готовности «оказывать всяческую поддержку «Свободной Франции». Однако французские коммунисты не доверяли этому генералу, возглавившему движение сопротивления, в рядах которого было много монархистов, которые в свое время входили в монархическое движение «Аксьон Франсез», тем не менее генерал де Голль сделал ставку на отношения с Советским Союзом. Вот выдержка из его выступления по лондонскому радио в конце 1941 года в связи с победой советских войск под Москвой: « Все патриоты Франции приветствуют победу России... Страдающая Франция вместе со страдающей Россией. Сражающаяся Франция – вместе со сражающейся Россией. Погрузившаяся в пучину отчаяния Франция, вместе с Россией, которая смогла выбраться из тьмы и обрела подлинное величие».

Уже в середине 1942 года генерал де Голль выражает желание посетить Москву вместе с представителем ФКП. В конце года, когда «Коминтерн» назначил Фернана Гренье своим представителем при де Голле, сотрудничество между коммунистами и голлистами стало свершившимся фактом. Однако вплоть до конца 1943 года советское правительство не приглашало де Голля посетить СССР, так как Сталин не хотел осложнять отношения с англосаксами, которые не признавали генерала вплоть до середины 1944 года. Недоверие к де Голлю проявилось в том, что вплоть до Тегеранской конференции (28 ноября – 1 декабря 1943) все три руководителя антигитлеровской коалиции (Черчилль, Рузвельт и Сталин) рассматривали Францию в качестве враждебной державы.

Вот как видел послевоенную ситуацию американский дипломат Чарльз Болен, о чем писал послу США в Москве Гарриману, служившему переводчиком при Рузвельте. «Германия останется расчлененной, государства Восточной, Центральной и Южной Европы не смогут образовывать союзы и прочие объединения. Франция лишится своих колоний и баз, а также права содержать сильную армию. В результате СССР станет единственной значительной военной и политической силой на европейском континенте. Остальная Европа перестанет играть сколь-либо значимую политическую и военную роль».

Черчилль и Сталин меняют отношение к генералу де Голлю осенью 1944 года

Перспектива оказаться один на один с расчлененной Германией и Советским Союзом, ставшим новой и единственной континентальной державой заставила Черчилля пересмотреть свое отношение к генералу де Голлю и Франции. Великобритания не хотела оставаться единственной страной, противостоящей СССР после ухода американских войск из Германии, а именно такое развитие событий представлялось тогда неиз-

бежным. Поэтому Черчилль решил сделать ставку на генерала де Голля, о чем он и сообщил ему 11 ноября 1944 года в Париже. В феврале 1945 в Ялте ему удалось убедить российского и американского лидеров в необходимости возвращения Франции в европейскую политику. Впрочем, блестящего британского премьера раздражал и франко-советский пакт от 10 декабря 1944 года.

И в самом деле, генерал де Голль по-прежнему верил в необходимость франко-русского союза. Он полагал с момента зарождения движения Свободная Франция, что союзнические отношения с Россией могли служить противовесом англосаксонским державам, которые ему не доверяли. СССР поддержал де Голля в конфликте с его соперником генералом Жиро. В декабре 1944 года лидер Свободной Франции посетил Москву, где впервые встретился со Сталиным, однако этот визит, который имел большое символическое значение, стал неудачным.

Де Голль рассчитывал на помощь Сталина в качестве гаранта интересов Франции в Германии, которая стремилась получить контроль над Руром, Рейнской областью и Сааром в качестве противовеса англосаксам, но столкнулся с отказом Сталина, который рассчитывал тогда контролировать всю Германию и выступал против ее раздела. Кроме того, он не хотел раздражать англосаксов, придавая слишком большое значение Франции. Таким образом, генерал де Голль и Сталин, в конце концов, ограничились подписанием пакта о безопасности, направленного против Германии. Этот документ давал Сталину возможность подключить Францию к своей внешней политике, в чем генерал де Голль смог быстро убедиться.

Франция от Ялты до начала холодной войны

23 октября 1944 года союзники признали генерала де Голля в качестве временного президента Французской Республики. При этом положение Франции все еще оставалось неопределенным. Она не была представлена ни в Ялте, ни в Потсдаме и оказалась в числе держав победительниц только 9 мая и 5 июня 1945 года в Берлине, поставив свою подпись под Декларацией Четырех. Данный документ должен был заложить основы нового демократического порядка в Европе и предусматривал регулярные встречи министров иностранных дел в рамках СМВД (Совещания министров иностранных дел). Однако эта система вскоре сменилась системой двух блоков. Франция добилась также статуса постоянного члена Совета Безопасности ООН.

Обеспокоенный и разочарованный амбициями Сталина, в августе 1945 года де Голль отправился в Вашингтон. Он надеялся получить поддержку США в качестве противовеса экспансии СССР в Европе. Его также беспокоила перспектива возрождения объединенной Германии, которая представляла бы опасность для Европы. Визит де Голля в США

прошел успешно, но тогда Вашингтон еще не усматривал в СССР опасность для Европы.

Летом 1945 года де Голль стал продвигать новый проект, который заключался в объединении вокруг Франции Нидерландов, Люксембурга, Бельгии и западных регионов Германии. Сталин просчитал его намерения и использовал коммунистов, бросив их во фронтальную оппозицию, что привело к отставке генерала в январе 1946 года.

Генерал де Голль заложил основы того, чем должна была стать внешняя политика Франции, но в 1946 европейский порядок, определенный Ялтинской конференцией, еще не позволял этого сделать. Когда в 1958 году генерал де Голль вернулся в большую политику, он снова стал проводить политику равновесия и независимости в отношении США, вмешательство которых шло во вред национальному суверенитету. Выход Франции из военной организации НАТО, закрытие американских баз на французской территории и отказ от доллара в пользу золотого эквивалента привело к тому, что в мае 1968 года он столкнулся с первой «цветной» революцией в Европе.

Принципы суверенитета и европейского равновесия, заложенные генералом де Голлем, остаются по-прежнему актуальными, особенно в свете возрождения германского империализма. Я считаю, что перспектива мирной Европы, объединенной вокруг франко-российской оси, не имеет альтернативы. Хочу процитировать в заключение слова самого генерала де Голля, которые он произнес в январе 1942 года после поражения немцев под Москвой: «К нашему общему несчастью на протяжении веков интриги или непонимание мешали и препятствовали созданию франко-российского союза, необходимость которого проявляется на каждом повороте Истории».

Карл-Хайнц Вендт

Об опасности возрождения фашизма в Европе

Нынешняя политическая ситуация, особенно в Центральной Европе, показывает, как важно вернуться к событиям, ставшим причиной Ялтинской, а затем и Потсдамской конференций. Необходимо также сделать выводы из того, к чему применительно к международному праву привели юридически обязывающие положения документов, принятых по итогам этих конференций.

Поскольку выше был представлен обширный материал по теме, я ограничусь лишь несколькими мыслями, которые связаны с текущей политической ситуацией, прежде всего, в Европе.

К сожалению, сегодня мы наблюдаем возрождение фашистских идей во многих странах. Наиболее отчетливо это проявилось в последние годы не только на Украине, но и в других странах, таких как страны Балтии, Венгрия и Франция.

Я бы хотел сказать несколько слов об этом явлении в Германии. Как сформулировал Георгий Димитров, «фашизм — это открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала».

В этом смысле идеологические основы нынешнего фашизма не несут в себе ничего нового. Но это ни в коем случае не национал-социализм, как он часто смягченно называется. Потому что фашизм не является ни национальным, ни социалистическим.

Рассмотрим основные цели германского империализма не с момента прихода Гитлера к власти в январе 1933 года, а уже с конца XIX века. Тогда речь шла о том, чтобы заполучить источники сырья, рынки сбыта и о новом распределении политического и мирового господства. Все это резко обострилось после Первой мировой войны и, в конце концов, вылилось во Вторую мировую войну. При этом германский империализм и милитаризм были главной силой, которую использовали для вступления в войну, не принимая во внимание цивилизационные принципы и международное право, попирая национальный суверенитет других государств и имея целью истребление целых народов.

Германский империализм боролся не просто за свою долю во вла-

дении народами и богатствами мира, но за единоличное, абсолютное мировое господство. Своей агрессией против СССР немецкий монополистический капитал преследовал классовые цели, а также цель империалистического грабежа. Достижение этих целей должно было стать важнейшим шагом на пути к мировому господству.

Историческая победа антигитлеровской коалиции над фашизмом Гитлера, в которой Советский Союз с его героической Красной Армией принял на себя главный удар, положила конец этим устремлениям.

Однако следует отметить, что цель германского империализма с момента его военного поражения в мае 1945 года не изменилась. Отсюда следует, что эти цели не терялись из виду в течение всех прошедших десятилетий. Тем не менее, их реализация была невозможна из-за существования социалистического содружества государств.

Только с исчезновением социалистических стран в Европе прежние неизменные планы мирового господства германского империализма снова перешли в область реальности. Нас заведет слишком далеко, если мы будем подробнее останавливаться на роли США при воссоздании Западной Германии как оплота против социализма в Европе. Однако остается неизменным тот факт, что ФРГ была с самого начала антикоммунистическим, реакционным государством, которое с помощью США быстро превратилось в сильнейшую экономическую державу Европы. Поддержка и толерантность со стороны США дали возможность успешной интеграции в западногерманское государство большому числу средних и руководящих гражданских и военных кадров Третьего Рейха. Основные положения, принятые на конференции в Ялте и Потсдаме, а также другие союзнические соглашения были бесцеремонно нарушены. Так же и здесь можно увидеть основы для дружественных фашизму идеологий и практик в ФРГ.

Я хотел бы напомнить, что германский империализм даже во времена, когда мы все вместе предпринимали попытку построить социалистическое общество, никогда не отказывался от своих целей экспансии. ФРГ, с самого начала интегрированная в НАТО, никогда не теряла надежду овладеть ресурсами Украины или, по крайней мере, поставить их под свой контроль.

Поэтому сегодняшняя позиция ФРГ по украинскому вопросу прежде всего является антироссийской. Поэтому ФРГ официально не принимает к сведению участие открыто фашистских сил в правительстве, пришедших к власти насильственным путем при помощи путча и ссылающихся на Бандеру, сторонника и коллаборациониста немецких фашистов во время Второй мировой войны.

Речи и поступки сегодня значительно отличаются среди членов так называемого «западного общества ценностей». Фашизм как форма капиталистического господства снова принят в высшем обществе.

Понятно, что в этих условиях население Крыма со всей решимостью обратилось против фашистского правительства и воспользовалось возможностью снова прочно присоединиться к России.

Реакция Запада на это решение Крыма и согласие Российской Федерации присоединить полуостров ясно показывает разочарование в том, что государственный переворот прошел не так, как того хотелось.

Само собой разумеется, что средства и пути для достижения неизменных планов мирового господства сегодня другие, нежели те, что были до и во время Второй мировой войны. Тем не менее, можно наблюдать, что введение военных сил, как и прежде, обладает особым весом и применяется повсюду, где кажется возможным силой добиваться осуществления агрессивных претензий на господство. То, что эта политика не изменилась, можно было обнаружить уже в 1999 году в ходе войны против Югославии, когда под надуманным предлогом было разгромлено европейское государство, не вписывавшееся в империалистическую политику. Эта политика была продолжена США при поддержке их союзников не только в Европе, но и во всех областях постсоветского пространства и, естественно, в Ираке, Афганистане, Ливии, Сирии, Йемене и других местах. Повсюду речь шла и идет о дестабилизации территорий, представляющих геополитический интерес. И повсеместно со времен войны с Югославией Германия с Бундесвером принимают участие в этих акциях. Сегодня ФРГ задействована в четырнадцати миссиях за рубежом, при которых речь вовсе не идет о защите прав человека или схожих гуманитарных целях, а о своевременном и как можно более продолжительном участии в процессе расширения сфер влияния.

Применение военных средств для достижения геостратегических целей является, по-видимому, самым эффективным средством. Наряду с этим средства массовой информации, интернет, идеологическое и психологическое ведение войны, экономические и политические санкции и нарушение международно-правовых соглашений играют сегодня роль, которую нельзя недооценивать. Германия участвует во всех этих мероприятиях с большими материальными и финансовыми затратами.

Актуальная политика так называемого общества западных ценностей (имеются в виду Евросоюз, США и НАТО) в отношении России говорит о многом. Однако прежде всего Германии следует помнить об опыте последней военной катастрофы более чем семидесятилетней давности, когда граждане СССР, названные фашистами представителями низшей расы, нанесли сокрушительный удар по Германии и тем самым похоронили планы мирового господства. Именно фашистские идеи характерны для тех, кто в эти дни принимает фашистское украинское руководство как демократическое. В то же время Россию не приглашают принять участие в торжествах, посвященных 70-летию со дня освобождения нацистского концлагеря Аушвиц-Биркенау, где в качестве докладчика выступил

именно президент Германии. Это вещи, которые трудно понять.

Всё отчетливее становятся также противоречия как в пределах Евросоюза, так и между Евросоюзом и США. Претензии немцев на руководящую роль в ЕС, которые являются производным от текущей эффективной экономической деятельности, напоминают некоторым в Европе о периоде до и во время Второй мировой войны, когда Германия аннексировала большую часть Европы и безжалостно эксплуатировала ее богатство. В конечном счете, современные усилия Германии сводятся к тому же. Некоторым членам Евросоюза, таким как Греция, Италия, Португалия и Испания, нормы ЕС, инициированные главным образом самой Германией, показались катастрофическими. Если в результате так называемых реформаторских усилий в этих государствах не решается проблема безработицы, особенно среди молодежи, низкого уровня жизни, потери государственного суверенитета и социальных конфликтов, то у нас в Германии это представляется как успех политики реформ, которая прежде всего обслуживает банки за счет широких социальных слоев.

Как раз та экономическая мощь, которую ФРГ пытается использовать, подчиняя себе Евросоюз, будет становиться все большей нагрузкой для отношений с США. США объективно не могут быть заинтересованы в слаженно действующей и экономически сильной Европе. Это противоречит их кровным геополитическим интересам, которые направлены на длительное мировое господство Америки, как экономическое, так и военное. В том, что такие амбиционные притязания сохраняются, после недавних заявлений американского президента не остается никаких сомнений.

Таким образом, в настоящее время мы являемся свидетелями интенсивных усилий США экономически ослабить Евросоюз через вынужденное постоянное вооружение и втягивание в военные конфликты вокруг земного шара. При этом Украина в данный момент самая опасная кризисная точка, но далеко не единственная.

Если мы вернемся на десятилетия назад в Ялту и Потсдам, то должны трезво оценить, что немецкому империализму всегда были чужды мирные намерения по отношению к другим государствам и народам. При ближайшем рассмотрении выясняется, что периоды кажущегося мирного сосуществования всегда были для империализма только паузами в его агрессивных действиях, обусловленными властью и силой противника.

Война – это не явление природы, а проявление империалистических амбиций завоевать мирные государства.

Юриус Тракшялис

Историческая память о войнах XX века как основа достижения общественного согласия в Литве

Общественная организация «Институт военного наследия» (Литва) на протяжении последних 15-ти лет прилагает усилия по популяризации военно-исторического наследия России в Литве и увековечению памяти российских и советских воинов, погибших на территории Литвы в годы Отечественной войны 1812 г., Первой и Второй мировых войн.

Работа эта проводится в тесном взаимодействии с Посольством РФ в Литве, которое постоянно занимается проблемами сохранения воинских захоронений, но не всегда имеет возможность из-за ряда объективных ограничений в полной мере выполнять свои планы.

После того, как в Эстонии разгорелись страсти по поводу переноса бронзового памятника советскому солдату из центра Таллина, в ряде районов Литвы представители некоторых общественных организаций, подстрекаемые властными структурами, также стали муссировать вопрос о том, что советские воинские захоронения, расположенные на территории многих административных единиц, находятся в аварийном состоянии. Раздавались голоса о необходимости их демонтировать, так как они своим внешним видом портят пейзаж населенных пунктов Литвы. Районные газеты бурно обсуждали этот вопрос. В 2007 – 2008 гг. наш Институт военного наследия по собственной инициативе нашел финансовую и организационную возможность отреставрировать воинские захоронения, находящиеся в аварийном состоянии. Повод для уничтожения воинских захоронений советских воинов был ликвидирован, и постепенно подобные «общественные» демарши стихли.

А наша общественная организация, втянувшись в работу по сохранению военно-исторического наследия России в Литовской республике, продолжила свою деятельность в этом направлении.

По территории Литвы враг, приходящий с Запада, начал свое вторжение в Россию. Так было в июне 1812 г., в августе 1914 г. и 22 июня 1941 г. На литовской земле находятся сотни захоронений и памятных знаков. Была проведена работа по инвентаризации российских и советских воин-

ских захоронений на территории Прибалтики. Подготовлены проектные предложения по восстановлению мемориальных кладбищ и памятников. Проводилась архивно-поисковая работа, собраны материалы для издания книг, связанных с военно-историческим наследием России в Литве. Эта работа оказалась востребованной.

Сегодня, как никогда, в Прибалтике общественная деятельность по вопросам исторической памяти активизировалась. В то время, как политики используют историю в качестве орудия для достижения своих целей, общественность, видевшая разные трактовки прошлого, больше не хочет быть объектом односторонних манипуляций.

Дискуссии вокруг Бронзового солдата и других памятников, посвященных советским воинам показали, насколько болезненна тема, связанная с символикой советского периода. Официальная история Второй мировой войны в Литве очень предвзята. Поэтому общественные организации и профессиональные историки считают необходимым напоминать, что в военных конфликтах на территории современной Литвы в рядах одной армии сражались бок о бок литовцы и русские, белорусы и поляки, лица других национальностей.

Так появился международный проект «Мировые войны XX века. Общая история. Общая память», инициатором которого стал Институт военного наследия. Начали проект с периода Первой мировой войны, поскольку эта тема не вызвала прямого отторжения. Среди солдат и офицеров Русской армии было немало литовцев. Всего в Русскую императорскую армию в период Первой мировой войны было мобилизовано более 80 тысяч мужчин из разных уголков Литвы. При вторжении германских войск на территорию Российской империи литовцы вместе с воинами других национальностей проявили стойкость, выдержку и храбрость, защищая свою землю. Многие погибли, проявляя истинный героизм, о чем свидетельствуют высокие награды Российской империи, которыми были награждены как офицеры, так и солдаты литовского происхождения. При реализации проекта нам также помогло то, что в 2014 году весь мир отмечал 100-летие со дня начала Первой мировой войны. Этот проект поддержало Посольство РФ, поскольку он позволял развивать отношения с литовской общественностью, с одной стороны, и с властными структурами Литовской республики, с другой.

Мы благодарны Фонду исторической перспективы, руководителем которого является Н.А. Нарочницкая, который с самого начала возникновения проекта в 2012 году оказал ему всестороннюю организационную и информационную поддержку.

За прошедшие три года в Литве было восстановлено 13 мемориалов и мемориальных знаков на местах захоронений воинов Первой мировой войны. Институтом был разработан специальный знак – три креста. Православный крест, находящийся в центре знака, окружен слева и спра-

ва католическим и протестантским крестами. Этот мемориальный знак символизирует, что здесь захоронены воины разных национальностей и разных религиозных конфессий. Первый крест был поставлен воинам, защищавшим Ковенскую крепость в августе 1915 года, в деревне Рамучай Каунасского района на средства, выделенные Посольством РФ в Литве и при участии самоуправления Каунасского района.

Занимаясь военно-историческим наследием России в Литве, мы стараемся уделять особое внимание распространению научных знаний о нем. С этой целью наша общественная организация инициировала подготовку и проведение большого количества международных круглых столов и конференций. В наших конференциях принимают участие историки из Литвы, России, Белоруссии, Германии, Латвии, Польши. Среди наших партнеров МГУ им. М.В. Ломоносова, МГИМО, Российская академия наук, Российский университет театрального искусства, РГАСПИ, СПбГУ, Калининградский государственный университет, Калужский государственный университет, Гродненский государственный университет, Институт исторических и политических наук г. Белосток (Республика Польша). Недавно к этому списку добавился Вильнюсский государственный университет. Неоценимую помощь нам оказывает Военный музей им. Витаутаса Великого (г. Каунас).

Мы благодарны за сотрудничество Российскому историческому обществу: после включения международных конференций из цикла «Первая мировая война. Общая история. Общая память» в План приоритетных проектов Оргкомитета России по проведению мероприятий, посвященных 100-летию начала Первой мировой войны, значительно увеличился интерес к проводимым нами мероприятиям.

С 2014 г. выбираем темы, объединяющие историю Первой и Второй мировых войн, поскольку они неразрывно связаны.

Большое место в нашей деятельности отведено и некоторым страницам истории совместной военной борьбы против фашизма в Европе.

В годы Второй мировой войны в деревне Мацיקяй (нем. – Matzicken) рядом с населенным пунктом Шилуте (нем. – Heydekrug) действовал созданный немцами лагерь военнопленных. Этот лагерь гитлеровцы основали в 1939 г. Его именовали «Шталаг – 1С» („Stalag 1C“). „Stalag“ – это сокращение немецкого названия „Stammlager für kriegsgefangene Mannschaften und Unteroffiziere“, указывающее на то, что это был лагерь рядовых военнопленных и младших командиров.

Считается, что первыми заключенными лагеря были польские военнопленные. В 1940г. сюда привезли бельгийцев и французов. Большую часть времени пленные проводили не на территории этого лагеря, а в различных местах Восточной Пруссии, где выполняли сельскохозяйственные, строительные и другие работы.

В 1942 г. в Мацיקяй появились советские военнопленные. Некоторые

непроверенные источники утверждают, что в этот лагерь русских начали свозить уже осенью 1941 г. Точно известно, что среди них были сбитые летчики. В 1943 г. немцы доставили в этот лагерь первых англичан, а в начале 1944 г. – и первых американских военнопленных. Все они были военными летчиками. Лагерь военнопленных получил новое название „Kriegsgefangenenlager Nr. 6 der Luftwaffe“. Новое название, сокращенно писавшееся как „Stalag Luft 6“, информировало о том, что этот лагерь является специализированным, т.е., что в нем заключены пленные военные летчики. „Stalag Luft 6“ принадлежал военно-воздушным силам Германии (Luftwaffe).

Пленных авиаторов различных национальностей разделяли заборы из колючей проволоки. Но и русских, и англичан и американцев объединяли стремление к свободе и вера в победу над общим врагом.

Точное количество погибших в стенах лагеря не установлено. Среди расстрелянных был и литовский пилот истребителя капитан Ромуалдас Марцинкус, сражавшийся в рядах военно-воздушных сил Великобритании.

Воинское захоронение в Мацкияй одно из уникальных мест в Европе – на этом месте память о погибших героях памятниками увековечивают структуры различных государств.

Второе уникальное место в Литве, связанное с общим вкладом в борьбу против фашизма – это город Алитус, в окрестностях которого был дислоцирован авиаполк французских летчиков «Нормандия», известного под названием «Нормандия-Неман», которое он получил в 1944 г.

В Литве ценят свою связь с этой страницей мировой истории. Ежегодно в Литве проходят мероприятия в память французских летчиков авиаполку «Нормандия-Неман». На мероприятиях участвуют представители Посольства Франции, представители местных властей и общественных организаций. В окрестностях Алитуса, где был дислоцирован авиаполк, поставлен мемориальный знак.

28 ноября 2014 г. в городе Алитусе наша организация «Институт военного наследия» провел конференцию «Братья по оружию», посвященную 100-летию создания первых боевых русско-французских авиаотрядов и 70-летию присвоения авиаполку французских летчиков почетного имени «Нормандия Неман». Конференция проходила при поддержке Посольства Российской Федерации в Литве и при участии Ассоциации франко-российский диалог, Центра национальной славы, Фонда исторической перспективы и Института демократии и сотрудничества.

На конференции отмечалось, что изучение темы военного сотрудничества, особенно в годы Второй мировой войны, заставляет понять значение процесса взаимодействия государств и наций для решения проблем, стоящих перед мировым сообществом. Побудительным мотивом к такому взаимодействию является осознанная необходимость согла-

сия перед лицом глобального вызова, Только такое согласие, вопреки мифам сегодняшнего дня, способно удержать мир в относительной стабильности.

Наши мероприятия, даже если они носят камерный характер, позволяют объединить различные силы литовского общества. С удовольствием констатируем, что и в мемориальных церемониях, посвященных памятным датам, и в заседаниях круглых столов, и в конференциях принимают участие официальные лица Литовского государства, представители иностранных посольств, местных самоуправлений, общественности, различных конфессий.

Подобные форумы способствуют развитию диалога внутри Литовской республики и укреплению разностороннего международного сотрудничества.

Е.Н. Рудая

ОДНА НА ВСЕХ ПОБЕДА (Военное союзничество как фактор борьбы с искажениями истории)

Встреча в Ялте в феврале 1945 года стала высшей точкой взаимодействия СССР, США и Великобритании в период Второй мировой войны. Это взаимодействие, вошедшее в историю под названием Антигитлеровская коалиция, в свою очередь, явило собой ярчайший пример всестороннего сотрудничества, в том числе военного, между государствами, разделенными политическими, идеологическими и экономическими интересами, но объединившимися для разгрома общего врага и ликвидации общей опасности. Чтобы сейчас ни говорили преследующие сиюминутные интересы политики и политически ангажированные историки о характере Второй мировой войны, эта война была борьбой за выживание народов и сохранения их государственности. Это была война за Жизнь против Смерти.

И лучше всех это чувствовали непосредственные участники боевых действий. Войны всегда выявляют как самые светлые, так и самые темные стороны государств, общества, народа, каждой отдельной личности. Войны показывают нам пример неспособности встретить суровые испытания, пример крайней жестокости, предательства, трусости, мародерства, малодушия и других неприглядных сторон человеческой природы. Но войны же раскрывают и всю силу человеческой природы и человеческого духа – показывают пример верности Отечеству, долгу и присяге, пример возможности найти способы объединить все силы государства и общества для противостояния вызовам суверенитету и самому существованию народа, нации, пример жертвенности, бесстрашия и даже милосердия в море трагических и жестоких обстоятельств. Те, кто прошли через это, становятся братьями по оружию.

История знает десятки тысяч примеров, когда общая беда, общий враг, стремление противостоять глобальным вызовам заставляют людей разных национальностей, говорящих на разных языках, являющихся гражданами различных стран, встать плечом к плечу в борьбе за свою жизнь и за суверенитет своего государства. В истории России множе-

ство страниц, начиная с древнейших времен до настоящего времени, свидетельствующих о том, как защищая свой суверенитет, свободу, жизнь, невольно защищаешь суверенитет других стран и других народов. И защищая суверенитет других стран и народов, осознаешь, что борешься за свое государство и свою жизнь.

Изучая историю военного союзничества, необходимо прежде всего помнить о людях, являвших примеры героизма и самопожертвования. Им наша память и наше почитание – они воевали и погибали во имя общей цели – для того, чтобы мы могли жить – жить в соответствии с нашими традиционными ценностями.

В истории Второй мировой войны есть славные страницы, напоминающие о братстве по оружию. Это арктические конвои, проходившие из Великобритании и США в северные порты СССР под бомбежками и взрывами и доставлявшие важные военные материалы. Это деятельность французского авиаполка, который при формировании, по желанию личного состава, получил название «Нормандия» в честь французской провинции, наиболее пострадавшей от фашистской оккупации. В результате боев за освобождение Литвы и форсирования реки Неман полк получил приказом Верховного главнокомандующего И.В. Сталина почетное звание «Неманский» и стал впоследствии известен всему миру как полк «Нормандия-Неман». Это мужественные действия интернациональных отрядов Сопротивления во Франции, в Италии, в Испании, в Бельгии, партизанское движение в Балканских странах и других странах Европы. Это стратегическая операция союзников по высадке войск в Нормандии, начавшаяся 6 июня 1944 года и закончившаяся 31 августа 1944 года, когда десантные войска пересекли реку Сену, освободили Париж и продолжили наступление к франко-германской границе. И, наконец, это встреча на Эльбе 25 апреля 1945 г. войск 1-го Украинского фронта с войсками 1-й Армии США.

К сожалению, нельзя сказать, что мир хорошо это помнит. Наоборот, идет целенаправленное очернительство целого поколения людей, сделавших все для того, чтобы вернуть мир израненной Земле. Результатом таких тенденций становятся извращенные исторические представления в обществе, особенно в среде молодых поколений. А это, в свою очередь, создает основу для проведения политики, направленной на разъединение народов, на рост напряженности в обществе и в международных отношениях.

И поэтому сохранение исторической памяти и передача опыта молодежи в условиях возрастания опасности использования истории в качестве инструмента агрессивной политики, как внутренней, так и внешней, становится все более актуальной. И это необходимо не только для отдания морального долга героизму предков и укрепления уважительных связей между поколениями, что само по себе является признаком ис-

тинной цивилизованности. Возрастает значение исторической памяти для развития условий сохранения цивилизации как таковой.

В этой связи значение изучения истории военного союзничества многократно увеличивается – память о нем создает объективную возможность сохранения общественного сознания как сложного явления, представляющего собой переплетение идеалов сегодняшнего человека и его исторических переживаний. Ведь именно упрощение общественного сознания не позволяет сохранить образ мировой и своей истории, а также допускает искажения этого образа в угоду политиканству и сиюминутным интересам, причем чаще всего – в угоду чужим интересам.

Обратите внимание – пока были живы в массе своей те, кто прошел Вторую мировую войну – не имели большого успеха попытки переписать ее историю, подвергнуть сомнениям ее результаты. Мы отлично помним, что на протяжении десятилетий, начиная непосредственно с 1945 года, замалчивались не только отдельные факты, а целые пласты истории, шла подмена категориального аппарата. Великая Отечественная война СССР и освободительная миссия Советской армии в Европе становились «неизвестной войной» и даже «оккупационной» войной. Название «Второй фронт» заменялось понятием «День Д», чтобы не возникал вопрос, раз был второй фронт, значит, где-то существовал и первый, и чтобы не возникал интерес, а что же происходило на том, первом фронте. И тем не менее была масса поводов во всех странах, позволявших вспомнить «тот цветущий май», когда казалось, что с войнами и конфликтами покончено навсегда и что наступил прочный мир, которого никогда до этого не было на земле. Потому что те, кто воевал – в России, во Франции, в Великобритании, в США, даже в Германии, Италии, Японии – отлично знали и помнили, за что и против чего они воевали, а также на своей шкуре в полном смысле этого слова испытали, за что и против чего не надо было воевать.

А теперь, когда с каждым годом ветеранов остается все меньше, нам смеют все увереннее заявлять, что та война велась не против смертельной опасности и за выживание народов и сохранение государств, а против тоталитаризма за мифическую демократию. Все увереннее звучат абсурдные утверждения, называющие победу над фашизмом поражением. И поэтому угроза фашизма в центре Европы вновь становится страшной реальностью. Самое грустное, что делается это с единственной целью установления глобального управления миром и лишения стран и народов самостоятельности и национальной идентичности.

Международное профессиональное историческое сообщество неоднократно высказывало свое возмущение использованием истории как политическим инструментом. Но именно в среде профессионалов часто можно услышать тезис, что в условиях политизации знаний о прошлом задача истории как науки заключается в том, чтобы дистанцироваться

от точки зрения властных и разнообразных политических структур на историю. Уже не одно десятилетие существует иллюзия, что это и есть выражение своего возмущения беспардонным использованием исторического материала в сиюминутных целях. Такая позиция может помочь не скомпрометировать себя с профессиональной и человеческой точки зрения, однако это мало помогает в борьбе против искажений представления о событиях прошлого. Более того, таким путем невозможно выиграть в борьбе за историческое сознание общества. И мы можем наблюдать на различных примерах, в том числе и драматических, что авторство исторической картинки в общественном сознании на современном этапе принадлежит отнюдь не профессиональному сообществу.

Эта ситуация приводит к отрыву поколений друг от друга, закладывает в головы миллионов людей опасных тенденций, угрожающих, в конечном счете, цивилизационным основам. Россия борется против них, рассматривая их как угрозу безопасности, поскольку исторические спекуляции имеют, в конечном счете, своей целью внесение раскола в общество, разъединение стран и народов, что приводит к обострению геополитической обстановки.

При обсуждении проблем сохранения исторической памяти в общественном сознании для российской точки зрения характерна убежденность, что история не должна быть инструментом агрессивной политической пропаганды, а, наоборот, должна быть значимым фактором объединения общества как внутри различных стран, так и международного сообщества в целом. И в этой связи особую ценность приобретает исторический опыт ветеранов войны, потому что у тех, кто связан военным братством, этот опыт наполнен образцами человеколюбия и веры в торжество справедливости вопреки злым обстоятельствам. Только с подобным историческим опытом национальное самосознание достигает таких высот, которые помогают нации, народу, осознав прошлое, найти свое место в будущем, и не предать память о тех, кто пролил свою кровь за это будущее.

И здесь особую значимость приобретает общественная инициатива. Деятельность общественности, направленная на сохранение исторической памяти в любых форматах, во-первых, способствует выработке стойкого иммунитета у общества против спекуляций и искажений. Во-вторых, подобная деятельность даже способна оказать определенную помощь официальным структурам для преодоления конъюнктурных политических и экономических препон, препятствующих сохранению и отстаиванию национальных интересов.

Это не голословные утверждения. Фонд исторической перспективы, сам являясь в полной мере итогом общественной инициативы, разрабатывает и осуществляет многие проекты по сохранению исторической памяти, прежде всего о Второй мировой войне не только в Москве, но

и в регионах и за рубежом. Причем часто эти проекты начинаются по инициативе региональных и зарубежных общественных организаций. В нашей стране мы проводим наши мероприятия во взаимодействии с представительствами различных ветвей власти. А вот за рубежом властные структуры иногда не афишируют свою заинтересованность (иногда вынужденно), но оказывают поддержку организации и проведению мероприятий, поскольку понимают, что они укрепляют те общественные структуры и создают такой общественный климат, которые могут стать их опорой для решения многих проблем. Мы с пониманием относимся к их сложностям и ценим их поддержку, так как это позволяет нам, часто при существующем в зарубежных странах информационном вакууме, донести до зарубежной общественности нашу точку зрения по тем или иным вопросам истории и политики.

Надо отметить, что часто наиболее активными участниками таких мероприятий и на территории России, и за рубежом, становятся ветеранские организации. Вот уж кто не испытывает никаких сомнений и ничего не боится - ни обвинений в неблагонадежности и в неполиткорректности, ни экономического, политического и идеологического давления. Они свое уже отбоялись! Они прошли свои испытания, и теперь помогают нам пройти наши испытания на зрелость и единство, на прочность наших традиций и связи поколений.

Исторические уроки и анализ современных процессов заставляют понять, что сотрудничество между странами и народами, общественное согласие представляет собой один из стержней международной стабильности в Европе. В моменты, когда усилиями политиков и дипломатов страны находят возможность преодолеть противоречия и выступают единой силой, на международном пространстве появляются реальные пути обеспечения международной безопасности, обуздания агрессии, ликвидации военных конфликтов. И, наоборот, отсутствие взаимопонимания и учета взаимных интересов приводит к обострению международной обстановки в целом и к серьезным потерям для каждой из сторон.

Одним из таких исторических уроков являются совместные действия стран в борьбе против фашизма в Европе во время Второй мировой войны, в том числе и военное сотрудничество и братство по оружию.

Вторая мировая война прокатилась по странам трех континентов со страшной и разрушающей силой. Те, кто прошел через совместные боевые действия никогда не забывают до конца дней своих, как делили горе и радость, патроны и хлеб. Будем достойны их подвига и не будем предавать их память. Давайте не будем делить ни войну, ни победу. Они для нас общие.

А.К. Смолко

Актуальность традиций братства по оружию

Чем дальше от нас уходит Вторая мировая война, тем больше фальсификаций и спекуляций появляется на эту тему.

Чтобы не говорили и не писали историки по всему миру, основной вклад в победу во Второй мировой войне внесли СССР и США. Цели были разные – мы спасали свою страну, американцы защищали свои национальные интересы. Понятно, что политическое руководство и СССР, и США решало при этом свои геополитические проблемы, но на тот момент враг у нас был один и это наши страны на тот момент объединяло. Советский Союз сыграл во Второй мировой войне выдающуюся роль, многие знают и помнят об этом. О роли США у нас известно гораздо меньше. Речь идет прежде всего о тихоокеанском театре военных действий.

Япония начала 40-х годов в своих претензиях на мировое господство пошла гораздо дальше Германии. Западная граница по линии Омска, Китая, Кореи, Юго-Восточной Азии, Индии, Сингапура, островов в Тихом Океане – такой должна была стать великая Япония по планам японских милитаристов. Япония имела мощный военно-морской флот, авиацию, численность японской армии доходила до 7 миллионов человек и представляла собой реальную военную силу. Япония оккупировала территории с населением 180 млн человек, в войне с японцами погибло 34 млн китайцев. Свое военное искусство японцы продемонстрировали в атаке на Перл-Харбор, уничтожив за полтора часа 80% американского тихоокеанского флота.

Разгром Квантунской армии в 1945 году был блестящей военной операцией Советской Армии и сильным завершающим аккордом в войне с Японией. Однако, основной вклад в разгром Японии внесли американцы. Это не может подвергаться сомнению, как не должна подвергаться сомнению наша роль в победе над Германией.

Западная пропаганда по идеологическим причинам в угоду своим политическим хозяевам всячески превозносила и превозносит роль американцев в победе во Второй мировой войне и принижала и принижает заслуги Советского Союза.

Подвиг нашего народа в борьбе с фашизмом настолько велик, что превозносить его роль, принижая роль союзников, нет никакой необходимости. Скорее наоборот. Скрывая правду, стараясь ее приукрасить, мы развязываем руки недобросовестным интерпретаторам и фальсификаторам истории.

Приближающийся 70-летний юбилей Победы антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне – хороший повод напомнить миру о заслугах нашего народа в этой Победе и отдать должное нашим союзникам. 2014 год проходит под знаком подготовки к празднованию юбилея Победы. Ответ на вопрос, будем ли мы сидеть на почетном месте за общим праздничным столом, что мы по справедливости заслужили, не очевиден. Весьма возможно, что российская часть праздничного стола будет сама по себе, а наши бывшие союзники, а это, напомним, десятки стран, накроют свой стол и будут праздновать нашу совместную Победу без нас. Не думаю, что это было бы справедливо и правильно. А основания так думать имеются.

Празднование 70-летия высадки союзных войск в Нормандии в июне 1944 года в каком-то смысле можно считать репетицией празднования 70-летия Победы во Второй мировой войне. В военном отношении операция уникальная, аналогов в истории нет. Со стороны союзников около 3 миллионов человек приняло участие в высадке в Нормандии.

У меня такое впечатление, что со стороны России участие в праздновании начала высадки союзников, этой репетиции празднования 70-летия Победы принял только наш президент. Страна осталась в стороне, во всяком случае своего теплого отношения к этому событию не проявила.

Мне довелось принять участие в торжествах по случаю юбилея высадки союзников в Лондоне. Событие отмечалось на крейсере «Белфаст», последнем свидетеле и участнике северных конвоев, высадки десанта в Нормандии и других событий Второй мировой. Присутствовали ветераны войны, представители дипломатических кругов, военные, пресса.

Размах, конечно, был не тот, что в Нормандии, но это был праздник. И слова благодарности в адрес России союзниками по антигитлеровской коалиции были сказаны. Представители российского посольства при этом присутствовали, но скорее как частные лица. Не исключаю, что дипломатический протокол ограничивал их действия, соответствующие инструкции не были даны, но именно это и вызывает беспокойство.

Не берусь судить с точки зрения политических нюансов, но по-человечески это неправильно. Даже если мы считаем, что это не наш праздник, но это праздник наших бывших союзников, а союзники это прежде всего сотни тысяч ветеранов, принимавших участие в великой войне, дай им Бог здоровья, и миллионы их потомков, которым дорога память отцов и дедов. Это не они начали холодную войну, не они занимаются фальсификацией истории. Они, те, кто еще жив, верны духу военного братства

и всегда отдавали и сейчас отдают должное подвигу нашего народа.

В этом мне довелось убедиться лично в процессе работы над документальным фильмом «Союзники. Верой и правдой» в качестве автора идеи, соавтора сценария и генерального продюсера, а также показов этого фильма в разных странах и в разных аудиториях. Нет необходимости пересказывать содержание фильма, а вот тем, как фильм принимали зрители, хотелось бы поделиться.

Выступая перед иностранными зрителями во время презентации фильма в разных странах, я рассказываю о выдающейся роли Красной Армии в победе над фашизмом. Нашим зрителям старюсь показать вклад в Победу наших союзников.

Не остается без внимания тема ленд-лиза. Нам часто говорят, что мы бы не выиграли войну, если бы не ленд-лиз, если бы не сотни тысяч самолетов, танков, автомобилей. Можем ответить, что мы получили, например, чуть больше 20 тысяч самолетов за время войны, а советская промышленность произвела 120 тысяч самолетов.

Но зрителей, как правило, не очень впечатляет количество поставленных нам союзниками самолетов, танков, автомобилей и других очень важных и нужных нам вещей. Впечатляет другое. А.И. Микоян, член Государственного комитета обороны, высшего органа государственной власти во время войны, говорил, что ленд-лиз помог нам сократить войну на год-полтора. Не думаю, что он преувеличивал. А год-полтора войны это миллион-полтора солдатских жизней.

Второй фронт был открыт в июне 1944 года, когда результат войны был практически предreshен. Однако менее чем за год войны союзники на Западном фронте потеряли убитыми около 750 тыс. человек. В их числе граждане США, Великобритании, Канады, Новой Зеландии, других стран. А ведь потери союзников могли бы быть нашими потерями. Простой расчет показывает, что союзники помогли нам спасти жизни как минимум 2 млн наших граждан. Это примерно 25% наших невозвратных потерь. Должны мы за это сказать им спасибо? Думаю, что должны.

К началу 1945 года действующая армия Германии насчитывала 5,3 млн человек. Против нас воевало 3,1 млн чел., против союзников – 2,2 млн – не намного меньше. Хотя справедливости ради надо сказать, что если бы против нас воевала даже вся германская армия, на результат войны это бы не повлияло. Наше превосходство в военной мощи было многократным.

В успехе фильма «Союзники. Верой и правдой» особого секрета нет. Фильм хороший, сделан профессионально, хорошо выстроен драматургически. Залог успеха этого фильма в его главной теме и в его героях. Тема верности долгу, военного братства, бескорыстного служения своему народу и общему делу – то, что было продемонстрировано во время войны солдатами Второй мировой – нынешними ветеранами и то, чего

нам так не хватает сейчас, близка людям всей земли. Герои фильма нашли в себе силы сказать нам страшную правду о войне в надежде, что мы их услышим и сделаем правильные выводы.

Американский солдат Второй мировой Джозеф Половский, один из тех, кого мы снимали в нашем фильме, всю свою послевоенную жизнь посвятил тому, чтобы день встречи союзных армий на Эльбе сделать международным памятным днем. В моем лице он нашел продолжателя этого благородного дела.

Во имя светлой памяти ветеранов всех войн, живых и мертвых, было бы правильно учредить памятную дату – Международный день братства по оружию. Таким днем мог бы быть день встречи союзных армий на Эльбе 25 апреля. Это было бы и хорошим шагом в направлении сохранения исторической правды.

Я обращаюсь к участникам нашей международной конференции, нашему сообществу, которое могло бы поднять эту идею на государственный уровень.

Справедливость требует, чтобы Международный день братства по оружию нашел свое место в календаре. А там, глядишь, в столицах государств – участников антигитлеровской коалиции появится памятник участникам Второй мировой войны, на котором будет представлен и русский солдат. Должен заметить, что памятники союзникам по антигитлеровской коалиции имеются, но без русского солдата, что обидно и несправедливо.

Памятник Русскому экспедиционному корпусу в благодарность за выполнение союзнического долга в период Первой мировой войны в Европе появился почти через 100 лет после начала той войны. После начала Второй мировой прошло всего 75 лет. Исходя из этого, время, конечно, у нас еще есть.

Наше предложение учредить новую памятную дату может сократить этот срок и приблизить нас к пониманию, что мы все ответственны за сохранение мира в борьбе с новыми угрозами.

Н.А. Силанина-Реми

Русский дискурс во французской политической жизни*

Прежде чем ответить на вопрос, как трактуется русская тема сегодня в политической и социальной жизни Франции, надо понять, как господствующая идеология после неприкрытой антисоветской риторики перешла к настоящей русофобии.

Как и в большинстве европейских стран, официальное отношение к России и ее президенту резко негативно, и можно только недоумевать, как еще четверть французов сохраняют позитивное восприятие России на сегодняшний день.

Чтобы понять, почему русская тема выделена отдельно и подается с таким пристрастием, следует вернуться к истории современной французской политики.

В XIX в. интеллектуальные круги Европы воспринимали Россию как «тюрьму народов» и страну с неограниченной монархией. Русская революция немного изменила ситуацию. И страх и надежда воодушевляют политические и экономические круги. Франция становится первой западной страной, которая в лице большинства в ее социалистической партии, присоединяется к Третьему Интернационалу и подписывается под 21 условиями Ленина. Позже эта коммунистическая партия укрепит свои позиции на политическом поле Франции и будет глубоко солидарна с советской Россией, а потом с СССР.

После Второй мировой войны она станет ведущей политической силой во Франции. Коммунисты войдут в правительство и будут доминировать как среди левых сил, так и в интеллектуальной жизни страны. До 70-х годов они будут хранить верность Советскому Союзу и поддерживать его внешнюю политику, невзирая ни на что. В тех многочисленных городах и регионах, где они приходят к власти, они создают собственную систему общественной жизни. До сих пор во Франции есть улицы Ленина, Гагарина, Сталинграда. Сейчас эти названия уже ничего не значат для нового населения, эмигрантов из стран Африки, проживающих на окраинах крупных городов, где традиционно селился французский рабочий класс.

* Текст подготовлен для участия в дискуссии.

В те годы коммунизм стал новой религией, а Москва новым Римом. Это была настоящая soft power Советского Союза, по крайней мере, эквивалентная могуществу США. Влияние французской компартии распространяется как на многочисленные ассоциации и профсоюзы, так и на интеллигенцию. Их представители доминируют в интеллектуальной и культурной жизни, они уверены в правоте распространяющейся идеологии и сильны победой СССР над нацизмом. Франция делится в равных пропорциях на поддерживающих СССР и тех, кто против. Голлисты выражают искреннюю привязанность и огромное уважение к подвигу русского народа, его отваге, истории, культуре.

Эта ситуация начнет меняться в связи с политическими и социальными силами, проявившими себя в мае 1968 года.

Студенческое движение молодежи, выходцев из средней буржуазии, закончилось провалом. Среди протестующих возникли разногласия, а их профсоюзные и политические руководители испугались непредсказуемых последствий. Но они одержали идеологическую победу. А через 15 лет у них в руках будет и политическая победа с приходом Миттерана к власти в 1981 году. В 60-е годы Франция – это страна экономического расцвета, признания авторитетов в социальных, семейных отношениях, уважения государству.

В эти же годы в США появляются левые движения, культура рока и трансгрессии, «выхода за пределы». Поколение, не знавшее войны, мечтает об абсолютной свободе, о наслаждении без препятствий. Американская система быстро смогла прибрать это течение в свою систему массового потребления. Теперь известно, что этот идеологический перехват был использован в противостоянии Восток – Запад. Художники, как, например, Энди Уорхол были использованы и профинансированы ЦРУ.

В начале 70-х годов эта американская идеология утверждает во Франции, почувствовав постепенное ослабление влияния голлизма и коммунизма, ее двух главных противников.

Студенческие лидеры называют себя троцкистами и маоистами. Их цель – смести все, что отождествляет себя с авторитетом власти, границы, ограничения, народные и буржуазные традиции. В результате этот передовой отряд придет к власти.

Они примкнули через 10 лет к социалистам незадолго до их победы в 1981 году. В 70-е годы это поколение начало подчинять себе культуру, а в 80-х они вошли в политическую и экономическую власть. Полностью соответствуя экономическому либерализму, они оттачивали свою идентичность на одержимом европейском активизме, на упразднении границ, на беспрепятственном обращении капиталов, товаров и лиц и на таких общественных темах как однополые браки. Апогей их победы в идеологии, культуре, политике и экономике приходится на 90-е годы и распад Советского Союза.

СМИ, находящиеся под их контролем, ликуют при известии о распаде СССР, аплодируют при расстреле российского парламента в 1993 году, закрывают глаза на подтасовку результатов президентских выборов в 1996 году и объясняют расхищение экономики страны русскими олигархами азиатской отсталостью России.

Восстановление русского государства Владимиром Путиным меняет ситуацию. Ему бы простили момент биографии, связанной со службой в КГБ, если бы он покался, но его идеи об исторической преемственности, о традиционных ценностях, национальной идентичности, национальном суверенитете, о примирении поколений входят в полное противоречие с идеологией, цементирующей ту господствующую элиту. Цели этой элиты построены на противоположных идеях: передача суверенитета европейским инстанциям, упразднение границ, превосходство рынков над политикой.

Отныне Россия олицетворяет все то, что для них неприемлемо, и они еще сильнее объединяются в борьбе, которую проигрывают. Эти левые настолько далеки от народа, что теперь они ищут поддержку у электората, выходцев из эмигрантского населения.

Но исламизация французского общества вызвала в ответ настоящий национальный подъем, и сторонники мультикультурного мира и мира без границ проигрывают идеологическую битву. Эта так называемая элита «от левого центра до правого» терпит поражение. Она контролирует традиционные средства массовой информации: печать, радио, телевидение. Но она потеряла свое влияние с появлением социальных сетей. Лишь один пример. Отклики читателей основных изданий по интернету в своем большинстве противоположны официальной точке зрения, в том числе, касательно России.

Политические силы Франции очень расколоты по отношению к России, кроме Национального фронта и голлистской партии «Вставай, Франция» (*Debout la France*), образованной Николя Дюпон-Эньяном после раскола внутри партии Николя Саркози «Союз за народное движение» (*UMP*).

В целом, поддержка России больше не работает по принципу левые или правые, она определена противостоянием суверенистов и европеистов. В более широком смысле внешняя политика России приветствуется теми, кто видит в американском господстве настоящую угрозу для мировой стабильности. Это противопоставление тех, кто хочет строить Европу наций, опирающуюся на свободное сотрудничество, и тех, кто не видит выхода из европейской интеграции и рассматривает понятие «нация» как устаревшую модель.

С другой стороны, подъем исламского радикализма в мире и, особенно, во Франции позволяет взглянуть на Россию по-другому.

Франция продолжает оставаться в состоянии шока после январских

событий. Все то, о чем знали, но о чем нельзя было говорить, взорвалось. Массовая миграция населения за последние 40 лет глубоко изменила французское общество.

Наша гордость, республиканская школа, не в состоянии передать теперь основы образования населению, которое отвергает, часто с применением силы, ценности нашей страны.

Зло пустило корни и опасность реальна. Французы понимают, что цель врагов – это европейская цивилизация, а Россия является ее частью. Мы стоим перед цивилизационным выбором. Может ли европейская цивилизация выжить, оторвав себя от России? Нужно, чтобы политические силы использовали это прозрение. В этом состоит центральный вопрос будущего. Во всяком случае, ничто уже не будет, как раньше.

Даниэль Эстулин

Из Вестфалии в Ялту: мост в будущее человечества*

На конференции в Ялте 1945 года запечатлен один из решающих моментов в истории человечества. О чем думали президент Рузвельт вместе с Уинстоном Черчиллем и Иосифом Сталиным? Выражения их лиц частично отражают драматизм и иронию момента. Военный альянс против нацистской Германии находится в шаге от окончательной победы. Рузвельт навязал Черчиллю, по крайней мере, временно, некоторые соглашения, определяющие послевоенное устройство мира, но Черчилль уже изобретает способы того, как помешать возможному сотрудничеству США, России и Китая против Британской империи.

Соглашения, принятые на Ялтинской конференции в феврале 1945 года, открывали перед миром совершенно иные перспективы, но эти перспективы исчезли, когда Франклин Рузвельт умер. В Ялте он пообещал Сталину кредит в 4,5 миллиарда долларов на восстановление страны после войны. Американскому президенту, вероятно, говорили, что Сталин законный коммунист, но он знал, что тот был готов пойти на уступки и предложить США исключительные условия для инвестиций и задумывался о создании в СССР рыночной экономики. Мечта не стала реальностью только потому, что на смену Рузвельту пришел Трумэн, человек, который по дороге на Потсдамскую конференцию поручил Эйзенхауэру разработать план ядерной войны против СССР под названием «Тоталити».

Как только Рузвельт был похоронен, британские олигархи и финансисты с Уолл-Стрит сделали все возможное, чтобы избавиться от его планов и программ. Немногим позже ООН попала под контроль британских агентов, антисталинская паранойя была использована для усугубления ситуации, и условия для холодной войны были готовы. Трумэна подтолкнули к тому, чтобы сбросить две бомбы на Японию и таким образом напугать противников нового мирового порядка. Доктрина Взаимного гарантированного уничтожения стала дамочловым мечом над объятами ужасом народами. Британские, французские, голландские и португаль-

* Текст подготовлен для участия в дискуссии.

ские колонии так и не получили свободы. Имперский британский флаг вернулся из небытия. План Маршалла был сведен к стратегии по восстановлению Западной Европы как амортизатора для Советской России.

И, наконец, сейчас у нас есть историческая возможность исправить эту катастрофу. Речь идет о старой идее по достижению мира через взаимное развитие в Европе и во всем мире. Первую попытку осуществить ее предприняли граф Сергей Витте, Эмиль Ратенау и Габриэль Аното в конце XIX века, вторую – Альберт Томас и Вальтер Ратенау под конец Первой мировой войны, и, наконец, третью – Рузвельт, несмотря на сильное сопротивление Великобритании. Речь шла о том, чтобы использовать средства плановой экономики, готовой к войне, чтобы укрепить послевоенный мир посредством реализации крупных гражданских проектов. Сейчас эта задача стоит и перед нами.

Почему англичане так противились этому? Британия настаивает на системе мироустройства или форме организованного хаоса, которую мы сейчас наблюдаем. Она основывается на иррациональном принципе самоуправления – олигархии. Это идея о том, что королевская британская семья, Палата лордов, британская аристократия и олигархия обладают божественным правом править от имени высшей англосаксонской расы и причинять страдания остальному миру во имя этого абсурдного принципа своей власти. Целью этой системы является подавление человечества. Франция, Германия, Россия, Индия, Китай... все эти великие страны оказываются униженными, каждая по-своему. Но конечная цель заключается в том, чтобы подавить всю человеческую расу, потому что одними из последствий этой системы являются бедность и экономическое отставание.

В конце концов, возникает вопрос: где кроется источник зла в XXI веке? Ответ: в олигархической форме мышления в геополитике. Хотя в 1989 году европейские границы были открыты, что окончательно закрепило послевоенный порядок, установленный Ялтинским соглашением, а после конца Советского Союза мир перестал зависеть от двух полюсов власти, старые идеи «равновесия сил», к сожалению, остаются актуальными для многих.

Позвольте мне привести вам несколько примеров. Геополитически мотивированная попытка вовлечь Украину в Ассоциацию с ЕС, что привело бы ее в зону влияния НАТО, дала начало усиливающимся столкновениям, которые, в худшем случае, способны привести к истреблению человеческой расы. Но кроме того почти весь Ближний и Средний Восток находятся в огне, который разожгли основанные на лжи войны против так называемых стран-изгоев. Семена насилия воскресили старую ненависть между исламскими сектами, которая не только стерла с лица Земли колыбель цивилизации, превратив ее в настоящий ад, но также превратилась в серьезную угрозу для Запада.

Последствия политики «смены режимов» повергли в хаос значительные территории Африки, отдав континент во власть террористических и гражданских войн. Но кроме того существуют геостратегические конфликты в Тихоокеанском регионе, способные привести к появлению новых «горячих точек». А так как ничего не было сделано, чтобы устранить причины краха Lehman Brothers в 2008 году, процесс усугубился: банки, слишком большие, чтобы обанкротиться, к сегодняшнему дню стали в среднем на 30-40% крупнее, чем были в то время, долги выросли, а пузырь деривативов достиг почти 2 триллионов долларов. Таким образом, мы живем в преддверии нового системного кризиса, который может разразиться в любой момент, приведя к хаосу и неизбежной стратегической катастрофе.

Поймите, пожалуйста, международное право, прошедшее путь от Вестфальского мира до Устава ООН, в настоящее время попирается по всему миру так называемой Доктриной Блэра и идеей имперских «гуманитарных» вторжений, даже не выносимых на общественное обсуждение. Шаг за шагом нас лишают всего, за что боролись наши прадеды, желавшие лучшей жизни для своих детей и внуков. Все это приносится в жертву максимальной экономической выгоде.

Тем не менее, наша судьба зависит от человеческого рассудка, творческих сил, которые воплощает в себе человеческое существо и которые мы также называем способностью делать благо. Речь идет о стремлении не причинять вреда и творить добро за гранью возможного посредством развития науки и техники, потому что на нас как на род человеческий возложена миссия в этой Вселенной. И я думаю, что, наконец, для нас это огромный шанс, потому что в мире сейчас существует абсолютный вакуум, как политический и стратегический, так и экономический. Мы должны использовать тот факт, что системы, которые, если можно так выразиться, держали мир под контролем на протяжении последних столет, рушатся на наших глазах, открывая огромные политические возможности.

Эта обанкротившаяся система использует такие наднациональные учреждения, как МВФ, Всемирный банк, Всемирная торговая организация, Трансантлатическое партнерство на торговлю и другие подобные валютные инструменты глобализации, чтобы распространить власть империи на весь мир. Но в то же время отказ от существующей контрпродуктивной схемы создал альтернативу трансатлантической системе, находящейся на стадии банкротства. Менее чем за год возник альянс стран, в краткие сроки построивший параллельный экономический порядок и занимающийся созданием исключительно реальной экономики, в противовес максимизации дохода от валютных спекуляций. Речь идет об альянсе, объединяющем сейчас больше половины человечества.

Это новое сообщество стран представляет собой центр власти, осно-

ванных на экономическом росте и особенно на новейших технологиях. Оно нацелено в будущее, как показывает, прежде всего, успех китайской программы по освоению лунной поверхности, заключающейся в транспортировке больших объемов гелия-3 с Луны на Землю для будущей экономики, основанной на термоядерном синтезе. Оно указывает путь к научной и технологической революции, которая на порядок увеличит плотность энергетического потока, как для наземных производств, так и при изготовлении горючего для полетов в Космос, что открывает новый этап в эволюции человечества.

Когда люди объединяются ради справедливого дела и бросают вызов тирании и деспотизму, худшим из существующих зол, это вселяет надежду. Любое человеческое существо по предопределению содержит в себе идеального человека, развивать которого в его неделимой целостности и многообразии проявлений, являет собой великую задачу существования. И таким образом, самое вдохновенное художественное произведение есть результат политической свободы. Пусть как можно больше людей стремятся к совершенству, чтобы вознести на новую высоту понятие человека, пусть личность станет государством. Пусть человек, живущий в плену времени, облагораживает самого себя, чтобы стать человеком идеи и универсальных ценностей.

Через 70 лет после окончания Второй мировой войны настал момент для заключения настоящего стратегического альянса с Россией. Только таким образом мы сможем достичь справедливого и долгосрочного мира, который принесет европейским странам безопасность, стабильность и благополучие. Этого справедливого и долгосрочного мира можно будет достичь, только если Россия, США, Китай и Индия, четыре великих государства, объединят свои усилия и совместно выступят против Империи.

В этом случае экономическое и политическое сотрудничество в евразийском регионе будет дополнено новой формой трансатлантических отношений, если произойдут изменения в политике США. Это возможность, которую мир не может упустить. Пришло время восстановить Вестфальский мир и сделать это не на основе глобализации как таковой, но на основе принципов ненасилия, уважения суверенитета национальных государств и сотрудничества в рамках великого Вестфальского договора. Пришло время покончить с войнами и установить принципы сотрудничества между национальными государствами, которые гарантировали бы их суверенитет.

Мы должны руководствоваться не соперничеством, не стремлением победить или обогнать, но размышлением о том, что мы можем сделать как государство, как можем принести пользу другим, сделать свой вклад на глобальном уровне в общее благо человечества. Если начать перемены сейчас, нам удастся в самом начале остановить величайшую Де-

прессию современной истории, потому что Китай в одиночку не может противостоять краху трансатлантической системы. Индия не перенесла бы этого, Россия не перенесла бы этого без поддержки международного сообщества. Мы должны совместно выступить против Империи с оптимизмом, с пониманием того, что когда мы создаем нечто ценное для наших потомков, мы достигаем бессмертия, не телесного бессмертия, но вечной жизни в плодах нашей деятельности, которые мы приносим в дар прогрессу человечества.

Когда мы находим и передаем открытые законы нашим детям, тем, кто придет после нас, мы тем самым продолжаем жить вечно в истории человечества. И наша земная жизнь уже не имеет начала и конца: наше смертное существование обретает место в вечности, и мы передаем в будущее как опыт предыдущих поколений, так и свой собственный. Мы становимся бессмертными детьми Творца Вселенной.

Нам нужен технологический, научно-технический и культурный прогресс не просто для того, чтобы стать богаче или мощнее, а для того, чтобы обрести бессмертие. Нам необходимо принимать участие в открытии и применении универсальных физических законов, что не по силам ни одному из животных. И когда мы находим в этом нашу мотивацию и нашу мораль, тогда мы становимся морально непобедимыми.

Без любви к справедливости и любви к истине все остальное не имеет для нас большого значения. В нашей цивилизации каждый, кто владеет этой идеей бессмертия во имя других, сам становится бессмертным.

Д.В. Калюжный

Межгосударственные противоречия и народный контроль*

Обсуждение принципов Организации Объединённых Наций началось ещё в ходе Второй мировой войны. 30 декабря 1943 года правительства СССР, США, Великобритании и Китая первым пунктом Московской декларации записали, что «признают необходимость учреждения в возможно короткий срок всеобщей международной организации для поддержания международного мира и безопасности, основанной на принципе суверенного равенства всех миролюбивых государств».

Как видим, речь шла об объединении ГОСУДАРСТВ.

Однако 1 декабря 1943 года на встрече руководителей США, СССР и Великобритании в Тегеране была подписана Декларация, в которой говорилось уже об объединённых нациях и народах. Понятно, почему: термин «объединённые нации» как название стран-союзниц, ведущих войну против гитлеровской Германии, появилось ещё в декабре 1941 года (оно прозвучало в речи Ф. Рузвельта) и уже прижилось.

Возникла терминологическая путаница, кто объединяется: народы, нации или государства – но хотя бы общая идея осталась прежней. Речь шла о международной организации по поддержанию мира и безопасности. В таком понимании её обсуждали и на Крымской (Ялтинской) конференции в феврале 1945 года.

Народ и государство – не одно и то же. Народ есть население страны, живущее своим трудом и создавшее внутренний рынок. Государство же – это та группа, которая поддерживает внешний контакт народа с другими народами, дипломатический, военный и внешнеэкономический. Вся совокупность: народ, рынок и государство, создаёт нацию.

Сегодня Конституции многих стран постулируют, что народ – источник власти; это и есть демократия. Но в 1945 году половина человечества была в колониальной зависимости, причём большая часть принадлежала одному из основателей ООН, Великобритании. Во многих странах демократии не наблюдалось. Были поражены в правах женщины. Даже в США оставались бесправными огромные массы людей, в частности, чернокожие.

* Текст подготовлен для участия в дискуссии.

Доля образованного населения была, по сравнению с нынешними временами, небольшой, а связь внутри стран – примитивной.

Естественно, что власти стран-учредителей ООН считали себя прямыми выразителями интересов народов.

Устав ООН 26 июня 1945 года подписали представители пятидесяти государств, присланные правительствами. Об этом прямо говорится в Преамбуле Устава: «правительства через представителей ... учреждают международную организацию под названием «Объединённые Нации».

И в дальнейшем, как это установлено статьёй 4-й, приём в члены Организации Объединённых Наций предусматривался для миролюбивых ГОСУДАРСТВ. Интересы народов оставались внутренним делом, и таким образом народы, представляя собой источник власти, не могли влиять на решения этого клуба.

За следующие десятилетия произошли большие перемены. Рассыпались колониальные империи. Идеи демократии захватили планету. Развитие коммуникаций достигло таких высот, что возможно мгновенное соединение кого угодно с кем угодно на всей планете и даже в космосе. Однако человечество в целом, как и встарь, разъединено! Конгломерат народов не превратился в источник власти для ООН.

В целом все эти десятилетия ООН выполняла важные функции, но всегда имели место факты нарушения принципов Организации, и что важно – с игнорированием желаний народов. Ярким примером стала война, которую американское государство вело во Вьетнаме, вопреки массовым протестам американского народа. Также народ Франции не одобрял войну правительства своей страны в Алжире – не говоря даже о возмущении народа Алжира. Таких примеров – множество.

Казалось бы, ради достижения основной цели ООН – сохранения мира на Земле, народы должны были стать полноправными участниками обсуждения международных проблем, но в такой плоскости вопрос даже не ставился. Механизм учёта мнения народов не был создан.

Довольно часто в разных странах возникают межэтнические конфликты. В такие моменты, если государство вместо синхронизации интересов разных этносов поддерживает один против другого, то неизбежен развал страны. Ведь даже попытка военного давления власти на народ, или на какую-то этническую группу, означает, что власть не легитимна.

Легитимность есть признание народом системы власти и её персонального состава. Это не только лишний раз подтверждает первичность народа по отношению к государству, но и показывает, что объединения и разъединения народов происходят по их воле! Народы могут объединиться, создав единую страну с общим государством, и благополучно жить, уважая культурные традиции друг друга (Бельгия и Канада, Россия, Финляндия и Швейцария). Наоборот: народы, объединённые насильно, подвергаемые дискриминации, рано или поздно разделяются.

Так, народы бывшей Австро-Венгрии живут ныне в разных странах, от Польши до Италии.

Народы могут разъединиться мирно (как Чехия и Словакия), или не мирно (как бывшая Британская Индия, разделившаяся на Индию и Пакистан через войну, забравшую более миллиона жизней, или как Югославия).

Разумеется, при возникновении новой страны – хоть мирным, хоть не мирным путём – народ выдвигает новых лидеров, которые рано или поздно обязаны заняться геополитическим позиционированием: дипломатией, армией и организацией внешней торговли – тем, чем всегда занимается государственная власть.

Этот случай предусмотрен «Декларацией о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединённых Наций», принятой Генеральной Ассамблеей 24-го октября 1970-го года:

- «1. Все народы имеют право свободно определять без вмешательства извне свой политический статус и осуществлять своё экономическое, социальное и культурное развитие;
2. Каждое государство обязано уважать это право в соответствии с положениями Устава;
3. Каждое государство обязано содействовать с помощью совместных и индивидуальных действий осуществлению принципа равноправия и самоопределения народов;
4. Создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним, или установление любого другого политического статуса, свободно определённого народом, являются формами осуществления этим народом права на самоопределение.
5. Каждое государство обязано воздерживаться от каких-либо насильственных действий, лишающих народы, о которых говорится выше, в изложении настоящего принципа, их права на самоопределение, свободу и независимость».

Казалось бы, всё ясно. Право народов на самоопределение реализуется через плебисцит. Народ, создавший новую страну, образует новое государство, и никакое другое государство, включая то, из-под власти которого вышел народ, не может применять против него насилие.

На деле всё портит ещё один, шестой пункт этой Декларации:

«Ничто в приведённых выше пунктах не должно истолковываться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, соблюдающих в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов».

Столкновение принципа самоопределения народа с принципом нерушимости границ позволяет по-разному трактовать события, связанные с переменами в государственном устройстве в той или иной стране. Потому, что, во-первых, общепризнанных международных норм в части практической реализации права наций на самоопределение нет. Во-вторых, потому, что любое государство опасается аналогичного развития событий на своей территории, и склоняется больше к соблюдению принципа нерушимости границ, чем принципа самоопределения народов.

Например, в начале конфликтов на территории бывшей Югославии, США и страны Европы требовали сохранения целостности федерации. Потом изменили подход и ради права народов на самоопределение применили свои войска. Но в случае с Крымом, Южной Осетией, Абхазией и Приднестровьем они же «закрыли» право народов этих регионов на самоопределение, ссылаясь на то, что якобы Россия поощряла нарушение территориальной целостности, соответственно, Украины, Грузии и Молдавии.

Кажется ясным, что если народ проголосовал на плебисците за независимость и провёл выборы властных органов, то власть этой новой страны легитимна. Её непризнание другими государствами означает пренебрежение мнением народа, выбравшего свою систему власти и персоналий. Непризнание нарушает права народа, лишает его возможности нормального существования, подрывает дипломатию и торговлю.

То же самое можно сказать о борьбе администраций некоторых стран против якобы режимов во вполне признанных странах, членах ООН (Куба, КНДР): для таких действий тоже нет правовых оснований, и они тоже направлены не против государств, а прямо против народов, ухудшая их положение, ограничивая их права.

Опыт показывает, что в рамках сложившейся международной практики ничего не могут изменить ни ООН, ни разовые конференции, ни пышные саммиты. Нужны перемены в устройстве планетарной власти. Пора подключить к работе более высокому, чем государства, силу: власть народов.

Возьмём в качестве примера землю, на которой мы находимся: Крым. Между сторонами «санкционного конфликта» существует непонимание, вызванное разной трактовкой фактов и недоверием некоторых государств к результатам состоявшегося 16 марта 2014 года референдума о статусе Крыма. Страдают от санкций/антисанкций отнюдь не правители, а народы, и они желают понять, есть ли основания для их страданий.

Решить проблему можно только проверкой и уточнением. Государства затрудняются сделать это. Россия не будет проводить новый референдум, потому что он уже состоялся. А правительства, объявившее России санкции, не откажутся от них. Это тупик.

Но сами народы способны осуществить общественный контроль, и

вправе сделать это, поскольку, в соответствии с принципами демократии и конституциями многих стран, народ – источник власти. Если государства запутались и не могут решать международные проблемы иначе, как организуя экономические, финансовые или горячие войны – которые ухудшают жизнь основной массы народа, а зачастую ведут к человеческим жертвам – то народы имеют право сказать своё слово.

В дальнейшем такой комитет мог бы стать постоянным органом с членами, избранными в каждой стране напрямую населением, с задачей изучения проблем и проведения референдумов в спорных случаях в любой стране. Такой орган, посредник при урегулировании политических кризисов, мог бы давать рекомендации по вопросам войны и мира, признания или непризнания новых стран и другим подобным вопросам.

Ассоциация фондов мира вполне годится для сближения полярных точек зрения, для осуществления самого демократического лозунга: Власть народам! Power to the people!

П.И. Пашковский

Причины трансформации Ялтинской системы международных отношений и дезинтеграции СССР в исследованиях А.И. Уткина*

В текущем году исполняется 70 лет Ялтинской (Крымской) конференции 4-11 февраля 1945 г., в ходе которой главы держав антигитлеровской коалиции Ф. Рузвельт, И. Сталин и У. Черчилль решили основные вопросы завершения Второй мировой войны, сформировав Ялтинскую или Ялтинско-Потсдамскую систему международных отношений, просуществовавшую до последнего десятилетия XX века [14, с. 39-40]. Дезинтеграция СССР и крушение биполярного мира обусловили масштабную трансформацию данной международной системы, породив бурные и затяжные дискуссии относительно причин обозначенных событий, исследование которых связано с клубком противоречий, затрагивающих комплекс актуальных геополитических, социально-экономических и культурно-психологических проблем современности [1-3; 13; 15-17].

Одним из тех, кто осуществил глубинный анализ указанных сюжетов [7-12] на основе изучения значительного количества трудов западных экспертов, был выдающийся российский учёный, доктор исторических наук, профессор, признанный специалист в области истории и теории международных отношений, геополитики, всемирной истории нового и новейшего времени, автор более 70 монографий и нескольких сотен статей, Анатолий Иванович Уткин (1944-2010) [4-6]. Настоящая публикация имеет целью рассмотрение причин (факторов) трансформации Ялтинской системы международных отношений и дезинтеграции СССР, выделенных и охарактеризованных данным исследователем.

В качестве первой причины разрушения СССР и последующего изменения международной системы А. Уткин обозначает «перенапряжение в гонке вооружений». Логика данного утверждения исходит из того, что СССР не мог на равных конкурировать с США в гонке стратегических вооружений, при этом расходуя на военные нужды 40 % своих исследовательских работ, до 28 % валового внутреннего продукта и размещая аналогичное количество ракет средней дальности в Европе. Полити-

* Текст подготовлен для участия в дискуссии.

ка администраций Р. Рейгана и Дж. Буша, направленная на увеличение военных ассигнований, расширение военных исследований, включая Стратегическую оборонную инициативу (СОИ), якобы способствовала «откату коммунизма советского образца», переговорам об уничтожении ракет среднего радиуса действия в Европе, крушению берлинской стены и дальнейшему разрушению второй сверхдержавы. Как отмечает А. Уткин, по мнению некоторых американских аналитиков, особое воздействие на советских лидеров оказала категоричность США в вопросе размещения ракет среднего радиуса действия СС-20 и противопоставления Советскому Союзу своей программы размещения Першингов-2. В немалой степени усугубил эффект советского «перенапряжения» и приход к власти в ключевых государствах Европы таких «более склонных к самоутверждению лидеров», как М. Тэтчер (1979) и Г. Коль (1982), окончательно ослабивших надежды Москвы «на мир с Западом». Вместе с тем, сами американские эксперты впоследствии отмечали, что СССР в это время имел в космосе более совершенные системы. А в августе 1993 г. администрация У. Клинтона уже не скрывала, что первые результаты реализации СОИ были сфабрикованы.

Помимо этого, аргумент «перенапряжения в гонке вооружений» как причины дезинтеграции, по словам А. Уткина, порождает цепочку вопросов: почему именно М. Горбачёв был избран Генеральным секретарём ЦК КПСС; зачем впоследствии он подорвал собственную политическую базу, приведя к власти своего противника; как была сокрушена вторая экономика мира?

Доказательством правомерности подобных сомнений выступают утверждения американских исследователей, что выход советских войск из Афганистана и Восточной Европы был осуществлён значительно позже рейгановских усилий в области военного строительства (приходившихся на 1981–1984 гг.) и того момента, когда стало ясно, что американское вооружение не делает советскую переговорную позицию мягче. Противоречивость тезиса о «переутомлении» подтверждает и то, что в 1980-е гг. СССР был гораздо сильнее, чем в 1950-е или 1960-е гг., а его индустриальная база за послевоенные десятилетия выросла многократно. Поэтому возникает вопрос: как могла подорваться советская экономика в конце 1980-х гг., если она выстояла в 1940-х? Кроме того, никто пока не смог доказать, что бремя оборонных расходов в Советском Союзе в 1980-е гг. действительно возросло и существует прямая связь между американским военным строительством и коллапсом советской внешней политики.

В связи с этим многие западные специалисты полагают, что в качестве реакции Москвы на ужесточение американского курса ожидалось не отступление, а, напротив, ответное ужесточение, которое, в свою очередь, имело место в 1984 г. С учётом этого, «новая дипломатия» М. Горбачёва

сформировалась вопреки наступлению США. Показательно также, что реальное улучшение двусторонних отношений началось не в период напряжённости и расцвета рейгановского военного строительства, а к 1986 г., когда на переговорах в Рейкьявике Вашингтон смягчил риторику и практические подходы. Отсутствуют доказательства и наличия у Р. Рейгана, несколько раз вообще саботировавшего встречи на высшем уровне, продуманной стратегии действий в данном противостоянии. Следовательно, видимый пробел в обосновании влияния американского военного строительства на СССР ставит под сомнение тезис о «перенапряжении в гонке вооружений» как причине его дезинтеграции [10, с. 314-318].

Вторым фактором определяется «изначальная порочность советской системы», которая, будучи основанной на коммунистической идеологии, погибла якобы вследствие внутренних противоречий. Аргументами в данном случае являются утверждения относительно её внутренней непрактичности, неспособности дать верное направление для общественного и экономического развития в рамках современных технологий, лишении экономики стимулов роста производительности. По замечанию А. Уткина, ряд экспертов отстаивают тезис о негативной роли «российского термидора 1920-х гг.», когда революционеры были отодвинуты сталинистами, приведшими к тоталитаризму. Сторонников этой точки зрения объединяет постулат о превосходстве системы либеральной рыночной экономики над плановым коммунистическим хозяйствованием, первоначальный успех которого «захлебнулся» в неспособности в «закатные десятилетия» удовлетворить возросшие нужды массового потребителя. Исходя из этого, строй, базирующийся на «изначально порочной» и неэффективной идеологии, был обречён, держась лишь на «энтузиазме, помноженном на насилие».

Но подобное объяснение вызывает принципиальный вопрос: если коммунизм действительно был «болезненным извращением человеческой природы», то почему и каким образом он позволял Советскому Союзу в течение пятидесяти лет превосходить по темпам развития наиболее эффективные страны мира? Даже самые бескомпромиссные критики признают, что «советская экономика сама по себе не погрузилась во мрак»: население работало, питалось, было одето, осваивало жильё и постоянно увеличивалось. Более того, данная система позволила создать первый в мире реактор, производящий электричество, первое судно на воздушной подушке, первый спутник, реактивную авиацию, осуществить первый выход в космос и многое другое, отнюдь не свидетельствующее о научно-техническом кризисе. И даже если гипотетически представить, что «коммунизм был болен», то почему он болел так долго, «не проявляя видимых летальных черт?» [12, с. 264-265].

В-третьих, причиной крушения СССР якобы стала его «внутренняя

эволюция». Приверженцы этой интерпретации придают первостепенное значение распространению с помощью радио, телевидения и других средств массовой коммуникации либеральных идей, воздействовавших на закрытое советское общество. В конечном счёте, указанные процессы приводят к возникновению своего рода среднего класса и формированию либерального подхода к экономике, культуре и идеологии. Решающую роль «сыграло переосмысление семидесяти с лишним лет советского эксперимента», активизированное потоком публикаций о правах человека, искажении моральных и этических принципов, и дискредитировавшее советскую систему. Последнее сфокусировало реформистское движение, побудив общество «голосовать против морально коррумпированной прежней элиты» [9, с. 96-97].

При этом развитие международных контактов создало базу для формирования в СССР слоя, заинтересованного в улучшении отношений с Западом. В результате дезинтеграция Советского Союза произошла не из-за его слабости, а вследствие ожидания от Запада компенсации за свои шаги навстречу. Разделяющие данный тезис исследователи делают вывод, что именно внутренняя неудовлетворённость населения и открытые выражения массового недовольства подтолкнули советского лидера на меры, уменьшившие военную мощь его страны. В свою очередь, парирует А. Уткин, если бы это соответствовало действительности, то в рядах советской элиты виделось бы гораздо более широкое стремление реформировать государство. На деле же, кроме М. Горбачёва, Э. Шеварднадзе и А. Яковлева, советский «высший эшелон так и не выделил жрецов разрядки». И лишь с 1988 г., удалив своих политических соперников, генсек мог смело проводить намеченный курс. Немаловажная роль в этом процессе отводится советским диссидентам, во многом под влиянием которых в странах Восточной Европы к 1980-м гг. начало складываться гражданское общество. Таким образом, начатые сверху изменения получили важную поддержку снизу в лице советской интеллигенции, встретившей «гласность» с величайшим энтузиазмом [7, с.425-427].

Четвёртой движущей силой представляется «роль личности в истории». Решающее значение в процессе окончания холодной войны, крушения советской системы и дезинтеграции СССР имела вовсе не позиция США, а действия М. Горбачёва и его ближайшего окружения. Выражаясь словами А. Уткина, «люди в Кремле потрясли базовые условия прежнего мира». Странники этой концепции выделяют, по меньшей мере, четыре сферы, где советский генсек сыграл ключевую роль: изменение военной политики (особенно после его выступления в ООН в декабре 1988 г., когда мир убедился в серьёзности советских намерений); отказ от признания классовой борьбы «смыслом мировой истории», выдвигание на первый план «общечеловеческих ценностей» и признание значимости ООН; отказ от поддержки марксистских режимов в «третьем

мире»; изменение отношения к восточноевропейским странам и отказ от «доктрины Брежнева» [11, с. 487-508].

В этом контексте многие американские эксперты признают, что М. Горбачёв сделал «львиную долю уступок» Западу. Советский лидер не только уничтожил новейшие СС-20, размещённые в Европе в конце 1970-х и начале 1980-х гг., но и установленные в конце 1950–1960 гг. ракеты СС-4 и СС-5. По его распоряжению были нейтрализованы ракеты, расположенные как в европейской зоне, так и в Азии. Особенно впечатляющими стали односторонние уступки генсека в обычных вооружениях в Европе – десятках тысяч новейших танков и самолётов. Подобное нарекли так называемой «доктриной Синатры», деклариовавшей, что советский лидер «шёл своим путём». Аналитики, называющие М. Горбачёва «главным автором краха СССР», отмечают его упрямство, нежелание и неспособность оценить силы национализма, авторитаризм его политического стиля, волюнтаризм при передаче политической власти республикам и другие «пороки руководства» [8, с. 12-214].

Следуя А. Уткину, в американской историографии выделяется «три школы» интерпретации роли и места личности советского генсека в истории. Первая характеризует М. Горбачёва как «проходную фигуру», инициировавшую реформы с целью укрепления личной власти. В рамках второй школы советский лидер предстаёт реформатором, который быстро сбился с пути, оказавшись жертвой масштабных перемен, будучи не в силах их контролировать. Третья школа называет М. Горбачёва подлинным реформатором, столкнувшимся с противодействием руководства коммунистической партии, что привело его к тактическим компромиссам, в ходе которых он пытался избавиться от контроля со стороны КПСС. Для успешного завершения задуманного – построения государства, базирующегося на «господстве закона» в форме конфедеративного союза из основного числа советских республик – ему якобы просто не хватило времени.

Вместе с тем, по утверждению А. Уткина, имеется группа исследователей, признающих основополагающую роль Б. Ельцина в процессе дезинтеграции СССР. Ведь во многом именно его действия привели к выходу РСФСР из Советского Союза после «сговора» с руководством Украины и Белоруссии. А росту популярности первого президента России способствовал конфликт с М. Горбачёвым, рейтинг общественного доверия которому резко падал.

Некоторые эксперты ключевой фигурой советского политического олимпа этого периода видят Л. Кравчука. Дело в том, что единое государственное образование – унитарное государство, федерация или конфедерация – без Украины являлось бы нежизнеспособным. В то же время, украинский лидер не шёл ни на какие компромиссы, добиваясь независимости своей страны. [12, с. 267-268].

Пятым фактором трансформации Ялтинской системы международных отношений в результате дезинтеграции СССР является «необратимая инерция, исходящая от международной обстановки», что в 1980-е гг. обязало советское руководство прибегнуть к переменам, которые не были доведены до конца вследствие жёсткой западной политики. Западные лидеры, в сущности, дали М. Горбачёву «орудие самоубийства». Иначе, задаётся логичным вопросом А. Уткин, как объяснить крах государства, в котором рабочие не бастовали, армия демонстрировала предельную покорность, союзные республики до определённого времени думали максимум о «региональном хозрасчёте», село трудилось, интеллигенция писала и учила. Данный тезис основан на утверждении об очевидности потери советским руководством веры в будущее, его смятении и «самоубийственном поиске простых решений». Здесь проявился и «эффект бумеранга»: советская пропаганда настолько демонизировала образ Запада, что многие представители интеллигенции бросились в крайности его идеализации, теряя «историческое чутьё» и критическое восприятие действительности.

Что же явилось ключевым событием, впоследствии приведшим к разрушению СССР? Как отмечает А. Уткин, специалисты расходятся в определении такового, выделяя ряд знаковых событий: крушение Берлинской стены в ноябре 1989 г., уничтожившее ведущего экономического партнёра Советского Союза, нанеся удар по партии, бывшей не в состоянии объяснить подобной сдачи позиций; декларация суверенитета, принятая российским парламентом в июле 1990 г., что привело к ослаблению «осевого стержня страны» и запустило цепную реакцию «парада суверенитетов»; создание сепаратной коммунистической партии РСФСР летом 1990 г., поляризовавшее партийную систему, парализовав общую политическую систему страны; «экономические шатания» 1990 г., когда руководство слишком резко меняло курс (от союза с реформаторами до возвращения к прежней системе); взятие республиками на себя 1 января 1991 г. функции сбора налогов, что заставило Центр пересмотреть единый до того бюджет; избрание Б. Ельцина президентом России 12 июля 1991 г., обрекшее «страну на расхождение в отдельные национальные кварталы»; приход к власти ГКЧП в августе 1991 г., после чего атмосфера в государстве уже «не позволяла принять верный курс»; беловежские соглашения, перечеркнувшие надежды на конфедерацию или «ещё менее обязывающую форму» объединения союзных республик [7, с. 432-434].

Наконец, «комбинация факторов» – шестая причина трансформации «Ялтинского мира». Многие специалисты, по словам А. Уткина, подчёркивая сложность предмета анализа, усматривают причины дезинтеграции СССР в сочетании ряда факторов. Иначе говоря, крах второй сверхдержавы стал следствием взаимодействия определённых событий,

условий, политических курсов, убеждений и даже случайностей, которые оказались «неподвластны всем попыткам обратить их вспять».

В числе наиболее значимых факторов российский исследователь, ссылаясь на американского эксперта Дж. Геддиса, отмечает столкновение технологии с экологией, коллапс авторитарной альтернативы либерализму и «общемировое смягчение нравов». Интересной, по мнению А. Уткина, представляется интерпретация данной проблемы немецким социологом Р. Дарендорфом, выделяющим такие факторы дезинтеграции советской системы, как роль личности М. Горбачёва; «коммунизм никогда не был жизнеспособной системой»; «странная история» 1980-х гг., когда «Запад обрёл уверенность в себе». В этой связи американский историк и политолог П. Кеннеди выводит три фактора: кризис легитимности советской системы; кризис экономической системы национальных структур; кризис этнических и межкультурных отношений. Наиболее комплексный из приведённых российским учёным подходов, принадлежит американскому аналитику Дж. Брауну, определившему шесть факторов дезинтеграции Советского Союза: сорок лет замедления развития; нелегитимность коммунизма; потеря советской элитой убеждённости в своей способности управлять страной; нежелание данной элиты укреплять свою власть; улучшение взаимоотношений Востока и Запада; инициативы М. Горбачёва [12, с. 270].

Исходя из сказанного, проблема определения и объяснения причин и факторов трансформации Ялтинской системы международных отношений вследствие дезинтеграции СССР является одной из самых актуальных, многозначительных и неоднозначных в исторической и политической науках современности. На этом фоне особой обстоятельностью суждений и обоснованностью оценок выделяются исследования А. Уткина, попытавшегося обобщить и проанализировать вклад западных экспертов в дело изучения обозначенной проблемы, предложив собственные аргументированные выводы. С его точки зрения, выделяется пять основных причин разрушения второй сверхдержавы и последующих изменений международной системы: перенапряжение Советского Союза в гонке вооружений; изначальная порочность советской системы; пагубность внутренней эволюции; роль личности в истории (генсек и представители советской элиты); необратимая инерция, исходящая от международной обстановки. Однако ни одно из приведённых умозаключений не может дать комплексное объяснение обозначенным процессам. Поэтому российский исследователь, подчёркивая необходимость дальнейшего изучения указанной проблемы, отмечает в качестве шестой (эклектической) причины комбинацию разнообразных факторов, подчас причудливое сочетание которых, предопределило судьбу Советского Союза и биполярного мироустройства.

Источники и литература

1. Глазьев С. Итоги и перспективы интеграционных процессов на постсоветском пространстве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.glazev.ru/есопом_polit/295/.
2. Ирхин А.А. Геополитические циклы Евразии и национальные интересы Украины. – Севастополь: Рибэст, 2011. – 294 с.
3. Кононов И.Ф. Трансформационный опыт Украины, России и Беларуси: поиск интерпретативных моделей // Вісник Луганського національного університету імені Т. Шевченка. Серія: Соціологічні науки. – 2010. – Т. 2., Ч. 1. – № 12 (199). – С. 84-108.
4. Пашковский П.И. К вопросу о научном наследии профессора А.И. Уткина // Материалы научной конференции «Ломоносовские чтения» 2014 года и Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов – 2014» / Под ред. М.Э. Соколова, В.А. Иванова, Н.Н. Миленко, В.В. Хапаева, Н.В. Величко. – Севастополь, 2014. – С. 80-81.
5. Пашковский П.И. Профессор А.И. Уткин: страницы биографии классика истории и политологии международных отношений // Культура народов Причерноморья. – 2014. - № 274 – С. 20-23.
6. Пашковский П.И. Светлой памяти Анатолия Ивановича Уткина // Интеллектуал. – 2011. - № 12. – С. 54-56.
7. Уткин А.И. Большая восьмёрка: цена вхождения. – М.: Алгоритм, 2006. – 480 с.
8. Уткин А.И. Измена генсека. Бегство из Европы. – М.: Эксмо; Алгоритм, 2009. – 256 с.
9. Уткин А.И. Мир после сентября 2001 года. – М.: Издатель А.В.Соловьёв, 2002. – 254 с.
10. Уткин А.И. Подъём и падение Запада. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. – 761 с.
11. Уткин А.И. Русские войны: Век XX-й. – М.: Алгоритм; Эксмо, 2008. – 528 с.
12. Уткин А.И. СССР в осаде. – М.: Эксмо; Алгоритм, 2010. – 288 с.
13. Юрченко С.В. Исторический опыт поколений как фактор изменения международных систем // Поколения в истории: ритмы духовности / Науч. ред. И.И. Кальной, А.В. Горбань. – Симферополь: Ариал, 2012. – С. 213-233.
14. Юрченко С.В. К 66-й годовщине Крымской (Ялтинской) конференции 1945 года: Размышления об уроках истории и внешней политике великих держав // Интеллектуал. – 2011. - № 12. – С. 39-42.
15. Cohen S. F. Soviet Fates and Lost Alternatives: From Stalinism to the New Cold War. – N.Y.: Columbia University Press, 2009. – 308 p.
16. Kuchins A. Alternative futures for Russia to 2017. – Washington, D.C.: The CSIS Press, 2007. – 71 p.
17. Legvold R. The Russia File. How to Move toward a Strategic Partnership // Foreign Affairs. – July/August 2009. – Vol. 88. - № 4. – P. 78-93.

РЕЗОЛЮЦИЯ **международной научной конференции** **«Ялта 1945: прошлое, настоящее, будущее»**

Международная научная конференция «Ялта 1945: прошлое, настоящее, будущее» прошла с 4 по 5 февраля 2015 года в Ливадийском дворце в Крыму. В ней приняло участие более 130 ученых, политиков, экспертов и общественных деятелей из 23 стран мира. В ходе двух дней было заслушано 25 докладов, состоялась оживленная и конструктивная дискуссия.

В выступлениях участников конференции отмечалось, что крымская встреча Иосифа Сталина, Франклина Рузвельта и Уинстона Черчилля стала важнейшей вехой дипломатической истории XX века, высшей точкой сотрудничества союзников в ходе Второй мировой войны. Заложенные в Ялте и закрепленные в Потсдаме решения о будущем Европы и мира создали надежную и прочную архитектуру международных отношений, построенную на балансе влияния ведущих мировых держав.

Особое внимание участников конференции было уделено анализу тех процессов, которые позже способствовали разрушению сотрудничества между странами, вели к формированию блоковой системы и напряженности в международных отношениях. К концу XX века была разрушена Ялтинско-Потсдамская система международных отношений и общая структура всей европейской безопасности.

Рассматривая современные мировые процессы, докладчики подчеркивали необходимость возврата к главенствующей миротворческой роли Организации Объединенных Наций, полноценному международному диалогу и отказу от однополярной модели мира.

Завершая свою работу, участники конференции считают необходимым:

Обратиться к политикам, ученым, общественным деятелям и журналистам всех государств с призывом активно содействовать возрождению в современных отношениях между странами «духа Ялты и Потсдама» как залога сотрудничества и конструктивного диалога.

Осудить попытки возрождения в мире идей нацизма в любой форме.

Подчеркнуть актуальность и важность распространения достоверной информации о Второй мировой войне, союзничестве СССР, Великобритании и США в борьбе с фашизмом.

Поддержать прозвучавшую в докладах участников инициативу учреждения памятного дня в честь союзнических войск во Второй мировой войне. Этим днем могло бы стать 25 апреля – день встречи союзных армий на Эльбе.

Подготовить и издать материалы международной научной конференции «Ялта 1945: прошлое, настоящее, будущее».

5 февраля 2015 г.

Российская Федерация, г. Ялта, Ливадийский дворец.

Сведения об авторах

Евгений Петрович АБРАМОВ

профессор Военно-медицинской академии имени С.М. Кирова, доктор исторических наук.

Жан-Пьер АРРИНЬОН

Jean-Pierre Arrignon

Ведущий французский специалист по средневековой истории Руси и истории современной России. Почетный профессор университетов.

Сергей Николаевич БАБУРИН

Главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН, заместитель председателя Государственной Думы России II и IV созывов, заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор.

Питер БАХМАЙЕР

Peter Bachmaier

Профессор, историк и политолог, в 1972 – 2005 гг. заведующий отделом Австрийского института Восточной и Юго-Восточной Европы в Вене.

Александр Юрьевич БОРИСОВ

доктор исторических наук, профессор МГИМО (У) МИД РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посланник.

Карл-Хайнц ВЕНДТ

Karl-Heinz Adolf Wendt

Председатель Общества по защите гражданских прав и достоинства человека (ФРГ), член Правления немецкого отделения Европейского форума мира.

Александр Викторович ГОРОХОВ

Писатель, аналитик Фонда стратегической культуры (Украина).

Алексей Анатольевич ГРОМЫКО

Директор Института Европы РАН, доктор политических наук.

Александр Анатольевич ИРХИН

Заместитель директора Гуманитарно-педагогического института Севастопольского государственного университета, профессор кафедры новой и новейшей истории Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, доктор политических наук, доцент.

Дмитрий Витальевич КАЛЮЖНЫЙ

Писатель, автор научно-популярных книг по истории, социологии и экологии, романов и пьес. Доктор философии.

Анатолий Евгеньевич КАРПОВ

Первый заместитель Председателя Комитета Государственной Думы ФС РФ по экономической политике, инновационному развитию и предпринимательству,

президент МАФМ (Международная ассоциация фондов мира), многократный чемпион мира по шахматам.

Валентин Юрьевич КАТАСОНОВ

Доктор экономических наук, профессор МГИМО (У) МИД РФ.

Сергей Николаевич КИСЕЛЁВ

Доцент кафедры экономической и социальной географии и территориального управления Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, кандидат филологических наук.

Владимир Петрович КОЗИН

Руководитель Группы советников директора Российского института стратегических исследований, член-корреспондент Российской академии естественных наук, профессор Академии военных наук Российской Федерации, кандидат исторических наук.

Константин Николаевич КОСТИН

Председатель правления Фонда развития гражданского общества.

Сергей Владимирович КУЛИК

Заведующий кафедрой «История» Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, профессор кафедры региональной политики и политической географии СПбГУ, доктор исторических наук.

Джон ЛОКЛЕНД

John Laughland

Британский политолог, директор исследовательских программ российского Института демократии и сотрудничества (Париж), профессор.

Ксавье МОРО

Xavier Moreau

Политолог, эксперт аналитической группы «Сокол» (Франция).

Наталья Алексеевна НАРОЧНИЦКАЯ

Президент Фонда изучения исторической перспективы, руководитель Института демократии и сотрудничества (Париж), доктор исторических наук.

Вячеслав Алексеевич НИКОНОВ

Председатель Комитета по образованию Государственной думы ФС РФ, декан факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор исторических наук.

Ирина Николаевна НОВИКОВА

Декан факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук, профессор.

Армен Гарникович ОГАНЕСЯН

Главный редактор журнала «Международная жизнь».

Пётр Игоревич ПАШКОВСКИЙ

Преподаватель кафедры политических наук и международных отношений

Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, кандидат политических наук.

Олег Валентинович РОМАНЬКО

Доктор исторических наук, профессор Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, действительный член Российского исторического общества.

Елена Николаевна РУДАЯ

Руководитель научно-просветительских и культурных программ Фонда изучения исторической перспективы, кандидат исторических наук.

Артем Юрьевич РУДНИЦКИЙ

Заместитель директора Историко-документального департамента МИД России, доктор исторических наук.

Ричард САКВА

Richard Sakwa

Британский политолог, профессор, руководитель факультета политологии и международных отношений Кентского университета в г. Кентербери.

Надежда Алексеевна СИЛАНИНА-РЕМИ

Nadezhda Silanina-Remi

Кандидат на выборы в Европейский парламент от партии «Вставай, Франция» («Debout la France»). Координатор по связям с Россией.

Александр Константинович СМОЛКО

Предприниматель и общественный деятель, продюсер и автор историко-документального фильма «Союзники».

Анри ТАМПЛЬ

Henri Temple

Профессор, адвокат, арбитр, эксперт по международному праву, автор книги «Всеобщая теория нации» (Франция).

Юриус ТРАКШЯЛИС

Jurius Trakselis

Председатель общественной организации «Институт военного наследия», инициатор международного проекта «Общая история. Общая память» (Литва).

Виталий Товиевич ТРЕТЬЯКОВ

Декан Высшей школы телевидения МГУ имени М.В. Ломоносова, автор и ведущий телепрограммы «Что делать?» (канал «Культура»).

Срджа ТРИФКОВИЧ

Serge Trifkovic

Редактор внешнеполитического отдела журнала Chronicles (США), профессор политологии и международных отношений Баня-Лукского университета (Босния и Герцеговина). Сооснователь Фонда балканских исследований имени Лорда Байрона, доктор исторических наук (США).

Анатолий Сергеевич ФИЛАТОВ

Заместитель директора по научной работе Крымского отделения Института стран СНГ, доцент кафедры политических наук и международных отношений Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, кандидат философских наук, доцент.

Чеслав ПАРТАЧ**Czeslaw Partacz**

Доктор исторических наук, профессор факультета гуманитарных наук Кошалинского политехнического университета (Польша).

Александр Анатольевич ЧУРИЛИН

Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации.

Адам СМЕХ**Adam Smeich**

Заведующий библиотекой Лодзинского университета, член редакционного совета еженедельника «Мысль Польская», журналист, владелец и редактор интернет-сайта Jednodniówka Narodowa (Польша).

Даниэль ЭСТУЛИН**Daniel Estulin**

Писатель, автор книги «Подлинная история Бильдербергского клуба» (2005 г.). Автор и ведущий ТВ-шоу на испанском языке – «Desde la Sombra» («Из мрака») на телеканале RT (Russia Today).

Сергей Васильевич ЮРЧЕНКО

Проректор по международной деятельности и информационной политике, заведующий кафедрой политических наук и международных отношений Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, профессор, доктор политических наук.

СОДЕРЖАНИЕ

5 ПРИВЕТСТВЕННЫЕ СЛОВА

17 МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. ЯЛТИНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ КАК ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ИТОГ СОЮЗНИЧЕСТВА

18 Н.А. Нарочницкая

Геополитические итоги Ялтинской конференции и их роль в истории XX века

35 Р. Саква

От Ялты до Мальты и обратно

43 А.Г. Оганесян

Ялтинская конференция в шаге от глобального партнерства

48 С.В. Юрченко

Ялтинская конференция 1945 г.: принципы формирования международной системы в переговорах «Большой тройки»

54 А.Ю. Рудницкий

Дипломатическая подготовка Ялтинской конференции. Деятельность Федора Гусева, посла СССР в Великобритании

59 Е.П. Абрамов

Военно-стратегическая обстановка созыва и проведения Ялтинской конференции в феврале 1945 г.

67 О.В. Романько

Статус Крымского полуострова в планах нацистского военно-политического руководства

75 С.В. Кулик

Советское движение Сопротивления на оккупированной территории России

83 ПОСЛЕВОЕННАЯ АРХИТЕКТУРА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ.
РОЛЬ РЕШЕНИЙ ЯЛТЫ И ПОТСДАМА В ПРЕДОТВРАЩЕНИИ
КРУПНОМАСШТАБНЫХ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

84 В.А. Никонов

Ялта: интересы и компромиссы

89 А.Ю. Борисов

Ялтинская конференция – от сотрудничества к блоковому противостоянию

97 В.Ю. Катасонов

Репарации по итогам Второй мировой войны: решения Ялты и современное состояние вопроса

104 А.С. Филатов

Односторонняя ревизия ялтинской системы мироустройства: глобальные и региональные конфликты

112 А.А. Чурилин

Ялтинская конференция – важный этап в строительстве послевоенного мира

118 И.Н. Новикова

Европа в системе послевоенного мирного урегулирования

126 П. Бахмайер

Австрия как мост между Востоком и Западом, 1945-2015

132 А.В. Горохов

Проблема европейской безопасности в связи с возрождением фашизма в центре Европы

136 Ч. Партач

Польский вопрос в послевоенном европейском устройстве. Границы и зоны влияния объединенных наций в послевоенной Польше

143 А. Смех

Борьба за реализацию Ялтинско-Потсдамского мира: пример Общества SUOZUN

151 С.Н. Киселев

Постялтинский мир и «Малая игра» в Причерноморье

157 А.А. Ирхин

«Ялтинский мир» и Турция: этапы эволюции внешней политики Анкары 1945-2015 гг.

163 Ж.-П. Арриньон

Ялтинская конференция во французских учебниках для средней школы

167 В.Т. Третьяков

Вторая мировая война в перекрестье истории, политики и средств массовой информации

**171 ЯЛТИНСКАЯ СИСТЕМА И СОВРЕМЕННЫЕ
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ****172 С.Е. Нарышкин**

Обращение к участникам конференции

175 А.А. Громыко

Значимость наследия ялтинских решений в современном мире

180 Дж. Локленд

Идеология и геополитика в период двух холодных войн

185 С.Н. Бабурин

Ялтинские договоренности великих держав в 1945 году и их уроки для XXI века

191 А. Тамплъ

Национальное государство как основа существования новой Европы в современных геополитических условиях

195 В.П. Козин

Особенности «холодной войны 2.0» и пути ее преодоления

202 С. Трифкович

Россия и Запад: геополитический и культурный раскол в прошлом, настоящем и будущем

213 К. Моро

Роль СССР в восстановлении Франции генералом де Голлем во время Ялтинской конференции

217 К.-Х. Вендт

Об опасности возрождения фашизма в Европе

221 Ю. Тракшялис

Историческая память о войнах XX века как основа достижения общественного согласия в Литве

226 Е.Н. Рудая

Одна на всех победа (Военное союзничество как фактор борьбы с искажениями истории)

231 А.К. Смолко

Актуальность традиций братства по оружию

235 Н.А. Силанина-Реми

Русский дискурс во французской политической жизни

239 Д. Эстулин

Из Вестфалии в Ялту: мост в будущее человечества

244 Д.В. Калюжный

Межгосударственные противоречия и народный контроль

249 П.И. Пашковский

Причины трансформации Ялтинской системы международных отношений и дезинтеграции СССР в исследованиях А.И. Уткина

257 Резолюция**259 Сведения об авторах**

ФОНДЫ – ОРГАНИЗАТОРЫ КОНФЕРЕНЦИИ

ФОНД РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Некоммерческая организация, которая специализируется на актуальных исследованиях в области политики, регионального развития и современных медиа. Фонд возглавляет эксперт и политолог, в прошлом руководитель Управления Президента РФ по внутренней политике Константин Николаевич Костин. Миссия Фонда – улучшение качества политики и общественной жизни путем исследований, анализа и прогнозирования. Задача деятельности Фонда – максимально сократить дистанцию между академической наукой и практической политикой, сделать результаты работы прикладными, а выводы инструментальными и применимыми.

Основными направлениями деятельности Фонда являются: исследование общественно-политических процессов в современной России, в том числе на региональном уровне, изучение новых средств и методов коммуникаций, а также «новых медиа», изучение проблем и перспектив развития НКО, сотрудничество с наиболее авторитетными представителями экспертного и научного сообщества, издательская деятельность.

ФОНД ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ

Некоммерческая общественная организация, учрежденная в 2004 году политологом, доктором исторических наук, депутатом Государственной Думы IV созыва Наталией Алексеевной Нарочницкой.

Фонд исторической перспективы реализует научные, информационные, исследовательские проекты, посвященные широкому кругу международных, политических, экономических и культурологических проблем. Среди основных направлений деятельности Фонда последних лет такие темы как: актуальная история – уроки Второй мировой войны, проблема ревизии истории в сфере образования и культуры на постсоветском пространстве; Россия и мир – образ России в мире, глобальные проблемы и Россия; права человека и современная демократия; сохранение и популяризация культурно-исторического наследия России; и многие другие. В сотрудничестве с ведущими российскими интеллектуальными центрами Фонд

регулярно организует в России и за рубежом конференции, круглые столы и семинары с участием российских и иностранных экспертов.

МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ ФОНДОВ МИРА

МАФМ является правопреемником Советского фонда мира. В настоящее время в Ассоциацию входят 26 зарубежных организаций, включая Фонды Мира стран СНГ, миротворческие организации стран ближнего и дальнего зарубежья, а также иные членские организации. На протяжении многих лет президентом МАФМ является многократный чемпион мира по шахматам, депутат Государственной Думы ФС РФ VI созыва Анатолий Евгеньевич Карпов.

Ассоциация является одной из старейших международных общественных объединений, принимает активное участие в гуманитарной проектах Организации Объединённых Наций и ряда всемирных организаций, действующих под эгидой ООН – ЮНЕСКО, ЮНИСЕФ, ВОЗ и т.п.

Ассоциация принимает самое активное участие в программах сохранения исторического архитектурного и культурного наследия. С начала 90-х годов деятельность МАФМ направлена на реализацию гуманитарных программ, в том числе для детей-инвалидов, реабилитацию воинов-афганцев, общую социальную помощь наименее защищённым слоям населения как в России, так и в странах СНГ. Ассоциацией выполнялись многочисленные внутрироссийские и международные программы в области экологии, развития массового детского спорта (шахматы), поддержки молодых талантов. С 2014 года Фонд активизировал работу в странах СНГ и дальнего зарубежья.

THE FOUNDATION FOR CIVIL SOCIETY DEVELOPMENT

is a non-governmental organization whose main focus of research is in the fields of politics, regional development and contemporary media. Expert, political analyst, former Head of the Domestic Policy Directorate of President of the Russian Federation, Konstantin Nikolaevich Kostin, heads the Foundation.

The Foundation Mission is to improve the quality of politics and society through research, analysis and predictions. The ultimate goal of the Foundation is to bridge the gap between academic

research and practical politics, to ensure that work done is relevant and that the conclusions made are easily applicable.

The Foundation core fields of concern are: research of socio-political processes in modern Russia, including regional level, observation of new communication tools and methods together with «new media», study of nonprofit institutions problems and development perspectives, collaboration with reputable expert and scientific community representatives, publishing business.

FOUNDATION FOR HISTORICAL OUTLOOK

is a non-governmental organization established on 2004 by political analyst, Doctor of Historical Science, State Duma Deputy of the IV convocation – Natalia Alekseevna Narochnitskaya.

Foundation for Historical Outlook implements scientific, information, and research projects on a wide range of international, political, economic and cultural issue. Among the Foundation recent main activities we can name such topics as: latest history - the lessons of the World War II, the problem of history revision in the field of education and culture in the post-Soviet space; Russia and the world - Russia's image in the world, global problems and Russia; human rights and modern democracy; preservation and promotion of cultural and historical heritage of Russia; and many others. In collaboration with leading Russian intellectual centers the Foundation regularly organizes, conferences, round tables and seminars with the participation of Russian and foreign experts in Russia and abroad.

INTERNATIONAL ASSOCIATION OF PEACE FOUNDATIONS - IAPF

is the successor of the Soviet Peace Fund. Currently the Association comprises 26 foreign organizations, including Peace Foundations of CIS countries, peace organizations of CIS and far abroad countries, as well as other affiliates. For many years Anatoly Evgenievich Karpov - multiple world champion in chess and Deputy of the State Duma of the VI convocation has been the President of IAPF.

The Association is one of the oldest international public unities, has been actively involved in United Nations humanitarian projects and a number of global organizations operating under the auspices of

the UN - UNESCO, UNICEF, WHO, etc.

The Association is actively involved in programs of the historical, architectural, and cultural heritage preservation. Since the early 90s IAPSO activities aimed at the implementation of humanitarian programs, including those for children with disabilities, rehabilitation of soldiers of Afghanistan, general social assistance to the least protected segments of the population both in Russia and CIS countries. Association carried out numerous domestic and international programs in the field of ecology, development of mass children's sport (chess), and support to young talents. Since 2014 the Foundation has intensified its efforts in CIS and far abroad countries.

70
Международная
конференция
Ялта
1945:
ПРОШЛОЕ,
НАСТОЯЩЕЕ,
БУДУЩЕЕ

Составитель и научный редактор
Елена Анатольевна Бондарева

Оформление и макет
А.Ю. Никулина

Корректор

Формат 70x90/16
Объем 17 п.л.
Гарнитура Прагматика
Бумага офсетная